

POLYARCHY
Participation
and Opposition

ROBERT A. DAHL

Yale University Press

NEW HAVEN and LONDON

ПОЛИАРХИЯ:
участие
И ОППОЗИЦИЯ

РОБЕРТ АЛЛАН ДАЛЬ

Перевод с английского
СВЕТЛАНЫ ДЕНИКИНОЙ
ВЛАДИМИРА БАРАНОВА

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2010

УДК 321
ББК 66.3
Д15

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
АРТЕМ СМИРНОВ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Д15 **Даль, Р. А.**
Полиархия: участие и оппозиция [Текст] / пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 288 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0759-9 (в пер.).

Признанный патриарх современной политической науки Роберт Даль рассматривает проблему превращения режимов, которые не позволяют оппонентам открыто, законно, организовано, свободно и честно выступать против действующего правительства («закрытые гегемонии»), в режимы, при которых такая оппозиция возможна («полиархии»). Автор делает проициательные выводы относительно исторической последовательности событий, экономических оснований, культурных условий, политических убеждений и представлений и степени независимости от иностранного контроля, которые играют определяющую роль в развитии «полиархий», и предлагает возможные стратегии трансформации «гегемоний» в «полиархии».

Книга адресована политологам, историкам, философам и социологам.

УДК 321
ББК 66.3

ISBN 978-5-7598-0759-9 (рус.)
ISBN 0-300-01565-8 (англ.)

© 1971 by Yale University
© Перевод на рус. яз., оформление,
Издательский дом Государственного
университета — Высшей школы
экономики, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

I. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ОППОЗИЦИЯ.....	6
II. ИМЕЕТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИАРХИЯ?	24
III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ.....	42
IV. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: КОНЦЕНТРАЦИЯ ИЛИ РАССРЕДОТОЧЕНИЕ?.....	59
V. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО: УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ	75
VI. РАВЕНСТВО И НЕРАВЕНСТВО	97
VII. СУБКУЛЬТУРЫ, ВИДЫ РАСКОЛОВ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА	124
VIII. УБЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТИВИСТОВ	147
IX. ИНОСТРАННЫЙ КОНТРОЛЬ.....	220
X. ТЕОРИЯ: ВЫВОДЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ	235
XI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ СТРАТЕГИЙ ИЗМЕНЕНИЙ.....	244
ПРИЛОЖЕНИЕ А	267
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	284

I. Демократизация и публичная оппозиция

Рассмотрим политический режим, в условиях которого оппоненты правительства не могут открыто и законно создавать политические партии, выступающие оппозицией на свободных и честных выборах. Какие условия способствовали либо, напротив, препятствовали бы преобразованию этого режима в такой, где подобная возможность существует? Вот ключевой вопрос данной книги.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Поскольку развитие политической системы, при которой возможны оппозиция, конкуренция или состязательность между правительством и его оппонентами, является важнейшим аспектом становления демократии, эта тема также рассматривается в книге. Однако процессы демократизации и создания публичной оппозиции, на мой взгляд, не тождественны. Подробное описание различий завело бы наше исследование в семантическое болото. Чтобы избежать окольных путей, позволю себе обозначить в достаточно краткой форме ряд допущений, специально не уточняя аргументы и детали.

Я предполагаю, что ключевая характеристика демократии — это непрерывная способность правительства реагировать на предпочтения своих граждан, которые в политическом отношении рассматриваются как равные. В данный момент я не собираюсь обсуждать вопрос о том, каким еще параметрам должна удовлетворять система, чтобы быть демократической в строгом смысле слова. В этой книге мне хотелось бы закрепить термин «демократия» за политической системой, одной из характеристик которой является способность достаточного или почти полного реаги-

1. Демократизация и публичная оппозиция

рования на требования всех своих граждан. Вопрос о том, может ли подобная система существовать в действительности, не должен нас волновать в данный момент. Важно то, что мы можем представить себе подобную гипотетическую конструкцию. Для многих людей данная концепция выступала в качестве образца. И как умозрительная схема, граница измерительной шкалы или предельная ситуация (по аналогии с абсолютным вакуумом) она может служить основой для оценки степени приближения различных политических систем к теоретическому абсолюту.

Кроме того, я предполагаю, что способность правительства в течение определенного времени реагировать на предпочтения своих граждан, в политическом отношении рассматриваемых как равные, должна быть обеспечена их неотъемлемыми правами.

Граждане должны иметь возможность:

- 1) формулировать свои предпочтения;
- 2) выражать свои предпочтения согражданам и правительству посредством индивидуальных и коллективных действий;
- 3) иметь равное отношение к своим предпочтениям со стороны правительства, т.е. отношение, исключающее дискриминацию на почве содержания или источника этих предпочтений.

Таковы, как мне представляется, три необходимых, хотя, возможно, и недостаточных, условия существования демократии. Далее я предполагаю, что наличие данных возможностей у огромного количества людей, таких как члены большинства современных национальных государств, обеспечивается со стороны общественных институтов предоставлением как минимум восьми гарантий. Они обозначены в табл. 1.1. Допустим также, что связь между данными гарантиями и тремя фундаментальными правами граждан достаточно очевидна и не требует дальнейшего исследования¹.

¹ Некоторые аспекты их взаимосвязи рассматриваются в: Dahl R.A. A Preface to Democratic Theory. Chicago: University

Таблица 1.1

Некоторые необходимые условия демократии для большого числа людей

Возможность	Необходимые институциональные гарантии
I. Формулировать свои предпочтения	1. Свобода создания и вступления в организации 2. Свобода самовыражения 3. Право избирательного голоса 4. Право на состязательность политических лидеров за общественную поддержку 5. Альтернативные источники информации
II. Выражать свои предпочтения	1. Свобода создания и вступления в организации 2. Свобода самовыражения 3. Право избирательного голоса 4. Право избрания на государственную должность 5. Право на состязательность политических лидеров за общественную поддержку 6. Альтернативные источники информации 7. Свободные и честные выборы
III. Иметь равное отношение к своим предпочтениям со стороны правительства	1. Свобода создания и вступления в организации 2. Свобода самовыражения 3. Право голоса 4. Право избрания на государственную должность 5. Право на состязательность политических лидеров за общественную поддержку 5а. Право на соперничество политических лидеров за голоса избирателей 6. Альтернативные источники информации 7. Свободные и честные выборы 8. Наличие институтов регулирования политики правительства согласно голосованию и другим способам выражения предпочтений граждан

Согласно данному перечню восемь институциональных гарантий могли бы обеспечить нас теорети-

Окончание см. 1

of Chicago Press, 1956. P. 3-81; Dahl R.A., Lindblom C.E. Politics, Economics and Welfare. N.Y.: Harper, 1953. Ch. 10, 11.

1. Демократизация и публичная оппозиция

ческой шкалой, на которой можно расположить различные политические системы. Однако в результате более пристального анализа мы приходим к выводу, что эти гарантии могли бы быть продуктивно интерпретированы в качестве базиса для различных теоретических аспектов процесса демократизации.

1. И в прошлом, и в настоящее время политические режимы необычайно разнообразны по степени того, насколько эти восемь институциональных условий доступны, публично используются и в полной мере гарантированы по крайней мере некоторым членам политической системы, желающим оспаривать политику правительства. Таким образом, шкала, отражающая эти условия, позволила бы нам сравнить различные политические режимы по таким критериям, как пределы, в рамках которых может действовать оппозиция, границы публичного оспаривания (public contestation) или политической конкуренции². Однако поскольку политические режимы могут допускать в ряды оппозиции как весьма незначительную, так и существенную часть населения, нам, очевидно, потребуется второй аспект.

2. И в прошлом, и сегодня режимы также различаются по тому, какая часть населения допущена к относительно равному участию в контроле и оспаривании действий правительства: так сказать, по степени участия в системе публичного оспаривания. Шкала, отражающая границы права на участие в публичном оспаривании, позволила бы нам сравнить различные режимы по такому признаку, как включенность (inclusiveness).

Право голоса на свободных, честных выборах, к примеру, имеет отношение к обоим аспектам. Если

² В рамках книги термины «либерализация», «политическая конкуренция», «конкурентная политическая борьба», «публичное оспаривание» и «публичная оппозиция» используются как взаимозаменяемые, а политические режимы, в данном аспекте сравнительно высокоразвитые, часто трактуются как конкурентные.

режим допускает это право в отношении ряда своих граждан, это движение в сторону большего публичного оспаривания. Чем больше граждан обладает этим правом, тем большую степень включенности имеет режим.

Публичное оспаривание и степень включенности режима — частично независимые друг от друга величины. Так, к концу XVIII в. в Великобритании сложилась развитая система публичного соперничества, однако лишь незначительная часть населения была в полной мере вовлечена в нее вплоть до расширения избирательного права в результате реформ 1867 и 1884 гг. Одна из самых развитых систем публичного оспаривания в мире существует в Швейцарии. Вряд ли кто-то возьмется оспаривать тезис о том, что швейцарский политический режим является «высокодемократическим». При этом женская половина населения страны все еще не допущена к общенациональным выборам. Противоположную ситуацию мы наблюдали в СССР, где практически отсутствовала система публичного оспаривания, хотя законодательно было закреплено всеобщее избирательное право. Фактически одним из самых поразительных изменений этого столетия стало практически полное исчезновение прямого запрета на легитимность участия населения в определении правительства. Лишь несколько стран не смогли предоставить своим гражданам хотя бы формальное право голоса и проводить хотя бы номинальные выборы. Сегодня даже наиболее склонные к репрессиям диктаторы признают, по крайней мере на словах, легитимность права граждан на участие в «управлении», хотя и не в публичном оспаривании.

Разумеется, в условиях отсутствия права на оппозицию право на «участие» во многом теряет смысл, которым оно обладает в странах, где существует публичное соперничество. Безусловно, в государстве, где избирательное право является всеобщим, но правительство полностью подавляет оппозицию, последняя будет

1. Демократизация и публичная оппозиция

наделена гораздо меньшими полномочиями, нежели в стране с ограниченным избирательным правом, но высокотолерантным правительством. Следовательно, классификация стран исключительно по признаку степени их включенности, без учета контекста, будет некорректной. Тем не менее, поскольку мы четко осознаем тот факт, что пределы «избирательного права» или, в более широком смысле, права на участие в политике, являются только одной из характеристик системы, которая может интерпретироваться лишь в более широком контексте, разграничение режимов по признаку степени их включенности было бы полезным.

Предположим далее, что мы рассматриваем процесс демократизации как состоящий по крайней мере из двух измерений: публичного оспаривания и права на участие (рис. 1.1). Несомненно, большинство читателей считает, что демократизация подразумевает и другие измерения. Вскоре я собираюсь обсудить третье из них, но в данный момент предлагаю ограничиться лишь этими двумя. В контексте уже сказанного я считаю, что развитие системы публичного оспаривания не обязательно является эквивалентным полной демократизации.

Рис. 1.1. Два теоретических измерения демократизации

Чтобы более четко проиллюстрировать взаимосвязь публичного соперничества и демократизации, давайте расположим исследуемые измерения по осям координат, как это показано на рис. 1.2³. Теоретически режим может быть расположен в любой точке пространства, ограниченного двумя измерениями, поэтому очевидно, что наша терминология безнадежно неадекватна, поскольку неизменно основывается скорее на классификации, чем на определении приоритетов. Пространство, ограниченное двумя измерениями, может быть разделено на неограниченное количество клеток, каждой из которых потенциально присваивается имя. Однако цели данной книги делают разработанную типологию излишней. Позвольте мне вместо этого предложить небольшой словарь — надеюсь, обоснованный, — который позволит говорить в достаточно четких терминах о тех видах изменений режимов, которые я хотел бы обсудить.

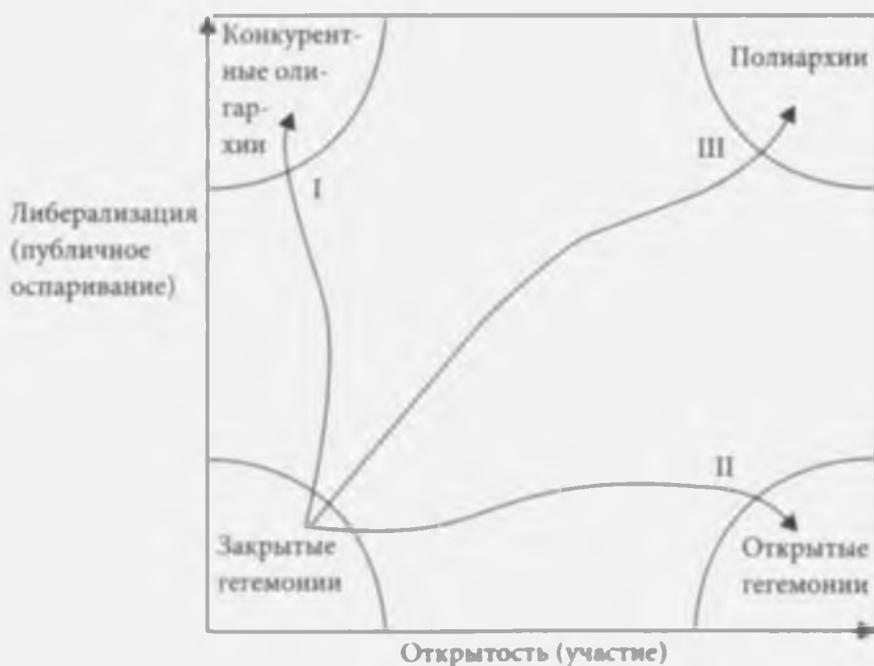

Рис. 1.2. Либерализация, открытость и демократизация

³ Расположение 114 стран по этим двум измерениям см.: приложение А, табл. А-1.

1. Демократизация и публичная оппозиция

Назовем режим, расположенный на графике в левом нижнем углу (см. рис. 1.2), закрытой гегемонией. Перемещение данного режима на графике вверх, по траектории I, означает его движение в сторону увеличения меры публичного оспаривания. Вкратце можно сказать, что изменения в этом направлении подразумевают либерализацию режима. Также допустимо утверждение, что данный режим становится более конкурентным. Если трансформация режима обеспечивает большее участие граждан в процессах управления, как это происходит на траектории II, то можно говорить о движении в сторону популяризации, а также о том, что режим дает больше возможностей для политического участия. Изменения режима фиксировались бы только вдоль одной из осей координат — одного из измерений. Если мы обозначим режим, расположенный в левом верхнем углу, как конкурентную олигархию, то траектория I укажет на переход от закрытой гегемонии к конкурентной олигархии. Но закрытая гегемония также может обеспечить большую степень включенности, не предполагая при этом либерализацию, т.е. обходясь без расширения возможностей публичного оспаривания, — как на траектории II. В данном случае режим трансформируется из закрытой гегемонии в гегемонию включенности.

Демократический режим можно трактовать как расположенный в правом верхнем углу. Однако поскольку демократия может предполагать большее количество измерений, чем обозначено на рис. 1.2, а также (с моей точки зрения) ни одна крупная политическая система в реальности не является полностью демократической, я предпочитаю называть существующие мировые системы, наиболее близкие к правому верхнему углу, полиархиями. Любые трансформации режима, перемещающие его на графике вверх и вправо, например по траектории III, в принципе, подразумевают некоторую степень демократизации. Следовательно, полиархии можно понимать как относительно (но не

полностью) демократические режимы, или, другими словами, полиархии являются режимами, в значительной мере затронутыми процессами расширения народного участия и либерализации, т.е. обеспечивающими высокую степень включенности и в значительной мере открытыми для публичного оспаривания.

Легко заметить, что хотя я обозначил режимы, расположенные по углам графика, значительное пространство в его центре не получило названий и никак не подразделяется. Отсутствие наименований частично отражает историческую тенденцию к классификации режимов в терминах идеальных типов. Кроме того, это связано с моим нежеланием использовать слишком сложную терминологию. Но отсутствие терминологии не означает отсутствия соответствующих режимов. На практике большинство национальных правительств в современном мире попадет в эту среднюю зону. Кроме того, всевозможные существенные трансформации режимов влекут за собой смещение на графике в пределах или за пределами этой важнейшей центральной зоны, иллюстрируя становление данных режимов как обладающих большей (или меньшей) степенью включенности с расширением (или отрицанием) возможностей публичного оспаривания. Чтобы сослаться на режимы, расположенные в этой масштабной средней зоне, я буду иногда прибегать к слову «почти»: режим, который можно назвать почти гегемонией, предполагает отчасти бóльшие возможности для публичной оппозиции, чем подлинная гегемония, а «почти-полиархия» либо подразумевает достаточную степень включенности при условии более жестких ограничений на публичное соперничество, чем при полной полиархии, либо предоставляет сравнимые с полной полиархией возможности для соперничества, но при этом обладает меньшей степенью включенности⁴.

⁴ Терминологическая проблема практически неразрешима, поскольку представляется невозможным подобрать термин.

Необходимость дальнейшего использования подобных терминов свидетельствует в пользу классификации, произвольность границ между «почти» и «полным» указывает на некорректность любой классификации. Пока мы отчетливо понимаем, что эти термины полезны, но достаточно произвольны в кон-

уже находящийся в употреблении и при этом свободный от груза двусмысленности и многозначности. Следует напомнить читателю, что используемые здесь термины на протяжении всей книги употребляются мной по возможности только в значении, указанном в предшествующих главах. Некоторые читатели, вероятно, не захотят использовать термин «полиархия» в качестве эквивалента слова «демократия». Здесь необходимо подчеркнуть разницу между демократией как идеальной системой и общественными устройствами, которые рассматриваются как разновидность несовершенных приближений к идеалу. Опыт показывает, что обозначение обоих явлений одним и тем же термином приводит анализ к ненужной путанице и не относящимся к делу семантическим аргументам. С другой стороны, термин «гегемония» также не является вполне удовлетворительным, но в то же время его значение, используемое в данном контексте, представляется мне более подходящим, нежели «иерархия», «монархия», «абсолютизм», «автократия», «деспотизм», «авторитаризм», «тоталитаризм» и т.д. Моя трактовка термина «оспаривание», в контексте «публичное оспаривание», вполне укладывается в обычное (хотя и редко употребительное) значение этого слова в английском языке, где оспаривать — значит опровергать, делать нечто предметом диспута, спора, тяжбы. Наиболее близкие синонимы здесь — полемизировать, ставить под сомнение, конкурировать. Но впервые на мысль об использовании этого термина меня натолкнула статья: *Jouvenel B. The Means of Contestation // Government and Opposition. 1996. No. 1. Jan. P. 155–174.* Употребление Жувенелем данного термина сходно с моим, будучи в оригинале его французским аналогом: *débat, objection, conflit, opposition.* Однако в том же выпуске журнала Гита Ионеску (*Ionescu G. Control and Contestation in Some One-Party States. P. 240–250*) использует данный термин в более узком, но вполне общепринятом значении как «антисистема, основные и неизменные постулаты любой оппозиции на почве фундаментальных дихотомических различий мнений и идеологий» (р. 241). Несомненно, это более узкое определение термина, нежели то, как я использую его в данной книге и, как мне кажется, использовал его Жувенель в своей статье.

тексте разграничения пространства на рис. 1.2, данные понятия будут выполнять свои задачи.

НОВАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Теперь мы можем переформулировать вопрос, которым открывается данная глава, следующим образом:

1) каковы факторы, способствующие либо, напротив, препятствующие демократическим преобразованиям режима гегемонии или «почти-гегемонии»;

2) выражаясь более точно, какие факторы усиливают или ослабляют публичное соперничество;

3) и еще более конкретно: что способствует или препятствует переменам в области публичного соперничества в режимах, обладающих высокой степенью включенности, таких как полиархия.

Пояснения

Таким образом, данная книга описывает условия, при которых системы публичного оспаривания имеют возможность существовать и развиваться. Поскольку публичное оспаривание является одним из аспектов демократизации, неизбежно будет затронута и эта тематика, как я уже отмечал в начале главы. Важно при этом не забывать, что в центре внимания находится несколько ключевых вопросов, которые будут рассматриваться при анализе процесса демократизации.

Было бы удобно рассматривать демократизацию как совокупность масштабных исторических трансформаций. Одна из них — это преобразование гегемоний и конкурентных олигархий в режим, который можно назвать «почти-полиархией». По сути, именно это происходило в западном мире на протяжении XIX столетия. Вторая трансформация — это преобразование «почти-полиархии» в полную полиархию. В Европе этот процесс охватывает три десятилетия, или период, пришедшийся на конец прошлого столетия и Первую

1. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПУБЛИЧНАЯ ОППОЗИЦИЯ

мировую войну. Третья трансформация — это дальнейшая демократизация полных полиархий. Данный исторический процесс, вероятно, может быть соотнесен с периодом стремительного развития демократических государств всеобщего благоденствия после натиска Великой депрессии. Прерванный Второй мировой войной этот процесс, казалось бы, возобновился в конце 1960-х гг., особенно в молодежной среде, в форме быстро растущей потребности в демократизации множества общественных институтов.

Данная книга ограничивается рассмотрением первых двух трансформаций¹. При этом третья волна демократизации, безусловно, так же важна, независимо от того, будет ли она развиваться дальше или потерпит неудачу. Многим она покажется даже более важной, чем предшествующие, поскольку затронет только наиболее развитые страны, где будет формировать образ жизни людей в XXI в. Тем не менее преобладающее большинство стран все еще далеки от возможности реализации этих особых трансформаций. Так, в 1969 г. из 140 формально независимых стран только две дюжины отличались высокой степенью включенности и развитой системой публичного оспаривания, т.е. являлись открытыми полиархиями. Возможно, еще около дюжины стран можно было бы отнести к «почти-полиархиям», причем статуса «полных полиархий» они могли бы достигнуть в кратчайшие сроки. Именно на эти три дюжины стран и приходится третья волна демократизации. В свете последующего анализа способность не-полиархий совершить скачок в сторону большей демократизации, чем существует ныне в полиархиях, минуя основные институты этого политического режима, представляется мне весьма слабой, несмотря на обещания идеологов. Поэтому для большинства стран наиболее существенными будут первая

¹ Некоторые аспекты данной темы рассмотрены мной в книге: *Dahl R.A. After the Revolution? Authority in a Good Society.* New Haven: Yale University Press, 1970.

и вторая стадии демократизации, но никак не третья. Фактически основная тема книги даже уже, чем анализ первых двух стадий. Я говорил о «режимах» и «системах публичного оспаривания», но до сих пор так и не определил тот уровень государственной организации, на котором режимы и публичное соперничество могли бы быть эффективными. Позвольте подчеркнуть, что в рамках данной книги анализируются национальные режимы, т.е. режимы, взятые на уровне страны, или, если хотите, юридически независимого государства, или, используя менее подходящий термин, нации или национального государства. Частично анализ мог бы быть применен к таким подчиненным уровням политической и общественной организации, как муниципалитеты, провинции, профсоюзы, фирмы, церкви и т.п. Возможно, некоторые из них, такие как международные организации различных типов, имели бы большое значение для государств, которые выходят на уровень большей открытости. Однако тезис касался только национальных режимов.

Повторюсь: тема демократизации является серьезным пробелом данной книги. И даже вопросы публичного оспаривания освещены здесь не полностью. На первый взгляд страны дифференцируются в зависимости от объема полномочий, делегируемых гражданам для участия в политике и ее оспаривания не только на уровне национальных правительств, но также правительственных и общественных организаций более низкого уровня. Поскольку создается впечатление, что существенные различия в общих характеристиках субнациональных объединений связаны с различиями в природе национальных режимов (например, является ли данный режим полиархией или нет), я попытаюсь принимать это в расчет в процессе дальнейшего анализа.

Несмотря на это, требование существенного углубления анализа могло бы показаться вполне разумным. Для полного описания возможностей, доступных для

1. Демократизация и публичная оппозиция

участия в политике и ее оспаривания на уровне страны, нам, безусловно, нужно сказать несколько слов и о возможностях, доступных на уровне субнациональных объединений. Чрезвычайная попытка Югославии предоставить субнациональным объединениям значительные полномочия в области самоуправления означает, что возможности оспаривания политики и участия в ней реализуются здесь, несмотря на однопартийный режим, больше, чем, например, в Аргентине или Бразилии. Однако взгляд на проблему с точки зрения включенности режима потребовал бы внимания ко всем возможностям, предполагаемым рис. 1.3. Более того, некоторые современные критики недостаточной демократизации полиархий утверждают, что в то время как полиархии могут быть конкурентными на национальном уровне, огромное количество субнациональных организаций, а особенно частных объединений, будут гегемониями или олигархиями⁶.

		Национальный режим	
		Низкий	Высокий
Субнациональные объединения	Высокий	III	I
	Низкий	IV	II

- I. Полностью «либерализованные» или «конкурентные» режимы
- II. Конкурентный режим на национальном уровне, гегемонистский режим на уровне субнациональных организаций
- III. Конкурентный режим на уровне субнациональных организаций, гегемония на национальном уровне
- IV. Полная гегемония

Рис. 1.3. Гипотетическая классификация стран, основанная на доступных гражданам возможностях публичного оспаривания

⁶ См. также: *McConnell G. Private Power and American Democracy*. N.Y.: Knopf, 1966; *Kariel H.S. The Decline of American Pluralism*. Stanford: Stanford University Press, 1961; *Wolff R.P. The Poverty of Liberalism*. Boston: Beacon Press, 1968.

Задача состоит в том, чтобы выйти за пределы описания национальных режимов на уровень субнациональных объединений. Думаю, что попытка исследовать достаточно большое количество стран потребовала бы настолько сложного анализа и столкнулась бы с такими непреодолимыми проблемами с фактической информацией, что данная инициатива потерпела бы неудачу.

В принципе, для полной уверенности субнациональные организации можно было бы расположить вдоль двух измерений, проиллюстрированных на рис. 1.1 и 1.2. Однако задача не в том, чтобы просто локализовать страны в гипотетическом пространстве (см. рис. 1.3). Во-первых, данное пространство соотносится только с одним из двух измерений — оспариванием политики. Очевидно, что аналогичная процедура потребуется и для второго важнейшего измерения — участия в политике. Вдобавок даже в рамках одной страны субнациональные объединения часто существенно различаются по такому критерию, как возможности, предоставляемые ими для «оспаривания» и «участия». Например, во многих современных государствах эти возможности на уровне муниципальных правительств превышают таковые на уровне профсоюзов, которые в свою очередь опережают в этом отношении коммерческие компании. Следовательно, потребовалось бы разбить субнациональные объединения на несколько категорий: коммерческие компании, профсоюзы, муниципальные правительства, церкви, образовательные учреждения и т.д.⁷ К сожалению, здесь данные требования превращаются в утопию, и именно по этой причине — скорее

⁷ Ставшее уже классическим исследование акцентирует внимание на девиантном случае профессиональных объединений с высокой степенью оспаривания и участия: *Lipset S.M., Trow M.A., Coleman J.S. Union Democracy. Glencoe: The Free Press, 1956.* Его описание и исследование в контексте конкретной страны было крайне важным начинанием.

1. Демократизация и публичная оппозиция практической, нежели теоретической — я решил ограничить анализ национальным уровнем.

Допущения

Когда гегемонии и конкурентные олигархии начинают трансформироваться в полиархии, они увеличивают объем полномочий граждан для эффективного участия и оспаривания политики, а вместе с тем — и количество индивидов, групп, интересов, чьи предпочтения должны затрагивать процесс формирования политики.

С точки зрения тех, кто уже находится у власти, подобная трансформация влечет за собой новые возможности столкновения, в результате которого поставленные ими задачи (да и они сами) могут быть замещены представителями общественного мнения на новые общности индивидов, групп или интересов.

Проблема тех, кто находится у власти, является зеркальным отражением проблемы их оппонентов. Любая трансформация, наделяющая оппонентов правительства большими полномочиями для реализации своих целей в политике, проводимой государством, влечет за собой возможность конфликта с представителями общественного мнения, касающегося индивидов, групп или интересов, которых они замещают в правительстве.

Таким образом, чем серьезнее конфликт правительства и оппозиции, тем более вероятно, что каждая сторона будет пытаться ограничить возможности другой стороны для эффективного участия в формировании политического курса. Иными словами, чем серьезнее конфликт правительства и его оппонентов, тем дороже обходится каждой из сторон существование другой. Поскольку оппозиция должна получить контроль над государством, чтобы подавить действующие власти (в этот момент оппозиция и правительство поменялись ролями), мы можем сформулировать в качестве аксио-

Полиархия: участие и оппозиция

мы некое общее допущение относительно правительств, проявляющих терпимость к своим оппонентам.

АКСИОМА 1. Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к оппозиции, возрастает в той мере, в которой ожидаемые издержки такой терпимости снижаются.

Тем не менее правительство должно понимать, чего ему будет стоить подавление оппозиции. Как бы ни приходилось расплачиваться за толерантность, подавление оппозиции обойдется гораздо дороже и будет явным безрассудством. Следовательно:

АКСИОМА 2. Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к оппозиции, возрастает в той мере, в которой возрастают ожидаемые издержки ее подавления.

Таким образом, можно считать, что шансы на возникновение или продолжение существования более конкурентной политической системы зависят от этих двух видов издержек.

АКСИОМА 3. Чем больше издержки подавления оппозиции превышают издержки терпимого отношения к ней, тем выше вероятность, что политический режим станет конкурентным.

Аксиома 3 может быть проиллюстрирована графически (рис. 1.4).

Чем ниже издержки терпимого отношения к оппозиции, чем выше защищенность правительства. Чем выше издержки подавления оппозиции, тем выше защищенность самой оппозиции. Следовательно, условия, обеспечивающие обоюдную защищенность как правительства, так и оппозиции, тяготели бы к делегированию и сохранению более широких полномочий оппозиции в оспаривании политики правительства.

I. Демократизация и публичная оппозиция

Рис. 1.4

Теперь можно заново сформулировать вопрос, поставленный ранее:

какие условия способствуют значительному росту обоюдной защищенности правительства и оппозиции и, таким образом, повышению шансов публичного оспаривания и полиархии?

Прежде чем я отвечу на этот вопрос, позвольте рассмотреть еще более важный: имеет ли значение полиархия?

II. Имеет ли значение полиархия?

Некоторым читателям, возможно, покажется, что различия в национальных режимах не имеют большого значения. Так, кто-то может разделять точку зрения Гаэтано Моска, который утверждает, что любой политический режим в конечном счете контролируется правящим меньшинством. Скептицизм Моска достоин упоминания, ведь это суровый вызов убеждению в том, какие зловещие последствия для населения страны влечет за собой изменение политического режима. Кроме того, процессы, которые на первый взгляд можно принять за изменения режима, подчас вообще не являются таковыми — это всего лишь изменения в личностных, риторических и пустых структурных предписаниях.

Однако лишь единицы будут последовательно придерживаться точки зрения, что различия в режимах — например, между полиархией и открытой гегемонией — можно игнорировать. У меня создается впечатление, что эту позицию чаще всего отстаивают интеллектуалы, в душе являющиеся либеральными или радикальными демократами, разочарованными очевидными провалами полиархий или «почти-полиархий». И наоборот, интеллектуалы, жившие при режиме жесткой репрессивной гегемонии, крайне редко утверждают, что различие режимов не имеет значения. Возможно, лучшая иллюстрация этого суждения — итальянские интеллектуалы Моска и Кроче, всю жизнь критиковавшие жалкий и очевидно дефектный парламентский режим, предшествовавший итальянскому фашизму. За 70 лет, разделяющих объединение Италии и фашизм, итальянская политика прошла классический путь от конкурентной олигархии к от-

II. ИМЕЕТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИАРХИЯ?

крытой полиархии, но изъяны «трансформизма» в политических делах, а также повсеместное итальянское *incivismo* — отсутствие гражданской позиции — были настолько вопиющими, что не позволили парламентскому режиму завоевать значительную поддержку граждан. Однако даже такой несостоятельный режим в основополагающих моментах отличался от фашизма и, более того, каким бы никчемным он ни был, все же был лучше фашизма, — и Моска это понимал. В своем последнем обращении к итальянскому сенату в 1925 г. Моска признался, что был «излишне эмоционален, поскольку, давайте будем откровенными, мы присутствуем на похоронах правительства. Я не мог и помыслить, что буду выступать с надгробной речью парламентскому режиму... Я, чья позиция в отношении парламента всегда была крайне жесткой, сегодня жалею о его упразднении... Можно сказать со всей откровенностью: парламентский режим был лучше».

Ему не суждено было познать горечь раскаяния: прожив до 1941 г., Моска стал свидетелем всего, кроме окончательного распада этого нового жалкого режима. Бендетто Кроче, который поначалу приветствовал фашизм, в итоге вынужден был признать, что на протяжении всего времени, пока он выражал свое презрение к парламентскому режиму, «он не мог и помыслить возможность того, что Италия позволит лишиться себя свободы, доставшейся ей такой ценой и ставшей неизменной ценностью для целого поколения».

К 1945 г. у Гаэтано Сальвемини, интеллектуала с радикальными убеждениями и жесткого критика Италии Джолитти, уже не осталось сомнений, что, несмотря на все изъяны, парламентский режим и в реальности, и по своему потенциалу был гораздо лучше того, что пришел ему на смену. «Вот они, перед нашими глазами — итоги фашистской диктатуры в противоположность результатам становления итальянской демократии, — говорил он, — хочется верить, что не только итальянцы извлекут урок из этого ужасающего

эксперимента»¹. Хотя подобного рода свидетельства очевидцев ничего не доказывают, они предостерегают нас от поверхностного допущения, что изменения политического режима не имеют большого значения. Боюсь, потребуется целая книга, чтобы ответственно проанализировать условия и пределы, в рамках которых изменения режимов «имели бы значение», — в данной книге я воздержусь от этого. Кроме того, если

¹ Москва цит. по: *Meisel J. The Myth of the Ruling Class*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958. P. 225–226. Кроче цит. по: *Sartori G. Democratic Theory*. Detroit: Wayne State University Press, 1962. P. 37. Первоначальное признание Кроче фашизма обсуждается в книге: *Sartori, Croce, Etico-Politico e Filosofo della Liberta*. Florence: Universita degli Studi, n.d. P. 191. Заявление Сальвемини взято из введения к: *Salamone A. W. Italy in the Giolittian Era: Italian Democracy in the Making, 1900–1914*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1945, 1960. Фактически в кратком очерке Сальвемини утверждается, что представительное правление, развивавшееся в Италии, вполне выдерживало сравнение с аналогичными примерами Англии и США. Данный вывод резюмируется утверждением, что «итальянской демократии пришлось бы пережить еще целый ряд испытаний и ошибок, прежде чем стать не «совершенной демократией», но «менее совершенной демократией». Однако кризис, последовавший за Первой мировой войной, оказался фатальным для демократического процесса». Сальвемини продолжает:

«Тридцать лет спустя, оглядываясь назад, на работу участников общественного движения, я понимаю, что мне не о чем жалеть. Однако должен признать, что, будь я мудрее, я был бы сдержаннее в критике системы Джолитти. Знание людей, пришедших в Италии на смену Джолитти, как и знание стран, в которых я жил на протяжении последних двадцати лет, убедило меня в том, что если Джолитти и не был лучшим, то, по крайней мере, он был не хуже многих неитальянских политиков, ставших его преемниками. Пока мы, участники итальянского общественного движения, атаковали его «слева», обвиняя — не без оснований — в коррумпировании становящейся итальянской демократии, другие нападали «справа» за его даже излишнюю, как им казалось, демократичность. Таким образом, наша критика не направила итальянскую общественную жизнь в сторону менее совершенных форм демократии, а привела к милитаризму, национализму и реакционным группам, для которых даже демократия Джолитти была слишком совершенной».

теории и фактов недостаточно даже для определения наиболее благоприятных условий развития различных режимов, в отношении последствий этих режимов (на жаргоне современной политической науки — «результатов») все будет еще более плачевно. Как бы то ни было, есть достаточно весомые причины полагать, что трансформация гегемонии в более конкурентный политический режим или конкурентной олигархии в полиархию приведет к важным результатам.

1. Во-первых, существуют классические либеральные свободы, входящие в определение публичного оспаривания и участия в политике: это и возможность находиться в оппозиции правительству, и возможность создавать политические организации, безбоязненно выражать свое мнение по политическим вопросам, возможность читать и слушать альтернативные точки зрения на политику, иметь доступ к тайному голосованию на выборах, где кандидаты от различных партий борются за голоса избирателей, а по завершении которых проигравшие кандидаты мирно отказываются от своих притязаний на власть в пользу победителей, и т.д. В стабильных полиархиях эти свободы укоренились после того, как новые идеи и движения, не говоря уже о революционных призывах, утратили свою привлекательность. Эти свободы стали для нас привычными, недостижимыми в полной мере и, очевидно, недостаточными для благополучного общества. Ставшие общим местом после стольких лет риторических крайностей, они считаются довольно скромным наследием. Нет сомнения, что ценность этих свобод покажется более важной тем, кто потерял их или не знал никогда. Именно такие свободы были настолько привычными для Моска, Кроче, Сальвемини и других итальянских критиков дофашистского парламентского режима, что им не удалось предугадать, какой деспотической станет Италия при новом режиме. Расширение именно этих свобод во многом двигало либеральные силы в Чехословакии, пока революция в

этой стране не была разгромлена Советским Союзом. Добиться этих свобод — вот цель, которая объединила испанскую оппозицию против диктатуры Франко.

2. Расширенное участие в политике в комплексе с политической состоятельностью вызывает изменения в структуре политического руководства, особенно среди тех, кто пришел к власти в результате выборов, т.е. в основном членов парламента. Поскольку избирательным правом наделяются новые группы, большая часть должностей достанется в результате выборов кандидатам, наиболее близким по своим социальным характеристикам этим вновь вошедшим в политику слоям общества. Таким образом, когда в конкурентных олигархиях ограниченное право избирательного голоса распространилось на средний класс, возросло количество партийных лидеров и членов парламента, являющихся выходцами из среднего класса. Нечто подобное произошло и тогда, когда избирательное право было предоставлено представителям рабочего класса, особенно в тех странах, где лейбористским и социалистическим партиям удалось завоевать значительную часть голосов избирателей². Когда Реконструкция,

² Есть немало свидетельств этих изменений, но, насколько мне известно, нет ни одного сравнительного анализа. Систематическое, дальновидное исследование данной проблемы см.: *Dogan M. Political Ascent in a Class Society: French Deputies 1870-1958* // *Marvick D. (ed.) Political Decision-Makers: Recruitment and Performance*. Glencoe: The Free Press, 1961. P. 57-90; также об этом можно прочесть в: *Guttsman W.L. The British Political Elite*. L.: MacGibbon and Key, 1963. Есть немало свидетельств изменений в Британии после 1832 г., но все они носят несистематический характер. Но ср. приводимые сэром Льюисом Немиром сведения за 1761 г. о членах парламента из небольших городков: *Namier L. The Structure of Politics at the Accession of George III*. 2nd ed. L.: Macmillan, 1961. P. 84 ff. с информацией в: *Jennings W.I. Parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1939. Tab. II. P. 38, а также: *Guttsman W.L. The British Political Elite*. Об изменениях в профессиональной и социальной структуре итальянского парламента в период с 1909 по 1963 г. (всеобщее избирательное право было введено в 1913 г., а система пропор-

II. ИМЕЕТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИАРХИЯ?

последовавшая за Гражданской войной в Америке, наделила черное население южных штатов правом голоса, они впервые начали занимать официальные должности. Однако с концом Реконструкции закончилось и их участие в политической жизни. Когда чернокожие восстановили это право после принятия Закона о гражданских правах 1964 г., они снова начали добиваться государственных должностей¹. Это не значит, что политическое руководство или парламенты когда-нибудь станут типичной моделью различных социэкономических слоев, профессий или других

ционального представительства — в 1919 г.) см.: *Somogyi S., Lotti L., Predieri A., Sartori G. Il Parlamento Italiano, 1946–1963. Naples: Edizioni Scientifiche Italiane, 1963. P. 160–162, 168–169, 197–200. О социально-экономических различиях аргентинских парламентариев-консерваторов, доминировавших в парламенте до введения в стране всеобщего избирательного права, и депутатов от радикальной и социалистической партий, которые получили большинство мест в парламенте в результате выборов 1916 г., см.: *Canton D. Universal suffrage as an Agent of Mobilization (paper presented to the VIth World Congress of Sociology. Evian, France, September 1966). P. 24.**

¹ Право голоса для чернокожих и его результаты в контексте Реконструкции рассматриваются в: *Woodward C.V. The Burden of Southern History. N.Y.: Vintage Books, 1960. P. 98–103.* Что касается современного периода, имеются сведения, что к 1968 г. процент чернокожих, пришедших на голосование, необычайно возрос. Вот конкретные данные по штатам, доля проголосовавшего белого населения взята в скобки: Алабама — 56,7 (82,5); Арканзас — 67,5 (75,2); Флорида — 62,1 (83,8); Джорджия — 56,1 (84,7); Луизиана — 59,3 (87,9); Миссисипи — 59,4 (92,4); Северная Каролина — 55,3 (78,7); Южная Каролина — 50,8 (65,6); Теннесси — 72,6 (81,3); Техас — 83,1 (72,3); Вирджиния — 58,4 (67,0). Суммарно по данным штатам соотношение составляет 62,0 (78,1). (*Southern Regional Council, Voter Education Project // Voter Registration in the South Summer, 1968. Atlanta: Southern Regional Council, 1968.*) К 1969 г. на государственные должности в южных штатах было избрано 473 чернокожих, из которых 17 заняли должность мэра и 200 — членов городских советов. Сведения приведены по: «Black Elected Officials in the Southern States», a memorandum to selected members of the American Political Science Association, August 12, 1969, from Emory F. Via, Director, Labor Program, Southern Regional Council, Inc.

общественных объединений. Этого не будет никогда. В современных законодательных органах средний класс и лица свободных профессий имеют явное численное превосходство, в то время как представители «синих воротничков» находятся в меньшинстве (даже в лейбористских, социалистических и коммунистических партиях), как и многие другие категории, например фермеры или домохозяйки⁴. Даже если «политический класс» не является точной выборкой из основных социоэкономических слоев данной страны — многие защитники представительной демократии согласятся, что он и не должен быть таковой⁵, — расширение права избирательного голоса в комплексе с политической состязательностью делает парламенты в частности и политическое руководство в целом гораздо менее «непредставительными» в строго статистическом смысле слова.

3. Как только политическая система становится более конкурентной или более открытой, политические деятели начинают бороться за поддержку новых групп, получивших доступ к политической жизни. Ответы политиков на вновь открывшиеся возможно-

⁴ О Британии см.: *Guttsman W.L. Changes in British Labour Leadership // Political Decision-Makers. P. 91–137.* Данные о кандидатах и действующих членах палаты общин в 1950–1960-х гг. см.: *Blondel J. Voters, Parties, and Leaders. Baltimore: Penguin, 1963. P. 135–145; Pulzer P.G.J. Political Representation and Elections, Parties and Voting in Great Britain. N.Y.: Praeger, 1967. P. 67 ff.* О послевоенном парламенте в Италии см.: *Sartori G. et al. Il Parlamento Italiano. P. 93–97.* О членах парламента Бельгии в 1964 г. см.: *Debuyst F. La Fonction Parlementaire en Belgique: Mecanismes d'Access et Images. Brussels: CRISP, 1966. P. 90–109.* Также Дебюст сравнивает предпосылки членства в национальных органах законодательной власти Бельгии, Франции, Англии, Италии и США (сенат) и процентное соотношение представителей низших классов, рабочих и партийных функционеров в коммунистических парламентских партиях европейских государств.

⁵ В качестве примера можно сослаться на книгу: *Pitkin H.F. The Concept of Representation. Berkeley: University of California Press, 1967. Ch. 4. P. 60–91.*

сти граждан к участию в политике и ее оспариванию многообразны и имеют далеко идущие последствия. Только что я описал одно из них: на выборы выдвигаются такие кандидаты, которые покажутся избирателям в некотором смысле «ближе» к ним самим. Другая задача состоит в том, чтобы адаптировать риторику, программу, партийный курс и идеологию к желаниям и интересам групп, сегментов или социальных слоев, ранее не представленных в органах власти. Таким образом, возросшее влияние социалистических и лейбористских партий в Восточной Европе тесно связано с предоставлением права голоса городской и сельской рабочей страте. Когда появилась относительная свобода образования политических партий, но границы избирательного права еще не были расширены, одним из основных требований социалистов и лейбористов было всеобщее участие граждан в выборах — это подтверждается примером многих стран, в настоящее время являющихся полиархиями. Вполне естественно, что как только правом голоса были наделены представители рабочего класса, эти партии в первую очередь направили все свои силы на мобилизацию данной страты.

Политическая состязательность и степень открытости режима сами по себе вызывают изменения в партийной системе. Конечно, наиболее радикальные и очевидные из них происходят тогда, когда режим однопартийной гегемонии быстро заменяется полиархией: однопартийная гегемония внезапно уступает место двум или даже более конкурирующим партиям, как, например, в Италии, Германии или Японии после Второй мировой войны. Страны, в которых возможности граждан к участию и оспариванию политики расширяются постепенно, демонстрируют нечто похожее на замедленную съемку. Когда избирательное право выходит за пределы аристократического круга и его приближенных, старые партии и политические группировки, преимущественно основанные на социальных связях аристократии: семейных, классовых,

географических, на стиле жизни и традициях, — полностью замещаются или дополняются партиями, программы которых более привлекательны для среднего класса. Ситуация повторяется снова, когда правом голоса наделяются представители рабочего класса. Так, в Великобритании после реформы 1832 г. виги уступили дорогу либералам, а реформы 1867 и 1884 гг. способствовали созданию и развитию партии лейбористов. В Норвегии борьба за мобилизацию крестьянства в 1860–1870 гг. привела к созданию электоральной и парламентской коалиции «левых» и «правых». Борьба за предоставление права голоса всему мужскому населению страны и победа в ней привели в 1900 г. к образованию новых партий. Если старые «правые» вошли в состав партии консерваторов, то альянс старых «левых» раскололся на либералов, христианских фундаменталистов и аграрников, а партии лейбористов удалось завоевать существенную поддержку рабочего класса⁶. Несмотря на различие деталей, где бы ни устанавливался режим полиархии, через определенное время мы обнаруживаем сходные модели развития.

Также меняются структура и организационное устройство партий. Как неоднократно отмечалось, необходимость мобилизации большего количества избирателей инициирует развитие «современных» партийных организаций. Поскольку электорат растет, традиционные, преимущественно неформальные меры, которые неплохо работали для небольших групп избирателей (многие из которых находились под влиянием аристократии), становятся просто неуместными. Если партия намеревается выжить в новой конкурентной среде, она должна поддерживать связь со своими членами, последователями и потенциальными избирателями посредством организаций административного уровня,

⁶ См. также: Rokkan S. *Norway: Numerical Democracy and Corporate Pluralism* // Dahl R.A. (ed.) *Political Oppositions in Western Democracies*. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 70–115, esp. P. 75–81.

секций, ячеек и т.п. Многие из этих ныне привычных форм партийной организации изначально были созданы в США — стране, где впервые было законодательно закреплено всеобщее избирательное право. Они быстро получили повсеместное распространение в странах со всеобщим избирательным правом, где имеет место политическая состязательность. Например, в Великобритании образование местных консервативных и либеральных ассоциаций, а также знаменитого Бирмингемского общества произошло сразу же после избирательной реформы 1867 г., в результате которой было закреплено всеобщее избирательное право, и введения системы тайного голосования в 1872 г.⁷

Изменения в партийной организации и растущее проникновение партий в городские и сельские районы приводят к еще более глубоким изменениям политической жизни. Политическая состязательность и участие граждан в политике обоюдно усиливаются. Как только партиям, организованным на национальном уровне, удастся мобилизовать своих избирателей, количество несостязательных или непартийных выборов снижается. А борьба за членов партии, ее сторонников и избирателей влечет за собой, по крайней мере в начальной стадии, политизацию электората. Так, участие в выборах было выше в тех избирательных округах, где борьбу вело несколько соперничающих партий⁸.

⁷ См., напр.: *Pulzer P.G.J. Political Representation*. Об истоках «прислужницы» консервативной партии, Национальном союзе, задача которого — привлечь на свою сторону городское рабочее население, получившее право голоса, см.: *McKenzie R.T. British Political Parties*. L.: Heinemann, 1955. P. 146 ff. Информацию о либеральных союзах и тайном собрании партийцев в Бирмингеме см.: *Jennings I. Party Politics*. Vol. 2: *The Growth of Parties*. Cambridge: Cambridge University Press, 1961. P. 134 ff.

⁸ Повторюсь, сравнительные сведения по различным странам отсутствуют. Так, в Великобритании количество избирательных округов, где парламентские выборы были безальтернативными, составляло 57% в 1835 г., 43 — в 1868-м и 23% — в 1880 г. Сведения приведены по: *Pulzer P.G.J. Political*

4. Во всякой данной стране количество и разнообразие политических предпочтений и интересов, ждущих своей реализации в политике, растет по мере увеличения возможностей граждан для их систематизации, формулирования и демонстрации. Следовательно, в определенной стране в определенное время количество и вариативность предпочтений и интересов, влияющих на выработку политической стратегии, будут существенно больше при полиархии, чем при смешанном режиме, и при смешанном режиме больше, чем при гегемонии. Значит, во всякой данной стране трансформация гегемонии в смешанный режим или полиархию либо смешанного режима в полиархию будет способствовать увеличению числа и разнообразия предпочтений и интересов, формирующих политический курс⁹.

5. К сожалению, не ясно, как отразится на политическом курсе правительства более низкий порог

Окончание см. 8

Representation. P. 61–62. В Норвегии, как только партия лейбористов организовала на местном уровне союзы (коммуны) для мобилизации избирателей, оппоненты тут же последовали их примеру. Так, начиная с 1900 г. количество сельских коммун, где проводились непартийные выборы относительным большинством голосов, сократилось (с 78% в 1901 г. до 2% в 1959-м), тогда как количество выборов с двумя и более партийными списками возросло. По сравнению с коммунами, где были представлены партийные списки и пропорциональное представительство, явка избирателей была заметно ниже там, где были безальтернативные выборы относительным большинством голосов. См.: *Rokkan S., Valen H. The Mobilization of the Periphery: Data on Turnout, party Membership and Candidate Recruitment in Norway // Rokkan S. (ed.) Approaches to the Study of Political Participation. Bergen: The Chr. Michelsen Institute, 1962. P. 111–158, esp. Tab. 2, 2.1 and 2.2. P. 144–145. См. также: Hjellum T. The Politicization of Local Government: Rates of Change, Conditioning Factors, Effects on Political Culture // Scandinavian Political Studies. 1968. No. 2. P. 69–93. Tab. 1–2. P. 73–74.*

⁹ Данная тема подробнее рассматривается мной во введении к книге: *Dahl R.A. Regimes and Oppositions. New Haven: Yale University Press, 1971.*

для участия и публичного соперничества. Кросс-национальные исследования наталкиваются в этой области на непреодолимые трудности. Даже сравнение политических стратегий, публичных деятелей, а также социально-экономических различий на примере 50 американских штатов не позволило сделать однозначных выводов, на основании которых можно было бы утверждать, что вариативность политических курсов зависит от вариативности участия в политике и политического соперничества. И это несмотря на то, что диапазон различий этих величин на уровне штата должен быть, безусловно, значительно уже, чем на уровне страны¹⁰. Поскольку такие факторы, как уровень социально-экономического развития, особенности социальных и экономических систем, традиции этой страны, существенно влияют на правительственный курс, можно считать, что тип политического режима оказывает небольшое независимое воздействие на большинство правительственных решений.

Возможно, нам придется рассмотреть другие факторы, чтобы обнаружить влияние режима на полити-

¹⁰ Первые статистические анализы выявили, что политические переменные, такие как участие в выборах и партийная борьба, почти не зависят от государственной политики. Самым убедительным фактором, объясняющим эту ситуацию, является уровень социально-экономического развития, за индикатор которого можно принять доход на душу населения. См.: *Dye T.R. Politics, Economics and the Public*. Chicago: Rand McNally, 1966; *Dawson R.E., Robin J.A. son. Inter-party Competition, Economic Variables and Welfare Policies in the American States // Journal of Politics*. 1963. No. 25. P. 265-289. См. также: *Sharkansky I. The Politics of Taxing and Spending*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1969. P. 121-145. Однако последние исследования указывают, что политические переменные все же оказывают определенный эффект. См.: *Cnudde C.F., McCrone D.J. Party Competition and Welfare Policies in the American States // American Political Science Review*. 1969. Vol. 53. P. 858-866; *Sharkansky I., Hofferbert R.I. Dimensions of State Politics, Economics, and Public Policy // P. 867-878*; а также *Fry B.R., Winters R.F. The Politics of Redistribution // American Political Science Review*. 1970. Vol. 54. P. 508-522.

ческую стратегию, в частности определить границы, в рамках которых правительство принимает решения, приводящие к мерам жесткого физического принуждения в отношении значительной части населения. Чем меньше ограничений для публичного оспаривания политики существует в обществе и чем выше процент населения, включенного в политическую систему, тем труднее правительству принимать и реализовывать решения, требующие применения крайних мер против не такой уж маленькой части населения. К тому же маловероятно, что правительство все же попытается сделать это.

Данная теория крайне расплывчата. Однако, насколько мне известно, ни одна полиархия никогда не поддерживала политических мер, сопоставимых по уровню и масштабам насильственного принуждения с тем, что применялись в СССР в 1931–1932 гг. в процессе ускоренной коллективизации, когда миллионы людей были высланы в Сибирь в трудовые лагеря либо умерли от расстрелов или голода. В результате сталинских чисток 1930-х гг. миллионы людей оказались в тюрьмах, прошли через пытки и погибли¹¹. Гитлеров-

¹¹ Вероятно, мы никогда не получим точных данных. В своем знаменитом письме русский физик Андрей Сахаров приводит данные по более чем 15 млн смертей, в которых обвиняется Сталин, и с ним согласны многие русские мыслители (New York Times. 1968. July 22. P. 15). По приблизительным подсчетам Роберта Конкеста (Robert Conquest) в тщательно детализированном, но крайне недружелюбном докладе в результате коллективизации «5 из 12 млн смертей были вызваны голодом или связанными с ним болезнями», тогда как «по меньшей мере 3 млн стали результатом развивающейся системы трудовых лагерей». В качестве «наиболее точной оценки» доли населения, заключенной в трудовые лагеря, Конкест приводит такие цифры: 5 млн в 1933–1935 гг., 6 млн — в 1935–1937, далее он соглашается, что «в 1938 г. в результате чисток в лагерях оказалось около 8 млн человек». Из тех, кто находился в лагерях в период 1936–1938 гг., по его приблизительным подсчетам «около 3 млн» погибли. См.: The Great Terror, Stalin's Purge of the Thirties. N.Y.: Macmillan, 1968. P. 23–24, 333, 335–336.

ская политика по уничтожению евреев и всех политических оппонентов слишком хорошо известна, чтобы акцентировать на ней внимание. В гегемонистских режимах смена государственного руководства и основной политической стратегии часто приводит к кровопролитию. Когда в октябре 1965 г. Индонезия перешла от прокоммунистического режима к антикоммунистической диктатуре, по приблизительным оценкам всего за несколько месяцев погибла по меньшей мере четверть миллиона человек¹². В конце 1969 г. все, кто подозревался в симпатиях к коммунистическому режиму, были брошены в тюрьмы¹³.

Я не собираюсь утверждать, что меры принуждения подобного масштаба неизбежно применяются в гегемонистских или, тем более, смешанных режимах. Я только хочу сказать, что риск весьма велик, тогда как в полиархиях он равен нулю. Кажущиеся исключения, легко приходящие на ум, на самом деле только подтверждают правило. В главе 6 я расскажу о том, как на американском Юге специально для угнетения чернокожего населения белыми была введена система двойных стандартов — разновидность полиархии для белых и гегемонии для черных. Важно не забывать об этом разграничении — не ради резонерства, терминологической чистоты или «сохранения» полиархии любой ценой, но ради общего правила, которое оно подтверждает. Полагаю, что если бы на Юге чернокожие, получив свободу, были допущены к системе публичного соперничества, они не стали бы объектом систематического подавления при помощи насилия или террора, поскольку явно не были мень-

¹² Дональд Хиндли, работавший журналистом в Индонезии с мая по декабрь 1967 г., констатирует: «Около 250 000 человек было убито, столько же заключено в тюрьмы и спешно построенные концентрационные лагеря». Однако в сноске он уточняет, что «по данным западных обозревателей, количество смертей превышает миллион». См.: *Dilemmas of Consensus and Division: Indonesia's Search for a Political Format // Government and Opposition*. 1969. No. 4. P. 79.

¹³ *New York Times*. 1970. June 22. P. 8.

шинством. Систему насилия и террора в южных штатах можно было поддерживать, только принудительно исключив их из системы полиархии. И поскольку это произошло, полиархию в Соединенных Штатах нельзя было назвать полностью открытой¹⁴. Фактически данный режим обладал меньшей степенью включенности, чем большинство полиархий, сложившихся после Первой мировой войны, поскольку в условиях повсеместного внедрения всеобщего избирательного права ни в одной другой стране, где сложился бы режим полиархии (за исключением Швейцарии и временной полиархии в Аргентине), не было подобных «исключенных» социальных групп. (Было бы неразумно включать в определение полиархии большую степень открытости политического режима, чем допускалась в США, — в данном случае страну пришлось бы классифицировать как «почти-полиархию».)

Пример Соединенных Штатов ставит точку в дискуссии о влиянии режима на политический курс. Я не думаю, что полиархии больше, чем другие режимы, учитывают интересы людей, фактически лишенных гражданских прав. К этим «исключенным» группам относилось (а в некоторой степени и сейчас относится) чернокожее население американского Юга, хотя в любой полиархии иностранцы, живущие за пределами своей родной страны, будут исключенными. Нет причин считать, что эти люди хуже коренного населения страны, но их интересы будут учитываться в полиархиях не больше, чем при других режимах.

6. Можно долго размышлять о том, к чему приводит разница в политических режимах. Так, можно предположить, что за достаточно продолжительный период времени этот фактор оказывает влияние на убежде-

¹⁴ Чернокожее население южных штатов составляло 10,3% всего населения Америки в 1900 г., 8,4% — в 1920-м и 6,8% — в 1950-м. См.: U.S. Bureau of the Census, *Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957*. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1961. P. 7, 12.

ния, установки, культуру и личность. Как мы увидим в главе 8, обычно они интерпретируются как промежуточные или независимые переменные, оказывающие влияние на политический режим. Также было бы разумно предположить, что между факторами такого типа и характером политического режима имеет место взаимодействие: поскольку эти факторы приводят к возможности возникновения конкретного типа режима, со временем природа данного режима порождает определенные убеждения, установки, культуру и, возможно, даже тип личности, который мог бы развиваться в этой стране. Эту мысль можно продолжить, приводя массу привлекательных и важных возможностей, но отсутствие достоверного подтверждения такому количеству альтернативных гипотез, какими бы правдоподобными они ни были, заставляет меня не продолжать исследование данной темы в рамках этой книги. Вполне достаточно сути аргумента. Очевидно, что различные политические режимы действительно приводят к различным результатам. Кто-то может отрицать важность этих результатов, но с тем фактом, что они существенно разнятся и имеют важное значение, согласятся как сторонники полиархии, так и их оппоненты. Если бы достижения полиархии ничем не отличались от таковых в не-полиархии или если бы они были неважны, не было бы причин выступать в поддержку полиархии, а не однопартийной диктатуры, и наоборот. Возможно, многие читатели также согласятся, что эти результаты — по крайней мере первый из них — крайне важны.

Источником разногласий по поводу относительной ценности полиархии по сравнению с гегемонией или смешанным режимом являются не столько ожидаемые результаты публичного оспаривания и открытости режима, обсуждавшиеся выше, сколько результаты других политических величин. Так, утверждалось, что однопартийный режим желателен для большинства стран Африки, поскольку отражает естественное согласие или солидарность, а также необходим для экономического развития, строительства единой нации на основе

многообразия субкультур, поддержания политической стабильности. Как убедительно показал Файнер, некоторые из этих утверждений самопротиворечивы. С точки зрения логики нельзя защищать единственную партию в качестве выражения «естественного» согласия в обществе и при этом утверждать, что она необходима для сплочения нации, разрываемой племенными различиями и разногласиями. Все мнимые достижения однопартийных режимов опровергаются фактами¹⁵.

Однако я не ставлю перед собой целью обосновать, почему полиархия необходима. Достаточно того, что я показал, к каким важнейшим последствиям приводит сокращение препятствий к оспариванию гражданами политического курса и увеличение доли населения, наделенной правом участвовать в политике. Я думаю, многие согласятся, что эти последствия не только важны, но и желательны, что выгоды от них часто (если не всегда) перевешивают неблагоприятные последствия и что чистая выгода в этом случае стоит того, чтобы к ней стремиться.

Концептуальная схема, используемая мной в данной книге, отражает мою приверженность (кто-то посчитает это пристрастием) полиархии в сравнении с менее демократическими режимами. (Она также склоняется в пользу большей демократизации полиархий — это неочевидно, поскольку не так важно в контексте данной темы.) Однако я не берусь утверждать, что сдвиги политического курса от гегемонии в сторону полиархии непременно желательны, хотя они часто являются таковыми — позвольте мне сразу пояснить мою убежденность в этом. Данная позиция побуждает к исследованию темы этой книги, постановке основных вопросов и определению ключевых понятий, что я и делаю. Строго говоря, можно заниматься вопросами, поставленными в книге, используя другую терминологию и вообще не делая допущений относительно

¹⁵ См.: *Finer S.E. The One-Party Regimes in Africa: Reconsiderations // Government and Opposition. 1967. No. 2. July-October. P. 491-508.*

II. ИМЕЕТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИАРХИЯ?

конкретных направлений видоизменений режимов. Фактически даже тому, кто придерживается крайней позиции, согласно которой трансформация гегемонии в полиархию вообще нежелательна, необходимо понять, какие условия необходимы для предотвращения данного изменения. Поэтому подразумевается, что анализ будет независимым от моих пристрастий и убеждений в пользу полиархии, хотя в условиях неполноты информации и незавершенным.

В заключение поясню, что трансформация гегемонии в полиархию, по моему мнению, не является неизбежной. Достаточно уже того, что итог третьей волны демократизации может поставить под сомнение и даже вновь ограничить возможности к оспариванию политики, доступные в полиархиях. А значит, было бы абсурдно полагать, что существуют законы исторического развития, с неизбежностью навязывающие обществу переход от политической гегемонии к публичному оспариванию или обратно. Поскольку современные национальные государства продемонстрировали движение в обоих направлениях, нескольких хорошо известных случаев будет достаточно, чтобы доказать неубедительность любого простого закона однонаправленного развития — это иллюстрируют примеры Аргентины, Бразилии, Германии, Италии, России, Чехословакии и Японии. Один из выводов данной книги, как мы увидим, заключается в том, что условия, наиболее благоприятствующие режиму полиархии, не так легко создать — они относительно уникальны.

А теперь вернемся к вопросу, поставленному в конце предыдущей главы: какие условия значительно повышают шансы публичного оспаривания и полиархии? В следующих главах я объясню следствия таких условий, как историческая последовательность, степень концентрации в социально-экономической системе, уровень социально-экономического развития, неравенство, субкультурные расхождения, контроль со стороны других государств, убеждения политических активистов.

III. Историческая последовательность

В том, что касается интересующего нас вопроса, исторический процесс можно понимать в двух аспектах: как особый путь, или последовательность трансформаций политических режимов, а также как способ установления нового режима.

ПУТЬ К ПОЛИАРХИИ

Имеет ли значение последовательность событий?¹ Может ли одна последовательность с большей вероятностью, чем другие, привести к взаимной защищенности и таким образом способствовать трансформации политического режима в полиархию? Два графика, рассмотренных нами в первой главе для иллюстрации двух направлений демократизации, допускают, конечно, бесконечное множество путей. Некоторые из них исторически опробованы. Но даже если ограничить воображение историческими фактами и здравым смыслом, мы обнаружим или изобретем больше путей, чем способны изучить. Скромная заинтересованность в лаконичной и поддающейся корректировке теории побуждает меня сузить объект исследования. Начнем с рассмотрения только трех возможных путей к полиархии.

I. Либерализация режима предшествует его открытости.

¹ Это главный вопрос книги: *Moore B. Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1966.* Однако, как видно из подзаголовка, Мура интересуют различные переменные и длительные исторические последовательности. Более того, он предпочитает игнорировать опыт небольших государств по основаниям, которые не кажутся мне убедительными (р. xiii).

III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

А. Закрытая гегемония расширяет возможности публичного оспаривания и, таким образом, трансформируется в конкурентную олигархию.

Б. Затем конкурентная олигархия трансформируется в полиархию посредством увеличения открытости режима.

II. Открытость режима предшествует либерализации.

А. Закрытая гегемония становится открытой.

Б. Затем открытая гегемония трансформируется в полиархию посредством расширения возможностей для публичного оспаривания политики.

III. Движение напрямик: закрытая гегемония внезапно трансформируется в полиархию в результате неожиданного предоставления всеобщего права голоса и права на публичное оспаривание.

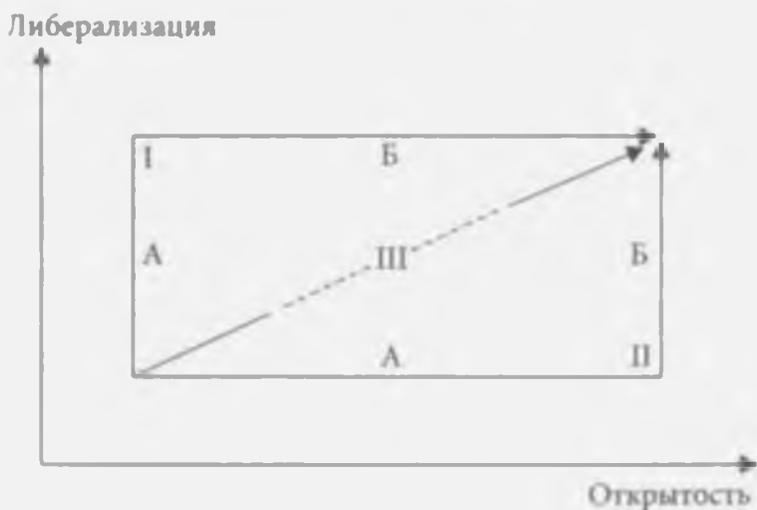

Рис. 3.1. Некоторые пути к полиархии

Эти пути обозначены на рис. 3.1. Первая схема абсолютно соответствует пути, выбранному Англией и Швецией². Вторая приблизительно иллюстрирует

² Конечно, их пути не были такими схематичными, как на графике. Например, пока эффект от избирательной реформы 1832 г. не начал ощущаться, во многих избирательных округах кандидаты, выдвинутые знатью, побеждали на вы-

путь, пройденный Германией от Веймарской республики. Третий путь примерно соответствует тому, по которому пошла Франция в период 1789–1792 гг. (хотя, учитывая различные ограничения на голосование и свободу организаций, было бы правильнее называть этот режим «почти-полиархией»)³.

Окончание см. 2

борах без борьбы. «В 1761 г. из 22 городов с количеством избирателей, превышающем 1000 человек, в выборах принимали участие 11; из 22 городов с количеством избирателей 500–1000 человек — 12; из оставшихся 201 избирательного округа в Англии в выборах принимали участие 18, т.е. более чем в половине крупных городов и в каждом десятом из остальных избирательных округов имела место политическая борьба». (*Namier L. The Structure of Politics at the Accession of George III. L.: MacMillan, 1961. P. 83.*) Вплоть до 1830 г. выборы обычно проходили без борьбы: «В 40 графствах Англии и Уэльса в 1830 г. только девять выборов были состязательными, такое же количество — в 1820 г., а в 1831 г. подобных случаев было 11 — на один больше, чем в 1826 г. В большинстве стран кандидатов выдвигали крупные землевладельцы, очень часто на основании договоренности друг с другом, чтобы избежать расходов на проведение состязательных выборов и нарушения спокойствия в графстве». См.: *Jennings I. Party Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1961. P. 81.* Даже в 1833 г., когда состоялись первые после избирательной реформы выборы, почти в трети избирательных округов они прошли без борьбы (*Ibid. P. 84*).

³ По закону о выборах 1789 г. около 60% совершеннолетних мужчин обладали правом голоса. В условиях системы не прямых выборов эти «активные граждане» выдвигали делегатов, которые в свою очередь выбирали депутатов. Хотя о цифрах можно спорить, не более 45% совершеннолетних мужчин могли бы быть делегатами. См.: *Palmer R.R. The Age of the Democratic Revolution: The Challenge. Princeton: Princeton University Press, 1959. Ap. V. P. 522 ff.*; *Campbell P. French Electoral Systems and Elections. 1789–1957. L.: Faber and Faber, 1958. P. 50–57.* Закон о выборах 1792 г., в условиях которого был созван Конвент, утверждал избирательное право для всех совершеннолетних мужчин, но сохранял не прямые выборы; Конституция 1793 г. ввела всеобщее избирательное право для совершеннолетних мужчин, хотя этот закон никогда не применялся на практике. «В этот период на всех выборах огромное количество избирателей не голосовало. В 1792 г. из 7 млн избирателей в выборах приняло участие только 700 тыс. На референдуме по принятию конституции

III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

Возможно, почти все старейшие и наиболее стабильные полиархии прошли через исторические трансформации, примерно соответствующие первому пути, а это значит, что состязательная политика предшествовала расширению доли участвующего в политике населения⁴. В результате нормы, практика и культура конкурентной политики сначала распространились среди небольшой элитарной группы. Критический переход от непартийной политики к состязательной изначально также совершался в рамках узкой группы. Хотя этот переход редко осуществлялся беспрепятственно, а партийные конфликты были крайне ожесточенными, тяжесть конфликта сдерживалась дружескими и семейными связями, интересами, клас-

примерно одна треть или пять шестых голосовавших воздержались. В годы Республики кандидаты от всех фракций и их сторонники прибегали к коррупции, мошенничеству, мерам устрашения и насилия. Избиратели с "неправильными" убеждениями не допускались к голосованию. Неблагонадежные граждане лишались избирательных прав (Campbell P. Op. cit. P. 57). Более того, закон Ле Шапелье запрещал экономические организации рабочих (а также в принципе, если не на практике, предпринимателей и торговцев). См.: Lorwin V.R. The French Labor Movement. Cambridge: Harvard University Press, 1954. P. 4.

⁴ Очевидно, что данное сжатое описание не учитывает различия, которые в другом контексте были бы важны для объяснения различий в современных политических системах Европы, например в партийных системах. Насколько я знаю, самый развернутый анализ различных исторических путей европейских стран и их исторических последствий содержится в: Rokkan S. The Comparative Study of Political Participation // Ranney A. Essays on the Behavioral Study of Politics. Urbana: University of Illinois Press, 1962. P. 45-90; а также: Mass Suffrage, Secret Voting, and Political Participation // Arch. Eur. Sociol. 1961. No. 2. P. 132-152; Cleavage Structure, Party Systems, and Voter Alignments (with S.M. Lipset) // Rokkan S., Lipset S.M. (eds) Party Systems and Voter Alignments. N.Y.: The Free Press, 1967. P. 1-64; The Structuring of Mass Politics in the Smaller European Democracies: A Development Typology. Paper presented to the International Political Science Association. Brussels. 1967. September.

совой общностью, идеологией, которые пронизывали ограниченные группы знати, доминировавшей в политической жизни страны. Позднее, когда к участию в политике были допущены и другие социальные слои, им было легче освоиться со стандартами и практикой конкурентной политики, уже разработанными элитами. В общем-то они приняли многие, если не все взаимные гарантии, создававшиеся не одним поколением. В результате ни новая страта, ни правители, которые могли лишиться власти, не почувствовали, что издержки терпимого отношения были столь высоки, что перевешивали издержки подавления, по крайней мере потому, что подавление привело бы к разрушению сложившейся системы взаимной безопасности.

Другие два пути более рискованны, и вот почему: прийти к жизнеспособной системе взаимной безопасности в лучшем случае сложно. Чем больше людей с многообразными и несоизмеримыми интересами вовлечено в политику, тем труднее задача и тем больше времени потребуется для ее осуществления. Система взаимной безопасности и терпимости с большей вероятностью разовьется в небольших элитарных группах, имеющих схожее представление о будущем, чем среди обширной и неоднородной группы лидеров, представляющих различные социальные слои с многообразием целей, интересов и мировоззрений. Вот почему трансформация гегемонистского режима в полиархию по первому пути более вероятна. Третий путь резко сокращает время, необходимое для приобретения сложных навыков и достижения чрезвычайно хрупкой системы взаимной безопасности. Для движения по второму пути необходимо, чтобы система взаимной безопасности действовала не на уровне небольшой и относительно гомогенной группы элит, а на уровне тех, кто представляет все слои и политические взгляды общества или, по крайней мере, его значительной части.

Можно привести лишь несколько очевидных примеров, если таковые есть вообще, успешной реализа-

ции прямого пути к полиархии⁵. Для убедительности вспомним, как гегемонистские режимы в Италии, Германии и Японии были ликвидированы в результате разгрома этих стран во Второй мировой войне, когда в годы оккупации, последовавшей за поражением, гегемонии были замещены открытыми полиархиями. Однако эти примеры крайне сомнительны, поскольку во всех трех странах переход к конкурентной политике уже был осуществлен еще до захвата власти диктату-

⁵ Пример Дании кажется аномальным, хотя я знаю об этом слишком мало, чтобы давать серьезную оценку. После учреждения в 1665 г. монархическая власть была абсолютной. В течение следующих двух столетий страна управлялась высокоорганизованной администрацией, подчиненной королю. Июльская революция 1830 г. во Франции убедила короля в необходимости создания четырех ассамблей на местах с совещательными функциями. Под влиянием революции 1848 г. король провозгласил в стране конституцию, возлагавшую законодательную власть на парламент — ригсдаг. Избирательное право было гарантировано всем мужчинам, достигшим 30-летнего возраста, за исключением слуг и помощников фермеров, не имеющих собственного хозяйства, а также тех, кто получал пособие по бедности. В этом смысле Дания действительно пришла к полиархии кратчайшим путем. Однако если голосование в нижнюю палату парламента было открытым — при помощи поднятия руки, то голосование в верхнюю палату было непрямым, причем большим влиянием по конституции 1866 г. обладали землевладельцы и граждане, облагавшиеся высокими налогами. Более того, король отказался принять закон, согласно которому его министры были бы подотчетны парламенту: де-факто эта ответственность существовала с 1901 г., а де-юре она была закреплена в 1915 г. Конституция 1915 г. также устанавливала всеобщее избирательное право для мужчин и женщин, достигших 29-летнего возраста, и устраняла привилегированное голосование в высшую палату парламента. Таким образом, в 1849 г. Дания выбрала кратчайший путь для достижения широкого избирательного права и существенного расширения возможностей публичного оспаривания политики, но отложила на полвека окончательный переход к восьмой институциональной гарантии, приведенной в табл. 1.1. Политический опыт Дании подвергался столь незначительному систематическому анализу, что не ясно, насколько он может служить подтверждением соображений, высказанных в данном разделе.

рой, и некоторые из прежних политических традиций просто возродились после ее разрушения. Сохранение монархии в Японии также способствовало приданию некой традиционной легитимности новому режиму конкурентной политики. Кроме того, в каждом случае диктатура была разрушена не изнутри, а извне в результате сокрушительного военного поражения. Оккупационные силы, по крайней мере на время, отлучили публичных деятелей старой диктатуры от общественной жизни и в течение нескольких лет сами принимали решения по всем ключевым вопросам. По этим, а также другим не вызывающим сомнений причинам можно сказать, что на пути новых режимов отсутствовали преграды в виде неизбежного конфликта по поводу легитимности, источником которого были бы претензии публичных деятелей к старому режиму. Как бы то ни было, данные примеры действительно показывают, что при определенных, крайне нестандартных условиях резкий переход от гегемонии к полиархии может привести к достаточно стабильному режиму. Однако эти условия могут оказаться исторически уникальными.

Второй путь также полон рисков. Когда право голоса расширяется до создания и принятия инструментов конкурентной политики элитарной прослойкой, поиск системы взаимных гарантий будет, вероятно, длительным и сложным. В период перехода от одного политического режима к другому, когда конфликт выходит наружу, ни одна из сторон не может быть полностью уверена в терпимом отношении другой стороны. Поскольку правила политической игры неоднозначны, а легитимность конкурентной политики низка, издержки подавления политического противника могут и не быть чрезмерно высокими. Следовательно, опасность состоит в том, что еще до того, как система взаимной безопасности начнет функционировать среди политических противников, зарождающийся, но крайне шаткий конкурентный режим будет замещен гегемонией, управляемой одним из соперников.

III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

Хотя первый путь кажется наиболее безопасным из всех, вряд ли ему будут следовать в будущем, поскольку, как мы уже убедились, в большинстве стран гегемонистские режимы уже стали открытыми. Крайне невелико количество стран, где избирательное право распространяется не более чем на 10% совершеннолетних граждан, и, вероятно, не более полудюжины традиционных монархий и диктатур вообще отказались гарантировать гражданам право избирательного голоса. Более того, создается впечатление, что расширить право голоса легче, чем урезать. Исторический процесс обычно однонаправлен: однажды введенное уже не отменяется. В этом отношении колебания во французском законодательстве в 1789–1848 гг. между широким, или всеобщим избирательным правом для всего мужского населения, и ограниченным электоратом кажутся необычными. Некоторые из ныне существующих политических режимов, где избирательное право все еще не гарантировано, возможно, не последуют по первому пути. Поскольку это потребует от режима открытости и над ним нависнет угроза либерализации, политическое руководство, без сомнения, склонится к минимальным уступкам: вводя избирательное право, оно облечет гегемонию в символы, привнося в нее нечто от «демократической» законности, — небольшая цена для политических лидеров.

В настоящий момент аргумент может быть резюмирован в четырех утверждениях:

1) первый путь с большей вероятностью, чем другие, создает ту степень взаимной безопасности, которая необходима для стабильного режима публичного оспаривания;

2) но этот путь уже закрыт для большинства стран с гегемонистскими режимами;

3) следовательно, процесс либерализации «почти-гегемоний» поджидает серьезная опасность провала, поскольку в условиях всеобщего избирательного права и массовой политики возникают трудности с функционированием системы взаимной безопасности;

4) однако риск провала может быть снижен, если шаги в направлении либерализации сопровождаются целенаправленным и обдуманым поиском жизнеспособной системы взаимных гарантий.

УСТАНОВЛЕНИЕ КОНКУРЕНТНОГО РЕЖИМА

Важно ли то, каким образом устанавливается конкурентный режим? Под этим я подразумеваю использование силы, влияния или власти для того, чтобы представить и узаконить режим, в данном случае конкурентный. В этом смысле установление режима придает особое значение переходным процессам, которые, абстрактно говоря, находятся где-то между только что обсуждавшимися путями к полиархии и поддержанием режима после того, как он вступил в действие. Хотя граница различий «пути к», «установления» и «поддержания» размыта, понятие «установление»⁶ (inauguration) помогает нам сделать акцент на важнейшем элементе развития конкурентных режимов.

Чтобы определиться, имеет ли значение момент установления режима, можно рассмотреть некоторые важнейшие способы, посредством которых полиархии или «почти-полиархии» устанавливались в прошлом. Основные формы, по-видимому, таковы.

I. В рамках уже независимого национального государства.

А. Старый режим трансформируется эволюционным путем: новый режим устанавливается действующими властями, которые более или менее мирно уступают требованиям перемен.

Б. Старый режим трансформируется революционным путем: новый режим устанавливается революционными лидерами, которые ниспровергают прежний режим и устанавливают полиархию или «почти-полиархию».

⁶ Я признателен своему коллеге Хуану Линцу за неустанное подчеркивание важности способа установления конкурентного режима.

III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

В. Старый режим трансформируется в результате военного завоевания: нанеся поражение, победоносные оккупационные силы помогают полиархии или «почти-полиархии» вступить в силу.

II. В стране, до настоящего времени подчиненной другому государству.

Г. Старый режим трансформируется эволюционным путем: новый режим подпитывается местным населением, лидеры которого устанавливают полиархию или «почти-полиархию» без движения за национальную независимость или серьезной борьбы против колониальной власти.

Д. Старый режим трансформируется в процессе борьбы за национальную независимость в результате революции, направленной против колониальной власти: новый режим устанавливается лидерами национального освободительного движения, которые утверждают полиархию или «почти-полиархию» в процессе борьбы за независимость или после ее успешного завершения.

Примеры установления полиархии приведены в табл. 3.1.

Хотя примеры табл. 3.1 показывают, что не существует универсального способа установления режима, они также наводят на мысль, что многочисленные альтернативные способы не могут быть в равной степени благоприятны. Непропорционально большое количество стабильных полиархий с высоким уровнем консенсуса в обществе, по-видимому, было установлено первым или четвертым способами, т.е. в результате мирной эволюции в рамках уже независимого национального государства или в рамках зависимой страны. Возможно, причина кроется в том, что мирная эволюция наиболее благоприятствует полиархии, поддерживаемой законом в широком смысле. Поскольку власти мирно (в целом) идут на уступки и сами участвуют в переменах, их согласие выигрывается, легитимность, связанная со старым режимом, полностью переносится на новый, и процесс мирных перемен, столь важный для полиархии, приобретает легитимность.

Таблица 3.1

Способы установления полиархий

I. В рамках уже независимого национального государства

A. Эволюционным путем

Англия
Бельгия
Чили
Коста-Рика
Дания
Япония (от Реставрации Мэйдзи до 1930-х гг.)
Нидерланды
Норвегия
Швеция
Швейцария
Уругвай

B. В результате падения или революционного смещения
прежнего режима

Франция (1789–1792, 1848, 1870)
Германия (1919)
Австрия, период Первой республики (1918)
Испания (1931)

B. В результате военного вторжения (все последовали
за Второй мировой войной)

Австрия, Вторая республика
Германия, Федеративная республика
Италия
Япония

II. В рамках зависимого государства

Г. Эволюционным путем

Австралия
Канада
Исландия
Новая Зеландия
Филиппины

Д. В процессе национальной борьбы за независимость

Финляндия
Индия
Ирландия
Израиль
Соединенные Штаты Америки

III. Историческая последовательность

По сравнению с первым второй способ — установление полиархии после внезапного краха или революционного свержения старого режима — крайне редок. В трех самых примечательных случаях — Великая французская революция, Веймарская республика в Германии и испанская республика — революция или падение режима привели к нестабильным режимам, которые вскоре регрессировали к гегемониям. Был ли этот откат случайным? Наверное, нет, поскольку там, где не могло быть и не было мирной эволюции и произошла революция, высока вероятность оспаривания легитимности нового режима. Внезапный крах старого режима лишает новый наследия легитимности; установление нового политического режима революционным путем узаконивает цели революции против нее самой. Следовательно, самыми переломными будут первые годы, когда законность нового режима все еще находится под вопросом, а сторонники старого режима еще живы.

До сих пор только четырем странам удалось достичь удивительно стабильных полиархий третьим способом — когда режим устанавливался в результате завоевания. Произошло это в новейшее время. Уже высказывались некоторые возможные основания стабильности полиархий, вступивших в силу после Второй мировой войны под влиянием союзников; я также предположил, что эти случаи могли быть исторически уникальными.

Пятый способ наиболее близок американцам и, по крайней мере на словах, вызывает у них больше симпатий. Как в США, так и в Финляндии, Ирландии, Израиле и Индии в освободительном движении национализм смешался с идеологией представительного парламента и политического либерализма. Таким образом, демократическая идеология была усилена идеологией национализма: нападать на представительную демократию — значило нападать на нацию. Успех движения за национальную независимость приводил к банкротству

основных претендентов на легитимность старого режима. Даже представители колониальных властей либо возвращались на родину, либо навсегда исключались из новой нации, как в случае с партией тори, которая после американской революции переместилась в Канаду, или как в случае Ирландии и Ольстера: те, кто при новом режиме стал составлять враждебное меньшинство, оставались частью старого режима.

Однако в будущем стабильные полиархии вряд ли могут быть установлены по пятому сценарию. Одна из причин заключается в том, что во многих молодых странах со слабой государственностью лидеры националистических движений, провозглашавшие демократические цели в период борьбы за независимость, позднее, встав во главе новой, хрупкой нации, видят в организованной оппозиции угрозу целостности страны. Следовательно, в новых государствах национализм не столько поощряет толерантность по отношению к инакомыслию и оппозиции, сколько обеспечивает готовое и приемлемое оправдание политической нетерпимости и репрессиям⁷. (Не стоит забывать, что в США на протяжении их истории как национального государства опасения относительно государственности и сомнения насчет лояльности приводили к попыткам — подчас удачным — подавления инакомыслия. Взаимосвязь национализма, лояльности и боязни инакомыслия в этой стране прекрасно отражена в оригинальном названии официальной организации, которая более других продемонстрировала враждебность ко всякому несогласию — Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности при конгрессе США.)

Еще более существенным ограничением пятой стратегии может стать тот факт, что она просто отжила свое в свете мирового развития. Сегодня, после

⁷ *Shils E. Opposition in the New States of Asia and Africa; Daalder H. Government and Opposition in the New States // Government and Opposition. 1966. Jan. P. 175-226.*

III. Историческая последовательность

исчезновения колониальных империй, мир состоит из официально суверенных государств. В мире независимых государств нет места движениям за национальное освобождение, которые могли бы привести к установлению более конкурентных режимов.

Фактически выбор представляется даже еще более ограниченным. Исчезновение колониальных империй сокращает возможности и четвертого способа установления полиархий. Верно также, что третий способ через военное завоевание — маловероятен. Следовательно, наиболее правдоподобные варианты сводятся к первым двум: в уже существующих гегемонистских режимах более конкурентная система будет установлена либо эволюционным, либо революционным путем. Тот факт, что революционный путь крайне рискован и может закончиться провалом, вовсе не означает, что его не будут использовать. Однако революции могут создать для нового режима немалые трудности в том, что касается легитимности, и, значит, изначально подготавливать условия для возвращения к гегемонии.

Следовательно, в будущем, как и в прошлом, полиархии и «почти-полиархии» будут устанавливаться в результате скорее медленного эволюционного процесса, нежели революционного свержения существующих гегемоний⁸.

Если эта интерпретация кажется чрезмерно ограниченной, стоит напомнить, что сегодня в большинстве сложившихся полиархий с высокой степенью терпимо-

⁸ Позиция Мура, настаивающего на жизненной необходимости насильственной революции как ступени на пути к демократии, кажется мне заблуждением, особенно когда речь заходит об установлении нового политического режима. Мур яростно настаивает на своей позиции, приводя в качестве примеров гражданскую войну в Англии, Великую французскую революцию и — крайне сомнительный случай — Гражданскую войну в Америке. (*Moore B. Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Passim.*) Я думаю, что аргументация Мура делается еще более слабой из-за его уверенности в том, что опыт небольших государств не имеет значения. Тогда возникает вопрос: не имеет значения для чего?

сти по отношению к оппозиции любого рода изменение режимов происходило крайне медленно. В конце XVII в. в Великобритании «организованная» оппозиция все еще оставалась незаконной и нелегитимной. Столетие спустя идея более-менее организованной, но «лояльной» оппозиции в парламенте политике Его Величества, приобрела немалую легитимность⁹. Но потребовалось еще одно столетие, чтобы в Англии установилась теперешняя система высокоорганизованного партийного соперничества за привлечение на свою сторону большей доли электората. В других странах, как, например, во Франции, попытки сократить этот эволюционный процесс путем революции иногда приводили к длительной оппозиции новому режиму. Также полезно вспомнить, что в 1968 г. в СССР отметили 50-ю годовщину Октябрьской революции. Хотя крайняя гегемония сталинского периода была упразднена, политический режим в СССР так и не трансформировался в «почти-гегемонию», и даже оптимисты считают, что установление полиархии в этой стране возможно не раньше чем через несколько поколений.

Полиархии и однопартийные гегемонии появились в XX в., и это значит, что ни революция, ни эволюция не может совершаться в полной изоляции от существующих моделей, которые были совершенно неизвестны и невообразимы в XVIII столетии. Не нужно изобретать лояльную оппозицию, двухпартийную систему или однопартийную диктатуру, как если бы уже не существовало готовых моделей данных систем. Странам не нужно двигаться наугад сквозь столетия опыта без базового представления об основных институтах, необходимых для высоколиберальных режимов: конкурентные партии и добровольные выборы являются уже не просто целью, но фактом. Аналогично, когда «почти-полиархия» рушится, антидемократическим лидерам не нужно на ощупь искать формулу однопартийности.

⁹ См.: Foord A. His Majesty's Opposition. Oxford: Oxford University Press, 1964.

III. Историческая последовательность

Пока не ясно, какие это будет иметь последствия для процесса установления политического режима. В будущем эволюционному процессу, ведущему к полиархии, уже не понадобятся столетия, как это было в Англии, Швеции и где-либо еще. Сегодня доступны уже «испытанные» модели, которые предлагают современным обществам возможность выбора между столь радикально отличными режимами, как унифицированная гегемония в своем наиболее тоталитарном варианте или открытая полиархия, необычайно терпимая к самой различной оппозиции. Доступность этих «испытанных» моделей, которые не нужно изобретать заново, в некоторых случаях может облегчить быструю трансформацию режима и даже его колебания из крайности в крайность в рамках короткого исторического периода: вспомним Италию, Германию и Японию, скажем, между 1919 и 1950 гг.

Доводы данного раздела можно резюмировать следующими допущениями.

1. Наиболее благоприятным способом установления полиархии является преобразование прежде легитимных форм и структур гегемонии в формы и структуры, подходящие для политической состоятельности. Таким образом, данный способ не создает глубоких расколов в обществе и сомнений в легитимности нового режима.

2. С наибольшей вероятностью к этому результату приведет мирная эволюция в рамках независимого национального государства или квазинезависимой нации, получившей независимость без национально-освободительного движения.

3. Наименее благоприятна для установления полиархии ситуация, когда значительная часть граждан отказывается признавать легитимность конкурентной политики.

4. С наибольшей вероятностью к этому результату приведет установление полиархии в результате гражданской войны или революции, когда значительная

часть населения, поддерживающая легитимность старого режима и отрицающая легитимность нового, потерпела поражение, но при этом осталась сплоченной при новом режиме.

5. Падение колониальных империй и маловероятное повторение обстоятельств, которые в конце Второй мировой войны способствовали установлению режимов полиархий в странах, потерпевших поражение перед силами союзников, означает, что в будущем самыми доступными вариантами для установления полиархии будут эволюционные или революционные преобразования в рамках уже независимого национального государства.

6. Наличие в современном мире действующих моделей полиархии и однопартийной гегемонии, возможно, оказывает влияние на процесс установления политических режимов, однако результат этого влияния точно не известен. Как минимум, их наличие увеличивает ожидание того, что возможны достаточно быстрые преобразования режима в любом направлении.

7. Однако в странах, не имеющих недавнего опыта конкурентной политики, преобразование гегемонистского режима в полиархию, вероятно, будет крайне медленным и затронет не одно поколение.

8. Возможно, продолжительность этого процесса можно сократить, увеличив при этом шансы стабильных преобразований, если процесс установления политического режима будет сопровождаться поиском внутренней системы взаимной безопасности.

IV. Социально-экономическая система: концентрация или рассредоточение?

Какое значение имеет социально-экономическая система? Могут ли одни социально-экономические системы способствовать преобразованию гегемонии в конкурентный режим больше, чем другие? Зависит ли стабильность полиархии от факторов социально-экономического порядка?

Допущения

В первой главе я ввел более-менее очевидную аксиому, в которой утверждалось, что правительство скорее допустит существование оппозиции, если ожидаемые издержки ее подавления растут, а ожидаемые издержки терпимого отношения к оппозиции снижаются. Поскольку издержки терпимости или подавления в свою очередь зависят от относительных ресурсов, доступных правительству и оппозиции, очевидно, что:

АКСИОМА 4. Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к существованию оппозиции, возрастает, если ресурсы, доступные ему для подавления оппозиции, сокращаются в сравнении с ресурсами оппозиции.

Итак, ключевые ресурсы, используемые правительством для подавления оппозиции, сводятся к двум наиболее общим типам. Это силовые методы принуждения, убеждения и поощрения (такими методами обычно орудуют военные и полиция) и несиловые ме-

тоды принуждения, убеждения и поощрения или, как мы будем называть их далее, социально-экономические санкции, особенно в форме контроля над экономическими ресурсами, т.е. информационными процессами, образованием и политической социализацией. Следовательно,

АКСИОМА 5. Вероятность того, что правительство будет терпимо относиться к существованию оппозиции, возрастает по мере сокращения его способности использовать насилие или социально-экономические санкции для ее подавления.

В наиболее общем виде обстоятельства, которые могут уменьшить возможности правительства по использованию насилия или социально-экономических санкций, направленных против оппозиции, можно свести к двум типам. Во-первых, иногда к подобным факторам относятся неполитические ресурсы. Такая возможность чрезвычайно важна для насилия по отношению к оппонентам правительства со стороны полиции или военных, поскольку численность полиции и армии может быть слишком мала, либо, что почти то же самое, они могут быть настолько деполитизированы, что откажутся служить внутренним политическим целям политических лидеров. Во-вторых, эти (и другие) политические ресурсы могут быть настолько рассредоточены, что ни одно объединение, включая правительство (или объединенные группы лидеров в рамках правительства), не будет обладать монополией над ними.

Так, в XVIII в. в Британии «профессиональная» армия и полиция, в отличие от военно-морского флота, были не просто рассредоточены по графствам, где они находились под контролем местной знати, но фактически почти не существовали. Для Британии величайшим инструментом организованного насилия был военно-морской флот, монопольным контролем над

IV. Социально-экономическая система

которым обладало правительство, но он не стал действенным инструментом внутреннего принуждения. Америка пришла к полиархии, не имея постоянно действующей армии или национальной полиции при широком распространении среди населения огнестрельного оружия. Даже когда полиция в Америке вовлекалась в политику, контроль над полицией распределялся между бесчисленным множеством местных органов власти по всей стране. В Швейцарии, где для защиты страны введена всеобщая воинская обязанность, существует совершенно микроскопическая постоянно действующая профессиональная армия.

Там, где вооруженные силы сравнительно велики, централизованы и иерархически организованы, как в большинстве современных стран, полиархия, конечно, невозможна, за исключением тех случаев, когда армия относительно деполитизирована и может действовать по общегражданским нормам. Почему высокоорганизованные военные силы вмешиваются в политику в одних странах и не делают этого в других — предмет бесчисленных вопросов, споров и загадок. Очевидно, что решающим фактором вмешательства являются убеждения. Однако вопрос, почему убежденность в необходимости соблюдения политического нейтралитета, конституционализма и подчинения гражданской власти возникает и поддерживается военными только в некоторых странах (не все из которых являются полиархиями), поднимает настолько масштабную проблему, что я не берусь рассматривать ее здесь, какой бы важной она ни была. Вывод, к которому можно прийти на данном этапе, прост и очевиден: сегодня шансы полиархии напрямую зависят не только от силы определенных убеждений простых граждан, но и военнотружущих всех рангов. Так, полиархия была возможна в Чили, где вооруженные силы традиционно были не склонны выходить на политическую арену. В то же время в сопредельной Аргентине полиархия невозможна до тех пор, пока военные признают за своими

лидерами право и даже обязанность аннулировать результаты выборов всякий раз, когда, по их мнению, эти результаты губительны для страны.

Достаточно очевидно, что когда правительство обладает монополией на насилие и социально-экономические санкции и свободно в использовании этих ресурсов подавления оппозиции, конкурентная политика почти не имеет шансов. Но из этого не следует, что простого отсутствия данной монополии над ключевыми ресурсами достаточно для поддержания конкурентной политики. Так, при определенных обстоятельствах отсутствие этих ресурсов может привести лишь к слабому и нестабильному режиму. Таблица 4.1 прояснит этот момент.

Таблица 4.1

Сравнительный доступ к насилию и социально-экономическим санкциям: правительство и оппозиция

		Доступны правительству?	
		Да	Нет
Доступны оппозиции?	Да	Рассредоточены	Монополизированы оппозицией, доступ для правительства закрыт
	Нет	Монополизированы правительством, доступ для оппозиции закрыт	Нейтрализованы, доступ закрыт для обоих

Наиболее благоприятные для конкурентной политики условия складываются тогда, когда доступ к насилию и социально-экономическим санкциям либо рассредоточен, либо не признается ни за правительством, ни за оппозицией¹. Наименее благоприятные условия имеют место тогда, когда насилие и социально-

¹ Чтобы упростить теорию и изложение, я трактую «правительство» и «оппозицию» в качестве единых, сплоченных участников. Очевидно, что так бывает очень редко.

IV. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

экономические санкции доступны исключительно правительству и оппозиция не имеет к ним доступа. А что же будет, когда эти важнейшие ресурсы находятся только в руках оппозиции? В чистом виде подобная ситуация вряд ли возможна, поскольку в подобных обстоятельствах само понятие «правительство» потеряет всякий смысл. Однако такая ситуация может временно сложиться в странах, где экономические ресурсы полностью присвоены небольшой группой местных или иностранных собственников и управленцев либо вооруженные силы политически заинтересованы в защите определенных социальных слоев или идеологий. Оказавшись в подобной ситуации противостояния, правительство по необходимости будет слабым и нестабильным, поскольку всякий раз, когда проводимая им политика будет вызывать недовольство оппозиции, правительство легко может быть свергнуто.

Многие страны Латинской Америки приблизительно соответствуют описанным мной условиям не столько из-за монополизации социально-экономических санкций, сколько из-за традиции военного вмешательства. Если вооруженные силы склонны вмешиваться в политическую жизнь для защиты определенных интересов или своих собственных представлений об интересах своей страны, то любое правительство, проводящее в жизнь политику, которую они не поддерживают, скорее всего будет недолговечным, как это имеет место в Аргентине.

Однако вывод о том, что силовые и социально-экономические меры воздействия с необходимостью распределены таким же образом, будет ошибочным. Рассмотрим табл. 4.2.

Очевидно, что наиболее благоприятной для конкурентной политики будет ситуация А, которую я буду называть плюралистическим общественным устройством.

Также очевидно, что наименее благоприятной для конкурентной политики и наиболее благоприятной для гегемонии будет ситуация Г, которую я буду называть централизованным господством.

Таблица 4.2

Распределение насилия
и социально-экономических санкций

		Доступ к насилию:	
		Рассеянный или нейтра- лизированный	Монополи- зированный
Доступ к социально- экономи- ческим санкциям:	Рассеянный или нейтрализованный	А	Б
	Монополизиро- ванный	В	Г

Оставшиеся ситуации более двусмысленны. Они не так благоприятны для политической состоятельности, как плюралистическое общественное устройство, но при этом и меньше подходят для гегемонистского режима, чем общественное устройство с центральным управлением. Ситуация в современных Испании, Португалии и Аргентине примерно соответствует схеме Б, которую можно назвать квазиплюралистическим общественным устройством с репрессивным насилием. Последний вариант — вариант В, который можно назвать квазигосподством без репрессивного применения силы, — встречается крайне редко. Возможная причина этого в том, что правящая элита, обладая столь огромными ресурсами для осуществления господства, просто не позволит рассредоточить или политически нейтрализовать главные инструменты принуждения и, возможно, будет располагать достаточными ресурсами (например, законная власть, поощрения, жалование, богатство) для того, чтобы этому помешать.

АГРАРНЫЕ ОБЩЕСТВА

Поскольку в современном мире множество стран все еще являются преимущественно аграрными или только вступает на индустриальный уровень, тен-

денции развития аграрных обществ представляют для нас нечто большее, чем чисто исторический интерес. С исторической точки зрения аграрные общества можно примерно разделить на два типа, в свою очередь допускающие множество вариантов. Самый распространенный из них можно назвать традиционным крестьянским обществом — оно имеет высокую предрасположенность к неравенству, иерархии и политической гегемонии². Второй тип я назову свободным фермерским обществом — оно значительно более эгалитарно и демократично. Хотя свободное фермерское общество зачастую игнорируется в дискуссиях об аграрных обществах, оно предлагает слишком много важнейших исторических примеров, чтобы обойти его вниманием: Швейцария, США³, Канада, Новая Зеландия — и это только основные примеры⁴.

Попытка распутать клубок причин, ведущих к образованию того или иного типа аграрного общества, была бы слишком масштабной и завораживающей. Теория Токвиля могла бы стать отправной точкой для честолюбивого теоретика. Но поскольку исследование проводится в рамках данного очерка, я ограничусь здесь лишь кратким описанием.

Мне представляются чрезвычайно важными три основополагающих условия, которые и сделают наше описание немного более динамичным. Вероятно, Ток-

² Lenski G. *Power and Privilege*. N.Y.: McGraw-Hill, 1966. Ch. 8, 9; Svalastoga K. *Social Differentiation*. N.Y.: David McKay, 1965. Ch. 3.

³ Луис Харц, объясняя развитие либеральной демократии в США, особенно подчеркивал отсутствие феодального прошлого. См.: Hartz L. *The Liberal Tradition in America*. N.Y.: Harcourt Brace, 1955.

⁴ Можно привести и другие значимые примеры, хотя они требуют некоторых оговорок: Австралия, Чили (XIX — начало XX вв.), Ирландия (XX в.) и, при условии, что мы готовы игнорировать наличие института рабства, Афины в V–IV вв. до н.э. Исторически Швеция была, возможно, на границе этих двух типов. Из стран Латинской Америки более всего соответствует Коста-Рика.

виль первым заметил, как трудно объяснять политическое развитие США (в сравнении, скажем, с другими странами юга), не принимая во внимание независимые результаты различных убеждений граждан этой страны, например их естественной веры в «равенство»⁵. В качестве второго объяснительного фактора можно обратить внимание, как это и сделал Токвиль, на равенство в распределении земли. Поскольку в аграрном обществе владение землей, или право на то, что производится на земле, является основным источником статуса, дохода и богатства, неравенство в распределении земли эквивалентно неравенству в распределении политических ресурсов. Иначе говоря, неравенство в аграрном обществе будет совокупным, а не рассредоточенным, и (как утверждал английский философ XVII в. Харрингтон) власть будет напрямую связана с земельной собственностью. Третий фактор, которому Токвиль почти не уделил внимания, — это состояние военной техники, т.е. то, как могут сказаться военные технологии на способности граждан применять насилие. Когда-то военные технологии усиливали неравенство, способствуя монополизации инструментов принуждения среди небольшой группы людей: можно привести знакомый всем пример богато вооруженных конных рыцарей, перед которыми безоружные или легко вооруженные средневековые крестьяне были практически беззащитны. Или другой пример: начальная монополия на лошадей и мушкеты, введенная конкистадорами, позволила горстке испанцев завоевать и подчинить великие индейские цивилизации

⁵ Блестящее доказательство данного тезиса, отражающее великолепную способность Токвиля к сравнительному анализу, см.: Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 2000. Гл. IX «Об основных причинах, способствующих существованию демократической республики в Соединенных Штатах». Основные ссылки на ситуацию в Латинской Америке можно найти на с. 230–231. Пример Латинской Америки нужен ему для своеобразной «проверки» мысленного эксперимента.

IV. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Мексики и Перу. В другие периоды военные технологии укрепляли равноправие благодаря широкому распространению наиболее эффективных инструментов принуждения среди населения: так было в Америке в XVIII–XIX вв. с относительно недорогими, но эффективными мушкетами.

В традиционном крестьянском обществе все эти факторы работают в одном направлении. Совокупное неравенство в статусе, богатстве, доходе и возможностях применения силы означает явное неравенство в доступе к политическим ресурсам, неравенство, подкрепляемое господствующими убеждениями. Незначительное меньшинство, обладая исключительными ресурсами, создает и поддерживает политическую систему гегемонии (часто возглавляемую единственным главенствующим правителем), с помощью которой оно также навязывает свое социальное доминирование и, следовательно, еще больше укрепляет изначальное неравенство. Пределы этого потенциально бесконечного цикла непрерывно возрастающего неравенства задаются угрозой массового голода, пассивного сопротивления и даже единичных крестьянских бунтов, падения уровня сельскохозяйственного производства, а также в связи с массовым недовольством населения и опасностью иностранного вторжения. Для огромной массы населения жизнь — это трудности, лишения, зависимость, смиренное несогласие и относительное невежество⁶, тогда как мизерная часть населения наслаждается исключительной властью и общественным почитанием⁷. Дина-

⁶ *Begiraj M. Peasantry in Revolution. Ithaca, N.Y.: Center for International Studies, Cornell University, 1966.*

⁷ - Например, последние исследования отмечают, что в XIX в. в Китае знать, или мандарины, образовывавшие правящий класс, составляли около 1,3% населения в первой половине столетия и около 1,9% ближе к концу века. В России в середине XIX в. дворяне составляли около 1,25% всего населения страны. Во Франции в канун революции знать всех званий и рангов составляла только 0,6% населения, несмотря на то, что ее ряды пополнили семьи состоятельных торговцев.

Полиархия: участие и оппозиция

мику традиционного крестьянского общества можно приблизительно представить на рис. 4.1.

Рис. 4.1. Динамика крестьянского общества

Противоположная ситуация наблюдается в свободном фермерском обществе: земли распределены более равномерно, хотя это и не совершенное равенство. Если в обществе проповедуются эгалитарные и демократические нормы, а Токвиль настаивает, что именно так было в США, то одна норма будет укреплять другую. В конечном счете в некоторых случаях это стремление к равенству (или меньшему неравенству) укрепляется определенными аспектами военной технологии.

Мушкет, а позднее винтовка помогли обеспечить в США относительно равный доступ к средствам насилия. Горы в Швейцарии, горы и фьорды в Норвегии и Новой Зеландии, континентальный масштаб и огромная протяженность в Чили — все это создает возможность для успешной монополизации сферы насилия

Окончание см. 7

В последние дни римской республики правящий класс составлял примерно 1% населения столицы. Наконец, в Англии в XVII в. лорды, баронеты, кавалеры и исквайры в совокупности составляли приблизительно 1% всего населения страны» (*Lenski G. Power and Privilege. P. 219*).

IV. Социально-экономическая система

одним из слоев населения⁵. Способы взаимодействия этих факторов в свободном фермерском обществе изображены на рис. 4.2.

⁵ Не стоит недооценивать влияние убеждений и норм, касающихся закона, порядка и личной жестокости, на применение силовых мер принуждения. Из двух англоговорящих стран Северной Америки Канада традиционно отличалась большей законопослушностью и меньшим использованием насилия. См., напр.: *Lipset S.M. Revolution and Counterrevolution*. N.Y.: Basic Books, 1968. P. 37-39. Канадский автор утверждает, что две эти культуры проявили себя даже в период «Золотой лихорадки»:

В том, как возникали канадские и американские рудники, можно усмотреть различные традиции законности, что во многом указывает на различия в характере канадцев и американцев. Американец, по своей воле ставший свободным от того, что он сам считал колониальным рабством, всегда действовал по своему усмотрению, особенно в области фронта. Канадцы, которые никогда не знали кровавой бани революции, чаще предпочитали иметь закон и порядок, навязанные сверху, а не выращивать их с самого низа. На трех британских рудниках на реке Колумбия полицейские силы и суды контролировали соблюдение единожды установленных законов в духе британской колониальной традиции. На разработке месторождения закон был повсеместно един для всех, и главный уполномоченный по золотодобыче обладал настолько значительной властью, что беззаконие, столь привычное в истории американского горного дела, было неизвестно в британских поселениях. Однако в американских горнодобывающих лагерях на Рокки Маунтин, а позднее на Аляске каждая община имела свои собственные обычаи и правила, сформировавшиеся на месте. Власть по праву принадлежала самим золотодобытчикам, которые проводили городские собрания в стиле Новой Англии, исправляющие несправедливость или отправляющие правосудие... В беспокойные дни 1897-1898 гг. на Аляске не существовало отлаженного аппарата управления; иначе говоря, власть принадлежала местному куратору, иногда мудрому, иногда раздражительному, но всегда не затягивающему с судом. На канадской стороне было, возможно, даже слишком много управления, свидетельством чего может служить взяточничество в Даусоне, но помимо этого на каждом изгибе реки там были одетые в униформу и удивительно оснащенные фигуры конных полицейских.

Berton P. The Klondike Fever. N.Y.: Knopf, 1958. P. 23-24.

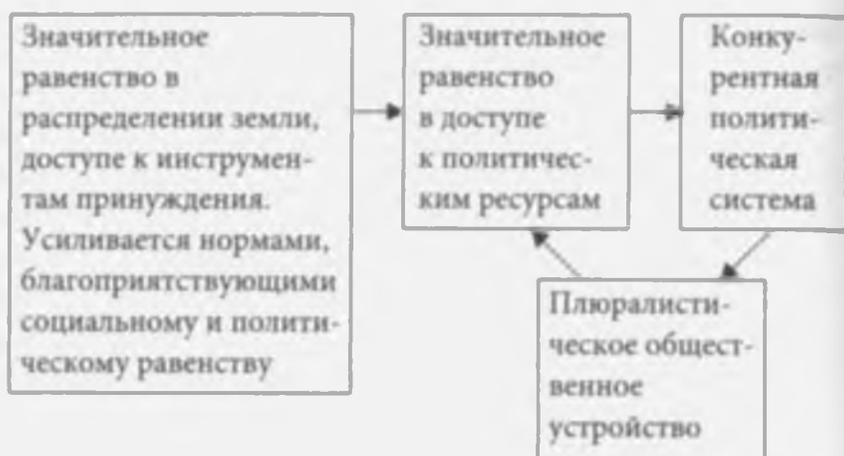

Рис. 4.2. Динамика свободного фермерского общества

ТОРГОВЫЕ И ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

Исторически торговые и индустриальные общества были более открыты к конкурентной политике, чем аграрные. Ортодоксальная либеральная теория объясняет этот факт связью между плюралистическим общественным устройством и конкурентной экономикой, основанной на частной собственности: конкурентная политика требует конкурентной экономики. Фактически классическая либеральная доктрина устанавливает следующее уравнение:

Конкурентная политика \Leftrightarrow Плюралистическое общественное устройство \Leftrightarrow Конкурентная экономика \Leftrightarrow Частная собственность⁹.

Поскольку, как утверждалось, для терпимого отношения к оппозиции и наличия состязательного представительного правительства требуется плюралистическое общественное устройство, оно в свою очередь

⁹ Двойная стрелка может быть прочитана как «предполагает» или «требует». При чтении в обратном направлении, справа налево, символ трактуется как «является необходимым условием для».

IV. Социально-экономическая система

потребуется наличия конкурентной капиталистической экономики. В то же время классическая либеральная мысль утверждает, что для существования социалистической экономики (при этом социализм понимается как единственная современная альтернатива капитализму) необходимо полностью централизованное общественное устройство с доступом к социальным, экономическим и физическим санкциям, сконцентрированным в руках центральной власти. Очевидно, что такого общественного устройства потребовал бы (и сделал возможным) режим гегемонии. Так мы приходим к парному уравнению:

Социалистическая экономика \Leftrightarrow Общественное устройство с центральным управлением \Leftrightarrow
 \Leftrightarrow Гегемонистский режим.

Следовательно, необходимой предпосылкой классического либерализма являлось наличие конкурентной политики, а позднее — полиархии в сочетании с конкурентным капитализмом. Фактически это означало невозможность логического выбора свобод, связанных с конкурентной политикой, и одновременного отказа от конкурентной капиталистической экономики. Если же вы выбираете социалистическую экономику, логически это означает предпочтение гегемонистского режима и уничтожение политических свобод. После Октябрьской революции СССР можно приводить в качестве примера, подтверждающего это равенство, поскольку там политическая система крайней гегемонии поддерживалась общественным устройством с централизованным господством, главным элементом которого была полностью централизованная социалистическая экономика.

Данный анализ, несмотря на кажущуюся убедительность, в действительности не демонстрирует того, что вышеприведенные равенства были верны, — целый ряд исторических событий указывает на их некорректность.

Начиная с истории меркантилизма классические либеральные экономисты вроде Адама Смита знали, что частная собственность не является *достаточным* условием для экономической конкуренции — первое равенство всего лишь указывает, что это *необходимое* условие. Позднее опыт многочисленных диктатур — в Италии, Германии, Японии, Испании и других странах — показал, что частная собственность в действительности не является гарантией конкурентной экономики или политического устройства, допускающего публичное оспаривание и в еще меньшей степени полиархию. Предельные случаи — как в Италии, Германии и Японии — демонстрируют, что разновидность частной собственности¹⁰ может существовать даже в рамках общественного устройства с централизованным господством.

Поскольку равенство указывает на необходимые, но недостаточные условия, строго говоря, данные события не затрагивают основного тезиса. Зато другие события действительно его опровергают. Одно из них — это устойчивость режима открытой полиархии в странах со смешанной экономикой (а не конкурентным капитализмом в чистом виде), которая использует бесчисленное множество методов и элементов управления, в совокупности сохраняющих и даже укрепляющих плюралистическое общественное устройство. Часто образцом подобной системы считают Швецию. В 1959 г. расходы на содержание правительства, социальную защиту и государственные предприятия составляли 53% валового национального продукта Швеции¹¹. На деле все промышленно развитые страны, в

¹⁰ Конечно, данный вид собственности не должен совпадать с определением «частной» собственности. Можно предложить такое определение термина: общественное устройство с централизованным господством по определению не допускает существования частной собственности на средства производства и распределения.

¹¹ Вот данные по другим странам: Великобритания — 45%, Австрия (учтены расходы не на все государственные предприятия) — 44, Новая Зеландия — 43%. См.: *Russett B.M. et al.*

IV. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

которых политическим режимом является полиархия, заменили чистый конкурентный капитализм на смешанные системы и таким образом смогли сохранить плюралистическое общественное устройство.

Уравнения классического либерализма неверны, если утверждается, что любая альтернатива конкурентному капитализму с необходимостью предполагает централизованную экономику, хотя на самом деле конкуренция среди частных компаний не является единственным способом децентрализации экономики.

Конечно, в последние годы некоторые коммунистические режимы в Восточной Европе отошли от центрального управления. Среди них Югославия ушла дальше всех в вопросах децентрализации руководства экономическими предприятиями. Если децентрализованная социалистическая экономика доказала способность к успешному решению важнейших экономических проблем, то почему же социализм не может создавать и поддерживать высокоплюралистическое общественное устройство и, следовательно, конкурентную политику.

Вкратце, правильными были бы следующие уравнения:

Конкурентная политика \Leftrightarrow
 \Leftrightarrow Плюралистическое общественное устройство \Leftrightarrow
 \Leftrightarrow Децентрализованная экономика;

Сильно централизованная экономика \Leftrightarrow
 \Leftrightarrow Общественное устройство с централизованным господством \Rightarrow Гегемонистский режим.

World Handbook of Political and Social Indicators. New Haven: Yale University Press, 1964. Tab. 15. P. 63. Приблизительно подсчитано, что в Австрии «75% всего корпоративного капитала прямо или косвенно находится в государственной собственности» — м.: *Vodopivec A. Wer Regiert in Osterreich?* 2nd ed. Vienna: Verlag für Geschichte und Politik, 1962. P. 255; цит. по: *Englemann F.C. Austria: The Pooling of Opposition // Dahl R.A. (ed.) Political Oppositions in Western Democracies.* New Haven: Yale University Press, 1966. P. 270.

Основной тезис данной главы можно резюмировать следующим образом.

1. Конкурентный политический режим, а следовательно, полиархия имеют мало шансов на существование без плюралистического общественного устройства. Общественное устройство с централизованным господством более благоприятно для гегемонистского, чем конкурентного режима (а следовательно, полиархии).

2. Конкурентный политический режим не может поддерживаться в стране, где армия или полиция традиционно вмешиваются в политику, даже если общественное устройство является плюралистическим, а не управляемым из центра.

3. Аграрные общества можно свести к двум противоположным типам: традиционное крестьянское общество, обычно связанное с гегемонистским политическим режимом, и свободное фермерское общество — с ним обычно связывают конкурентный режим и развитие в направлении открытой полиархии. Основными факторами, определяющими направление развития аграрного общества, по-видимому, являются стандарты равенства, распределения земли и военной технологии.

4. Частная собственность не является ни необходимым, ни достаточным условием плюралистического общественного устройства и, следовательно, публичного соперничества и полиархии.

5. Плюралистическое общественное устройство и, следовательно, публичное соперничество и полиархия могут существовать в стране с децентрализованной экономикой — неважно, при какой форме собственности.

6. Однако шансы публичного соперничества и, следовательно, полиархии весьма невелики в стране с высокоцентрализованной экономикой — форма собственности в данном случае также не важна.

V. Социально- экономическое устройство: уровень развития

Считается, что высокий уровень социально-экономического развития не только способствует трансформации гегемонистского режима в полиархию, но также помогает поддерживать полиархию — и даже необходим для ее поддержания. Насколько это предположение корректно?

Прежние ответы, которые в значительной степени основывались на импрессионистской интерпретации и паре конкретных исследований, недавно уступили место более амбициозным попыткам использования стремительно растущего объема кросс-национальных данных и легкого доступа к подходящим компьютерным программам для обработки этой информации. Даже если эти данные, используемые единицы измерения и интерпретация не дают однозначных ответов, не вызывающих возражения, последние исследования¹ все же позволяют сделать впечатляющие предположения.

¹ *Lipset S.M. Economic Development and Democracy // Political Man. N.Y.: Doubleday, 1960. P. 45-76; Cutright P. National Political Development, Its Measurement and Social Correlates // Polity by N.W., Dentler R.A., Smith P.A. Politics and Social Life. Boston: Houghton Mifflin, 1963. P. 569-581; Hagen E.E. A Framework for Analyzing Economic and Political Changes // Development of the Emerging Countries: An Agenda for Research. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1962. Ch. 1; Adelman I., Morris C.T. Society, Politics and Economic Development: A Quantitative Approach. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1967; Neubauer D.E. Some Conditions of Democracy // American Political Science Review. 1967. Vol. 61. Dec. P. 1002-1009; Russett B.M. et al. World Handbook of Political and Social Indicators. New Haven: Yale University Press, 1964. P. 293-303.*

Таблица 5.1

Экономическое развитие и политическая система

Политическая система	«Этапы» развития				
	I	II	III	IV	V
Конкурентная (в %)	13	33	12	57	100
Полуконкурентная (в %)	25	17	20	13	0
Авторитарная (в %)	63	50	68	30	0
N	(8)	(12)	(25)	(30)	(14)

Примечание. N — число полиархий. В сумме не всегда получаем 100% из-за округления данных.

Источник: *Russett B.M. Trends in World Politics*. N.Y.: Macmillan, 1965. Tab. 8.2. P. 140.

Конкретные данные, вероятно, даже более явно демонстрируют взаимосвязь социально-экономического развития и открытой или «почти открытой» полиархии (табл. 5.2, 5.3). Как для конкурентного режима, так и для полиархии верно следующее.

- Чем выше социально-экономический уровень развития страны, тем выше вероятность того, что данный политический режим будет открытым или «почти-полиархией».

- Вероятность существования полиархического режима выше в стране с относительно высоким, чем в стране с более низким уровнем социально-экономического развития.

Окончание сн. 4

2) движение от политических партий, настаивающих на важности сохранения национального единства, к партиям, отстаивающим идеологические платформы, и 3) снижение влияния военных и централизации» (р. 155–156). Дополнительные свидетельства приводят: *Banks A.S., Textor R.B. A Cross-Polity Survey*. Cambridge: MIT Press, 1963. См., например, черты «политических систем, в которых выборы являются конкурентными, а не неконкурентными» в противоположность «политическим системам, в которых устройство выборов является неконкурентное, а не конкурентное». См. также: *Cutright P. National Political Development: Its Measurement and Social Correlates*. Tab. 1. P. 577.

V. Социально-экономическое устройство

Очевидно, что основные допущения, разработанные к настоящему моменту, хороши за пределами дискуссии: имеет смысл говорить об уровнях или стадиях, поскольку все основные социально-экономические показатели тесно взаимосвязаны и изменяются вместе. И не только конкурентная политика вообще, но и полиархия в частности в значительной степени связаны с относительно высоким уровнем социально-экономического развития. Значит, ответ на вопрос, поставленный в начале данного раздела, довольно очевиден: шансы политической состоятельности зависят от социально-экономического уровня развития общества.

Таблица 5.2

Распределение 29 полиархий по уровням социально-экономического развития

Типы обществ	Полиархии					
	N	ВВП на душу населения, долл. США		N	Страны с одинаковым уровнем социально-экономического развития, %	Все полиархии, %
		Диапазон	Среднее			
«Традиционные первобытные» общества	11	45–64	56	0*	0	0
«Традиционные цивилизации»	15	70–105	87	1*	6,7	3,5
«Традиционные общества»	31	108–239	173	1*	3,6	3,5
Общества «индустриальной революции»	36	262–794	445	13	36,0	45,0

Типы обществ	Полиархии					
	N	ВВП на душу населения, долл. США		N	Страны с одинаковым уровнем социально-экономического развития, %	Все полиархии, %
		Диапазон	Среднее			
Общества «высокого массового потребления»	14	836–2577	1330	14	100,0	48,0
Всего	107			29		100,0

^a Сомали, где полиархия сохранялась начиная с обретения независимости в 1960 г. по 1969 г., не была включена Рассеттом и его соавторами в данную классификацию. Валовой национальный продукт на душу населения в этой стране составляет 57 долл. (*Russett B.M. et al. World Handbook. P. 157*). В октябре 1969 г. армия Сомали захватила власть, арестовала министров, распустила Национальную Ассамблею.

^b Индия.

^c Филиппины.

Примечание. N — число полиархий. Классификация полиархий — авторская; см.: приложение, табл. Б-1. Шесть «почти-полиархий» из этой таблицы не включено в указанный список полиархий. Уровни социально-экономического развития заимствованы из книги: *Russett B.M. et al. World Handbook of Political and Social Indicators. New Haven: Yale University Press, 1964. P. 294*. Количество стран, приведенных в табл. Б-1, несколько больше, чем в табл. 5.1, взятой из работы: *Russett B.M. Trends in World Politics*. Для обозначения пяти стадий он использует шесть социально-экономических и три политических показателя (процент голосования, процент военных кадров, расходы на центральное управление). В то время как взаимосвязь шести социально-экономических показателей сильна, они крайне слабо связаны с этими конкретными «политическими» переменными, а положение страны на одной из этих пяти «стадий» представляется независимым от данных трех политических показателей. Следовательно, несмотря на некоторое искажение «процентного голосования» нашей мерой полиархии, взаимосвязь полиархии и пяти «стадий», приведенных Рассеттом, не кажется ошибочной.

Таблица 5.3

Полиархия и социально-экономическое развитие

Социально-экономический показатель	Все страны		Полиархии и «почти-полиархии»	
	N	Среднее значение	N	Среднее значение
Население в населенных пунктах с более 20 тыс. жителей, %	120	23	31	38
Валовой национальный продукт на душу населения, 1957, долл. США	122	377	32	822
Лица, получающие заработную плату в качестве рабочих и служащих, %	79	35	31	42
Трудовые силы, задействованные в сельском хозяйстве, %	98	50	27	19
Занятость вне сельскохозяйственного сектора, % населения, достигшего трудоспособного возраста	77	36	31	46
Занятость в сфере индустрии, % работающего населения	78	15	31	20
Число граждан, получивших высшее образование, на 100 тыс. человек	105	281	33	499
Число граждан, получивших начальное и среднее образование, % населения в возрасте 5–19 лет	125	43	33	62
Уровень грамотности, население 15 лет и старше, %	118	52	33	82

Примечание. Данные по всем странам приведены по книге: *Russett B.M. et al. World Handbook*. Данные по полиархиям и «почти-полиархиям» рассчитаны на основе информации, предоставленной Программой сбора политических данных Йельского университета. Варьирование данных по некоторым странам связано с недостатком информации. Авторскую классификацию полиархий см. приложение, табл. Б-1.

И хотя этот тезис подтверждается всеми имеющимися данными, он не слишком помогает нам продвинуться вперед. Фактически множество ключевых вопросов, касающихся природы крайне общей зависимости конкурентной политики и уровня социально-экономического развития, а также степени этой зависимости, так и остается без ответа.

НЕСКОЛЬКО НЕРЕШЕННЫХ ВОПРОСОВ

Существуют ли «пороговые величины»?

Один из таких вопросов можно сформулировать так: существуют ли «пороговые величины», до или после которых шансы конкурентной политики или полиархии уже существенно не меняются? Обозначим проблему по-другому: является ли взаимосвязь прямой или криволинейной?

Рассмотрение данных (например, в табл. 5.2, 5.3) однозначно наводит на мысль, что связь не является линейной, но, напротив:

Существует верхняя пороговая величина, вероятно, в диапазоне 700–800 долл. ВВП на душу населения (в долларах США на 1957 г.), после которой шансы полиархии (а следовательно, и конкурентной политики) настолько высоки, что любой последующий прирост показателя ВВП на душу населения, а также других переменных, связанных с этим увеличением, не приведут к сколько-нибудь значимому результату.

Существует и нижняя пороговая величина, вероятно, в диапазоне около 100–200 долл. ВВП на душу населения, ниже которой шансы полиархии (хотя необязательно и других форм конкурентной политики) настолько малы, что различия ВВП на душу населения или других переменных, связанных с этим показателем, уже не имеют значения.

А что же с девиантными случаями?

Тем не менее если мы соглашаемся с идеей «пороговых величин», то утверждение, что конкурентные режимы или даже полиархии существуют только в странах с высоким уровнем социально-экономического развития, явно будет ошибочным. Также неверно, что во всех странах с высоким уровнем социально-экономического развития политическим режимом является полиархия или даже конкурентный режим. Любая классификация значительного количества стран по показателям экономического и социально-экономического развития, а также политической состоятельности или полиархии неизменно демонстрирует большое количество случаев отклонения от нормы⁵. Расхождения, или девиантные случаи, представляют, например: Индия, где при ВВП на душу населения, равном 73 долл. (1957 г.), существовал конкурентный политический режим, более того — полиархия, а также СССР и Восточная Германия, где гегемонистскому режиму соответствовал высокий социально-экономический уровень развития (ВВП 1957 г. — 600 долл.). Вызывают недоумение политические контрасты четырех стран Латинской Америки с относительно высоким уровнем социально-экономического развития: Аргентина (490 долл.), Чили (379 долл.), Куба (431 долл.) и Уругвай (478 долл.). Среди «традицион-

⁵ См., напр.: *Hagen E.E. Classification of Asian and African Countries by Type of Political Structure and Rank in Economic Development*, а также его аналогичную классификацию стран Латинской Америки: *A Framework for Analyzing*. Tab. 1.1, 1.2. P. 2, 4; и figure 1 «Relationship of Political Development to Communications Development: 71 nations» // *Cutright P. National Political Development, Its Measurement and Social Correlates*. P. 572-573. См. также: *Coleman J.S. Composite Rank Order of Latin American Countries on Eleven Indices of Economic Development*, а также аналогичную классификацию стран Азии и Африки: *Almond G.A., Coleman J.S. The Politics of the Developing Areas*. Princeton: Princeton University Press, 1960. P. 541-542; *Adelman I., Morris C. Scatter Diagram Relating per capita GNP and Country Scores on Factor Representing the Extent of Democracy* // *Society, Politics, and Economic Development*. P. 262.

ных» обществ в норму не вписывается существование конкурентных режимов на Филиппинах (220 долл.), в Турции (220 долл.) и на Цейлоне (128 долл.), но не в Парагвае (114 долл.), Индонезии (131 долл.), Египте (142 долл.) и Португалии (224 долл.).

Современный мир предлагает множество источников противоречий, но и история демонстрирует их немало. Как мы можем объяснить ранее возникновение полиархии включенности в США? Голдсмит примерно подсчитал, что в то время, когда Токвиль писал «Демократию в Америке», ВНП на душу населения равнялся в этой стране примерно 350–400 долл.⁶ Но конкурентная политика установилась в США задолго до визита Токвиля. К 1800 г. в стране уже была сформирована открытая полиархия (для белых), когда ВНП на душу населения был значительно ниже, чем в 1840 г. Более того, согласно обычным показателям социально-экономического уровня развития в 1800 г. Америка явно была сельскохозяйственной страной, не вступившей на путь модернизации и индустриализации: к 1820 г. там было лишь пять городов с населением более 50 тыс. человек; только 3% населения проживало в городах численностью более 25 тыс. человек; не меньше 93% населения проживало в сельской местности; из всей рабочей силы 70% было задействовано в сельскохозяйственной сфере⁷. Естественно, там не было семей, владеющих телефоном, радио или автомобилем. Ученый-социолог, вооруженный только этими сведениями, а также распростра-

⁶ В ценах 1957 г. *Goldsmith R. Long Period Growth in Income and Product, 1939–1960* // Andreano R. (ed.) *New Views on American Economic Development*. Cambridge, Mass.: Schenkman, 1965. Ch. II. P. 357. Голдсмит вычислил ВНП в ценах 1929 г. Я конвертировал данные в цены 1957 г., используя информацию: U.S., Department of Commerce, *U.S. Income and Output*. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1958. Tab. VII-2, а также: *Implicit Price Deflators for Gross National Product or Expenditure 1929–1957*. P. 220–221.

⁷ Данные приводятся по: U.S., Bureau of the Census, *Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957*. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1960. P. 14, 72.

ненными теориями, их объясняющими, мог бы вполне законно прийти к выводу, что в начале XIX в. едва ли существовал шанс на появление демократии в Америке, хотя, как я полагаю, для большинства из нас более убедительной является интерпретация Токвиля.

Выводы, верные относительно США, верны не только для Австрии, Новой Зеландии и Канады, но и в некоторой степени для Великобритании, Норвегии, Швеции и других европейских стран, где конкурентная политика (хотя и не открытая полиархия) существовала в XIX в. Согласно показателям, применимым к современному миру, все эти страны находились тогда на низком уровне социально-экономического развития.

Вывод, согласно которому конкурентная политика в какой-то степени, бесспорно, ассоциируется с уровнем социально-экономического развития, не вполне удовлетворителен, а возможно, даже не интересен. Большого внимания заслуживает тот факт, что эта связь крайне слаба, что этот вывод не учитывает огромного количества важнейших случаев отклонения от нормы, что взаимосвязь одного и другого так и осталась необъясненной. Среди других загадок данной взаимосвязи — направление причинно-следственной связи.

Какова направленность причинно-следственной связи?

Действительно ли высокий уровень социально-экономической организации и производительности являются причиной конкурентной политики? И наоборот, приводит ли конкурентная политика к социально-экономическому развитию? Действительно ли конкурентная политика и социально-экономическое развитие взаимодействуют и усиливают друг друга? А может быть, наконец, оба эти фактора являются следствием чего-то еще? Как часто предостерегали авторы исследований, цитированных выше: демонстрация наличия взаимосвязи ничего не говорит о причинах!⁸ Причины

⁸ См.: *Adelman I., Morris C. Society, Politics, and Economic Development. P. 148.*

можно извлечь из данных только с помощью теории. Однако ясно одно: какими бы ни были причинные связи, они не просты и не однонаправлены.

Каузальная теория, которая могла бы объяснить как общие тенденции, так и девиантные случаи, должна быть комплексной. Причина кроется в неочевидности гипотезы, согласно которой высокий уровень социально-экономического развития является либо необходимым, либо достаточным условием конкурентной политики. Неочевидно и обратное: конкурентная политика является либо необходимым, либо достаточным условием высокого уровня социально-экономического развития⁹.

Я не верю в возможность выдвижения в настоящее время приемлемой каузальной теории, которая объясняла бы все эти случаи. Все, на что я рассчитываю, — предложить некое объяснение, которое помогло бы нам понять как общую тенденцию, так и случаи отклонения от нормы. Я не стану предлагать здесь какой-то законченной теории.

На самом ли деле доиндустриальные общества по своей сути не подходят для конкурентной политики?

Отношения между конкурентной политикой и доиндустриальными обществами парадоксальны. В XVIII в. в определенных доиндустриальных обществах процветала конкурентная политика, а в некоторых случаях — даже полиархия. США, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Норвегия, Швеция — вот только несколько примеров. Но в современном мире лишь в нескольких странах, находящихся на доиндустриальном уровне, утвердилась полиархия. Фактически с большей вероятностью там будет гегемонистский или авторитарный режим.

⁹ Аналогичную критику см.: Rustow D.A. Democracy, Consensus, and the New States, presented to the International Political Science Association, Brussels, 1967. September; *Idem*. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. No. 2. P. 337–364.

V. Социально-экономическое устройство

Решение данного парадокса кроется в том факте, что в XIX в. (естественно, мы говорим не об Афинах времен Перикла) европейские и англоговорящие доиндустриальные и аграрные общества во многих отношениях серьезно отличались от нынешних доиндустриальных обществ. Самым резким был бы контраст Америки XIX в., бесспорно находившейся на доиндустриальном этапе, и современных доиндустриальных обществ, как правило, отличающихся высоким уровнем неграмотности, ограниченных традицией, бесписьменной, донаучной культурой, слабыми или фрагментарными системами коммуникации, значительным неравенством граждан в благосостоянии, обладании статусом и властью, крошечным или вообще отсутствующим независимым средним классом и часто — традицией автократического или авторитарного управления. Достаточно почитать Токвиля, чтобы понять, как разительно отличается по каждому из этих критериев Америка, которую ему довелось увидеть¹⁰.

¹⁰ Даже сделав соответствующую скидку на преувеличения Токвиля, очевидно, что ни один наш современник не будет описывать нынешние доиндустриальные общества в подобных терминах: «Общественный строй англо-американцев в высшей степени демократичен. Такой характер он приобрел с момента основания колоний; в настоящее же время он стал еще более демократичным... В [Новой Англии] никогда не чувствовалось ни малейшего влияния аристократии... Однако состояния обращаются в этой стране с невероятной быстротой, а опыт свидетельствует о том, насколько редко случается, чтобы два поколения подряд пользовались привилегией быть богатыми... Я не думаю, что где-либо в мире существуют государства, где пропорционально численности населения встречалось бы столь мало полных невежд и столь же мало ученых, как на Североамериканском континенте... Начальное образование в этой стране доступно всем и каждому. Высшее образование не доступно практически никому... Однако в Америке мало богатых людей... В Америке большинство ныне богатых людей были когда-то бедными... В Америке аристократическая элита [была] весьма слабой уже в момент своего зарождения... вряд ли можно говорить о каком-либо ее влиянии на развитие событий в стране... Ни в одной стране мира и никогда на протяжении

Часто к этим структурным отличиям добавляется важнейшее различие в роли государства в социально-экономическом развитии. Разумеется, никогда, ни в XIX, ни в XX в., государство не было малозначительной силой в комплексном процессе преобразования аграрного общества в урбанистическое индустриальное: даже в США правительство, как правило, играло ключевую роль. Однако обычно эта роль не была доминирующей; экономическое развитие было скорее «автономным», чем «вызванным извне»¹¹. Напротив, сегодня во многих доиндустриальных странах политические лидеры склонны использовать все методы мотивации и принуждения, доступные на уровне государства, с целью преобразования или смещения традиционных и часто упорно сопротивляющихся институтов старого общества.

Таким образом, в любом доиндустриальном обществе XIX в. с высоким уровнем конкурентной политики политические лидеры, по существу, придерживались стратегии, которая отдавала связанную с развитием инициативу на откуп неправительственным группам. Лидеры сегодняшних доиндустриальных обществ в большей степени нацелены на стратегию дирижизма. Первая перспектива способствовала созданию значительной меры автономии и децентрализации общественного устройства. С позиций сегодняшнего дня автономия и децентрализация только укрепляют традиционное общество и препятствуют изменениям, необходимым для экономического роста. Следовательно, стратегии развития, используемые лидерами современных доиндустриальных обществ, в большей

Окончание см. 10

веков, память о которых хранит история человечества, не существовало людей, более равных между собой по своему имущественному положению и уровню интеллектуального развития, другими словами — более твердо стоящих на этой земле». *Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 2000. С. 55–60.*

¹¹ *Hoselitz B.F. Sociological Aspects of Economic Growth. Glencoe: The Free Press, 1960. P. 74, 97 ff.*

мере сфокусированы на обоснованной необходимости централизации и гегемонии.

В то время как в XX в. случаи отступления от нормы с предельной ясностью демонстрируют, что индустриализация и урбанизация не являются достаточными условиями конкурентной политики (например, СССР и Германия 1930-х гг.), подобные же случаи из истории показывают, что индустриализация и урбанизация не являются даже и необходимым ее условием¹². По своей сути, доиндустриальные, сельские, аграрные общества не являются по определению неподходящими для конкурентной политики или даже полиархии. Ввиду того что некоторые доиндустриальные, сельские, аграрные общества имели конкурентную политическую систему, подчас они действительно создавали превосходное основание для полиархии включенности.

Если в современном мире доиндустриальное общество является неподходящим местом для конкурентной политики или полиархии, то это, безусловно, — следствие социальных особенностей, таких как неграмотность, бедность, слабый средний класс, а также авторитарная политическая культура. Сегодня эти черты ассоциируются с шатким индустриальным и урбанистическим основанием. Но они не являются — или по крайней мере не являлись — неотъемлемыми чертами доиндустриальных обществ.

ОБЪЯСНЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

А теперь предположим, что существует связь между публичным оспариванием (и полиархией) и уровнем

¹² Думаю, что игнорирование важных с исторической точки зрения девиантных случаев, когда конкурентная политика развивалась в доиндустриальных условиях, приводит к преувеличению роли процесса урбанизации в развитии демократических систем. См., напр.: *McCrone D.J., Cnudde C.F. Towards A Theory of Democratic Political Development: A Causal Model // American Political Science Review. 1967. Vol. 61. P. 72-79.*

социально-экономического развития, что есть важнейшие исключения из этого правила, а также что существуют пороговые величины, до или после достижения которых шансы полиархии или публичного оспаривания существенно не меняются. Как нам все это учесть?

Думаю, что самая общая гипотеза поможет нам установить связь между политической системой и уровнем социально-экономического развития.

Шансы на возникновение и сохранение в стране конкурентного политического режима (и даже более того — полиархии) зависят от того, насколько общество и экономика страны:

а) обеспечивают грамотность, образование и средства коммуникации;

б) создают плюралистическое общественное устройство, а не общественное устройство с централизованным господством;

в) предупреждают появление крайних форм неравенства среди политически значимых слоев общества.

В этой главе я рассмотрю первые два условия. Третьему условию по причине его важности и сложности будет полностью посвящена следующая глава.

Грамотность, образование и средства коммуникации

Безусловно, нет нужды доказывать, что всякий раз, когда численность граждан велика, шансы на участие в политике и высокую степень публичного оспаривания во многом зависят от распространенности чтения, письма, грамотности, образования, а также газет или их эквивалентов. Я не предлагаю исследовать природу этой зависимости и различные способы компенсации неграмотности, как в Индии или Турции. Важно то, что пространство, создаваемое грамотностью, образованием, газетами и другими формами коммуникации, связано — как мы видели ранее — с процессами урбанизации и индустриализации. Развитие городов, торговли,

V. Социально-экономическое устройство

промышленности и профессий не только требует, но и само способствует этим простейшим требованиям.

Однако среднеобразованному человеку, имеющему возможность читать газеты (а сегодня — доступ к радио и телевидению), не нужно общество с высоким уровнем индустриализации и урбанизации. В конце концов, как отметил Токвиль, большинство белых американцев в начале XIX в. имело образование: возможности для получения скромного образования были достаточно широкими (хотя, возможно, Токвиль несколько преувеличил их), газеты были, как правило, доступны, политическая коммуникация была сравнительно действенной, несмотря на огромную территорию страны. В других странах широко распространенная грамотность и образование также предшествовали повсеместной индустриализации, росту городов и средним показателям дохода на душу населения: так было в Новой Зеландии, Австралии, Канаде, Норвегии, Исландии и Финляндии. Затраты на обеспечение всеобщего доступа к образованию и средствам информации не настолько высоки, чтобы быть не под силу достаточно процветающим аграрным обществам.

Значит, было бы разумно сделать следующие выводы.

о Гипотетический нижний порог конкурентной политики частично можно объяснить теми трудностями, которые страна, достигая данного этапа, испытывает при мобилизации ресурсов, необходимых для широкого распространения грамотности, образования и средств информации.

о Тем не менее, достигнув этого нижнего порога, страны способны удовлетворять таким минимальным требованиям конкурентной политики и в частности полиархии, даже если эти страны являются преимущественно аграрными, сельскими и неиндустриализированными.

о Таким образом, необходимость удовлетворения этих минимальных требований помогает объяснить нижнюю пороговую величину, но не объясняет общую взаимосвязь.

Плюралистическое общественное устройство

А теперь рассмотрим, какие возможности открывает относительно «развитая экономика» благодаря самому своему функционированию и что требуется для этого функционирования. Развитая экономика не просто может позволить себе, но и нуждается в ликвидации неграмотности, всеобщем образовании, широких возможностях для получения высшего образования и распространения средств коммуникации. Она не просто может производить квалифицированную рабочую силу, но и нуждается в таковой: рабочие, умеющие читать и писать, понимать чертежи и отвечать на письменные инструкции, инженеры, технические специалисты, ученые, бухгалтеры, юристы, менеджеры всех мастей. Развитая экономика не просто создает, но и не может существовать без быстрых и надежных систем связи, включая системы, передающие огромные объемы общественной и квазиобщественной информации. Она не просто делает возможными, но в то же время требует надежных специализированных организаций, управляемых штатом служащих с сильной мотивацией, которые были бы лояльны к целям этой организации: будь то банк, магазин, школа, университет, больница, общественный транспорт и тысячи других структур.

Вследствие своих внутренних потребностей развитая экономика и поддерживающие ее социальные структуры автоматически распределяют политические ресурсы и навыки среди многообразия личностей, групп, организаций. К этим навыкам и ресурсам относятся знание, доход, статус, уважение определенных групп, организационные и коммуникационные навыки, доступ к организациям, экспертам, элитам. Эти навыки и ресурсы могут быть использованы с целью достижения преимущества — своего личного, группы или организации. Группы и организации делают упор на автономию, корпоративную лояльность, комплексные модели сплоченности и расщепления. Когда

возникает конфликт, а это происходит неминуемо, доступ к политическим ресурсам помогает индивидам и группам предотвратить его насильственное урегулирование, вступая вместо этого на путь переговоров и соглашений — явно, неявно, законно, нелегально, внезаконно. Так, системы соглашений и переговоров развиваются в рамках, параллельно или вопреки иерархическим мерам; они стимулируют политическую субкультуру нормами, которые узаконивают переговоры, соглашения, взаимную поддержку и услуги, а также достижение согласия как способ противодействия односторонней власти или насилию.

Даже лидеры внешне иерархических организаций знают, что принуждение и насилие часто наносят удар по системе мотивации. В развитой экономике долгосрочная деятельность в условиях угроз или принуждения на всех уровнях является менее продуктивной, чем деятельность, основанная на добровольном согласии. Таким образом, боязнь наказания за плохое исполнение не просто дополняется, но во многих отношениях заменяется ожиданием вознаграждения за успешно выполненную работу. Точно так же, как рабский труд в общем случае менее эффективен, чем труд свободный, так и труд плохо оплачиваемых, неудовлетворенных рабочих будет менее продуктивен в долгосрочной перспективе, чем труд их высокооплачиваемых довольных коллег. В отношении технических специалистов, управленцев, ученых и интеллектуалов необходимость в добровольном исполнении своих обязанностей, основанная на их «согласии», даже еще более велика. А значительная доля автономии и свободы действий также приводит к лучшим результатам, чем жесткий, сверхцентрализованный контроль.

Таким образом, развитая экономика автоматически порождает множество условий, необходимых для плюралистического общественного устройства. И как только такой порядок начинает развиваться, по крайней мере в своих первичных формах, некоторые его

члены предъявляют требования к участию в процессе принятия решений, причем такими способами, которые больше присущи конкурентной, нежели гегемонистской политической системе.

Если мы используем символ «В» и стрелку, чтобы показать направление причинной связи, то аргумент можно представить следующим образом:

Развитая экономика — В → Плюралистическое общественное устройство — В → Требования перехода к конкурентной политической системе.

Мысль в том виде, в каком она изложена здесь, выглядит слишком упрощенной. Она нуждается как минимум в трех уточнениях.

Во-первых, даже если развитая экономика создает некоторые условия, необходимые для плюралистического общественного устройства, она не создает всех необходимых условий: примером могут служить СССР и Восточная Германия, где развитая экономика сочеталась с общественным устройством с централизованным господством.

Как мы уже заметили, соответствие между уровнем экономического развития и политической системой не является строгим. Однако точно так же, как это соответствие лучше работает на очень низких уровнях (полиархии редки), оно улучшается и на очень высоких уровнях (гегемонистские системы редки). Наш аргумент подразумевает — я думаю, правильно, — что когда страны с гегемонистскими системами достигают более высоких уровней экономического развития (например, СССР и страны Восточной Европы), становится все сложнее поддерживать общественное устройство с централизованным господством. Поэтому успехи экономики подрывают монополию на социально-экономические санкции, которой обладают гегемонистские лидеры: чем больше их успехи в трансформации экономики (а вместе с этим, неизбежно, и общества), тем больше угроза их политического провала.

V. Социально-экономическое устройство

Если политические лидеры позволяют фрагментировать монополию на социально-экономические санкции и при этом, пользуясь монополией на насилие, пытаются сохранить политическую гегемонию (трансформация общественного устройства с центральным управлением в квазиплюралистическое общественное устройство с репрессивным применением силы), то в процессе управления высокоразвитым обществом они сталкиваются с многочисленными ограничениями, издержками и неэффективностью применения принуждения и насилия, поскольку такое общество нуждается не в манипулировании угрозой насилия, а в создании стимулов и сложном поведении¹³.

Противоречия внутри гегемонистского режима в обществе, находящемся на высоком уровне развития, могут быть показаны на рис. 5.1 (волнистые двунаправленные стрелки означают конфликт).

Во-вторых, хотя экономический успех может угрожать гегемониям появлением в обществе требований политической либерализации, он, в отличие от экономического упадка, не представляет опасности полиархиям. Так, экономические трудности, особенно когда они принимают форму суровой безработицы или стремительной инфляции, порождают потребность в

¹³ Схожую точку зрения см. в: *Eckstein A. Economic Development and Political Change in Communist Systems // World Politics. 1970. No. 22. P. 475-495.* Джордж Фишер утверждает, что советская власть вполне способна подавлять социальный плюрализм и либерализацию, не причиняя вреда экономическим стимулам. Если я правильно понимаю его мысль, он предсказывает «ограниченный монизм», в котором «крупным социальным группам в обществе» отказывают в «независимости от контроля государства», но позволяют пользоваться ею «в профессиональной и личной жизни, в промышленной деятельности (включая экономику) и в некоторых областях права и общественной жизни». См.: *Fisher G. The Soviet System and Modern Society. N.Y.: Atherton, 1968. P. 14-18, 142-153.* Однако мне не понятно, как приведенные в его книге свидетельства формирования в СССР системы «удвоенно исполнительной власти» подкрепляют его мысль.

Полиархия: участие и оппозиция

гегемонистском режиме и общественном устройстве с централизованным господством.

Рис. 5.1. Противоречия гегемонистского режима в высокоразвитом обществе

В-третьих, может наступить момент, когда острота этих трудностей притупится и станет очевидно, что богатые общества порождают свои формы разочарования и недовольства. Хотя в странах, ныне управляемых гегемонистскими режимами, богатство может усиливать требования конкурентной политики, вовсе не очевидно, что оно и дальше будет способствовать укреплению верности демократии в странах, которые уже имеют открытые полиархии.

VI. Равенство и неравенство

Со времен Аристотеля, а возможно, и со времен до-сократиков среди политических теоретиков было распространено представление, что крайнее неравенство приводит к созданию гегемонистских режимов и негегемонистские системы более эгалитарного типа должны иметь промежуточную группу более-менее равноправных граждан, по численности превосходящую половину, избегая тем самым крайних различий (среди граждан) в статусе, доходе и состоянии. Развитые индустриальные общества сдерживают сильные тенденции к крайнему неравенству, и все же — феномен, который греки не могли предвидеть, — полиархии включенности расцвели преимущественно в развитых индустриальных странах. Это кажущееся противоречие породило множество объяснений. Одни пытаются разрешить затруднение, не принимая в расчет существование неравенства в этих странах, тогда как другие предпочитают не замечать «демократию»: для них внешне демократические режимы на самом деле являются скрытыми гегемониями.

В нашем обсуждении уже не раз затрагивались различные аспекты зависимости общественного устройства и уровня экономического развития от равноправия граждан, но пришло время сосредоточить внимание на ряде нерешенных вопросов.

Равенство и неравенство граждан в обществе влияют на шансы гегемонии или политической состязательности при помощи по крайней мере двух множеств промежуточных переменных: распределение политических ресурсов и навыков, а также порождение в обществе чувства возмущения и неудовлетворенности.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ И НАВЫКОВ

В процессе распределения доходов, богатства, статуса, знаний, профессии, положения организации, популярности и многих других ценностей каждое общество также распределяет ресурсы, при помощи которых один действующий субъект, по крайней мере при определенных условиях, может влиять на поведение других субъектов. Затем эти ресурсы становятся политическими. Вопрос о том, кто получает политические ресурсы, какие именно и в каком объеме, не является просто инертным продуктом социально-экономических институтов. Участники, которые контролируют государство или оказывают на него влияние, могут использовать его различные возможности для пересмотра первоначального распределения политических ресурсов, которые являются результатом деятельности социально-экономических институтов, например подоходный налог или введение ограничений на объем пожертвований во время избирательных кампаний. Или они могут создавать и распределять новые политические ресурсы, например избирательное право.

Крайнее неравенство в распределении таких ключевых ценностей, как доход, богатство, статус, знания, военное искусство, равнозначно крайнему неравенству в доступе к политическим ресурсам. Очевидно, что в стране, где существует крайнее неравенство в политических ресурсах, высока вероятность крайнего неравенства в применении власти и, следовательно, появления гегемонистского режима. Мы закончили с аксиоматикой.

Как я уже говорил, в аграрных обществах такие ключевые ценности, как знание, богатство, доход, статус и власть, жестко коррелируют друг с другом: обеспеченные члены общества обеспечены в отношении всех этих ценностей, тогда как нуждающиеся —

а такова основная масса населения в аграрном обществе — нуждаются во всем. При этом политические ресурсы жестко кумулятивны: если участник А превосходит участника Б в одном политическом ресурсе, например богатстве или доходах, то этот А также будет превосходить Б и во всех остальных политических ресурсах, например знании или статусе. Кроме того, как мы видели, существуют два основных варианта аграрных обществ. Проще говоря, в традиционном крестьянском обществе существует крайнее неравенство в распределении ценностей, а следовательно, и политических ресурсов, а значит — и в использовании власти. Однако в свободном фермерском обществе мы обнаруживаем значительно большую степень равенства в отношении все тех же ценностей, следовательно, политических ресурсов и, значит, власти. Если это равенство в свободном фермерском обществе также ассоциируется с большей степенью политического равенства, которым граждане наделены благодаря праву голоса, соперничающим политическим партиям, выборам, а также лидерам, учитывающим предпочтения избирателей, то рост неравенства значительно сдерживается. Аккумулируя популярность, последователей и голоса избирателей, политические лидеры могут компенсировать ряд возможных последствий дифференциации в уровне богатства и статуса, а также использовать властные полномочия государства для того, чтобы сократить эту дифференциацию или ее последствия для политической жизни.

Интересный пример на эту тему можно найти в исследовании Рассетта, касающемся связи между политическим режимом и неравенством в распределении земель, которое имело место в 47 странах приблизительно в 1960 г. Открытые полиархии чаще встречаются среди тех стран, где распределение земель было наиболее равным. И наоборот, страны с наибольшим неравенством оказывались неполиархиями (табл. 6.1, 6.2). Из 23 стран, где равенство в распределении

Полиархия: участие и оппозиция

Таблица 6.1

Полиархии, «почти-полиархии» и неполиархии, распределенные по степени неравенства в распределении земли, 47 стран, приблизительно 1960 г.

Коэффициент Джини ^а	Открытые полиархии ^б	«Почти-полиархии» ^в	Неполиархии ^г
43,7			Югославия
45,0			Польша
45,8	Дания		
47,0	Япония		
49,7	Канада		
49,8	Швейцария		
52,2	Индия		
56,4	Филиппины		
57,7	Швеция		
58,3	Франция		
58,7	Бельгия		
59,8	Ирландия		
59,9	Финляндия		
60,5	Нидерланды		
63,8	Люксембург		
65,2			Тайвань
66,9	Норвегия		
67,1			Южный Вьетнам
67,4	Западная Германия		
70,0			Ливия
70,5	США		
71,0	Великобритания		
73,7		Панама ^д	
74,0	Австрия		
74,0			Египет
74,7			Греция
75,7			Гондурас
75,7			Никарагуа
77,3	Новая Зеландия		

VI. РАВЕНСТВО И НЕРАВЕНСТВО

Окончание табл. 6.1

Коэффициент Джини ^а	Открытые полиархии ^б	«Почти-полиархии» ^б	Неполиархии ^в
78,0			Испания
79,2			Куба
79,5			Доминиканская Республика
80,3	Италия		
81,7	Уругвай		
82,8			Сальвадор
83,7			Бразилия
84,9		Колумбия	
86,0			Гватемала
86,3			Аргентина
86,4			Эквадор
87,5			Перу
88,1			Ирак
89,1	Коста-Рика		
90,9		Венесуэла	
92,9	Австралия		
93,8	Чили ^г		
93,8			Боливия

^а Коэффициент Джини является общепринятым показателем неравномерности распределения. См., напр.: *Alker H.Jr., Russett B.M. Indices for Comparing Inequality // Merritt R.L., Rokkan S. (eds) Comparing Nations: The Use of Quantitative Data in Cross-National Research. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 349-382.*

^б В данном случае классификация отличается от предложенной Рассеттом, который систематизирует страны следующим образом: стабильная демократия, нестабильная демократия, диктатура. Классификацию, использованную здесь, см.: приложение, табл. Б-1.

^в Из-за действия образовательного ценза полиархия в Чили была менее открытой, чем в других странах, хотя уровень публичного соперничества был там достаточно высок.

^г Впоследствии — неполиархии.

Источник: Russett B.M. Inequality and Instability: The Relation of Land Tenure to Politics // World Politics. 1964. No. 16. P. 442-454. Tab. 2.

земель превышало средний показатель, 17 было открытыми полиархиями. Посмотрев на эти данные с другой стороны, мы увидим, что из 24 открытых полиархий 17 превысило этот средний показатель. Из 24 стран, достигших среднего уровня и ниже, только 7 было открытыми полиархиями и 15 — неполиархиями. Поскольку согласно средним показателям полиархии являются более развитыми экономически, в сфере сельского хозяйства в этих странах занята меньшая доля рабочей силы, а следовательно, равенство или неравенство в распределении земель имеет здесь меньшее влияние на политическую жизнь. Например, в пяти из семи открытых полиархий с медианными или более низкими показателями равенства в сельском хозяйстве было занято менее трети всей рабочей силы. Напротив, в странах с гегемонистским режимом, где в сельском хозяйстве занята сравнительно большая часть рабочей силы, последствия земельного неравенства для политической жизни только усиливаются.

Среди гегемоний с медианными или более низкими показателями равенства во всех странах за исключением Аргентины более трети рабочей силы было задействовано в сельском хозяйстве, а во многих случаях — фактически даже больше половины.

Таблица 6.2

Полиархия и земельное неравенство

Тип режима	Равенство превышает средний показатель (N)	Средний и ниже показатель равенства (N)	Всего
Открытые полиархии	17	7а	24
«Почти-полиархии»	1	2	3
Неполиархии	5	15	30
Всего	23	24	57

Источник: *Russett B.M. Inequality and Instability.*

Процесс индустриализации в аграрных обществах сопровождается глубочайшими изменениями в природе равенства и неравенства среди граждан или подданных. Индустриализация существенно перераспределяет вознаграждения и привилегии. Разумеется, это новое распределение ресурсов часто бывает крайне неравным. Однако, как я утверждал ранее, потребности развитого индустриального общества, а также желания, которые оно помогает создавать и удовлетворяет, рассредоточивают многие политические ресурсы, в традиционном крестьянском обществе являющиеся монополией крошечной элиты: грамотность, образование, технические знания, организационные навыки, доступ к лидерам и т.п. Если индустриальное общество и не упраздняет неравенство, то по крайней мере значительно сокращает его¹. Как только параллельно с усовершенствованием технологий и ростом производительности начинается подъем среднего уровня дохода, все больше и больше преимуществ, ранее присвоенных небольшими группами элит, становится доступно широким слоям населения. Даже неравенство в прибыли (до налогов), возможно, сокращается.

Один интересный факт на эту тему содержится в исследовании прибыли и неравенства в США в 1959–1960 гг. В 51 политической единице (50 штатов и округ Колумбия) наблюдалась строго отрицательная корреляция (–0,78) между медианным доходом каждой такой единицы и степенью неравенства в распределении доходов внутри нее. Вполне предсказуемо, что чем выше неравенство в распределении доходов в штате, тем выше показатель неравенства в распределении жилья и образования² (табл. 6.3). Проще говоря, как только

¹ См.: *Lenski G. Power and Privilege. N.Y.: McGraw-Hill, 1966. P. 437.*

² *Verway D.I. A Ranking of States by Inequality Using Census and Tax Data // Review of Economics and Statistics. 1966. Vol. 48. No. 3. P. 314–321.* В данном исследовании (p. 320) коэффициент Джини в неравенстве доходов следующим образом соотносится с другими стандартными показателями: доля верхних 20% — 0,98; доля верхних 10% — 0,88 и доля верхних 5% — 0,72.

страна подходит к высокому уровню индустриализации, крайнее неравенство в доступе к важнейшим политическим ресурсам снижается. Хотя этот процесс не порождает равенство, он все же создает большее равноправие в распределении политических ресурсов.

Более того, индустриальные общества, как я утверждал ранее, совершенно иначе меняют модель неравенства. Хотя они и не препятствуют накоплению ценностей — в частности, богатства, дохода и статуса — в сравнении с традиционным крестьянским обществом, они все же резко снижают накопление политических ресурсов и создают вместо этого систему рассредоточенного неравенства. Действующие субъекты этой системы, обделенные в отношении одного политического ресурса, имеют неплохие шансы частично компенсировать эту ситуацию, получив доступ к какому-либо другому ресурсу. Если же политическим режимом является полиархия, то система распределенного неравенства еще больше усиливается.

Таблица 6.3

Доход и неравенство в США, на примере штатов и округа Колумбия, 1959–1960 гг.: коэффициенты корреляции

	Коэффициент Джини
Средний доход	0,78
Обеспеченность жильем:	
недвижимость, в которой проживает собственник	0,65
недвижимость, в которой проживает арендатор	0,73
Образование	0,76
Использование прислуги, % занятости в сфере ведения домашнего хозяйства	0,77

Источник: Verway D.I. A Ranking of States by Inequality Using Census and Tax Data // Review of Economics and Statistics. 1966. Vol. 48. No. 3. P. 314–320.

VI. РАВЕНСТВО И НЕРАВЕНСТВО

Рис. 6.1. Индустриальное общество и неравенство

Следовательно, будет ли развитие индустриального общества способствовать увеличению или уменьшению равенства, зависит от типа аграрного общества, в рамках которого происходит индустриализация. Индустриализация, помещенная в рамки традиционного крестьянского общества, рано или поздно становится стабилизирующей силой: она преобразовывает систему совокупного неравенства в систему большего равноправия в отношении некоторых ключевых ресурсов. Что касается политических ресурсов, подобная система рассеивает неравенство, хотя и не устраняет его полностью. Однако помещенная в рамки свободного фермерского общества индустриализация может фактически усилить неравенство в отношении политических ресурсов, даже несмотря на то, что это неравенство является скорее рассеянным, чем совокупным¹.

Основная идея данного раздела изложена на рис. 6.1.

¹ См.: *Dahl R.A. Who Governs. New Haven: Yale University Press. 1961.* Здесь я истолковал исторический факт, имевший

ФОРМИРОВАНИЕ НЕДОВОЛЬСТВА И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Если неравенство порождает недовольство, то недовольство неравенством должно существовать даже в индустриальных обществах, поскольку, хотя неравенство здесь может быть менее острым и более рассеянным, чем в традиционном крестьянском обществе, сохраняющееся неравенство все равно остается значительным. Следует ли из этого, что оно не ослабляет лояльность политическому режиму среди менее обеспеченных слоев населения? Если это так, как мы можем объяснить тот факт, что большинство полиархий (а это предположительно те режимы, которые больше всего подвержены опасности неравенства) в действительности развивалось в условиях жесткого и широко распространенного неравенства? Более того, многие полиархии даже сегодня существуют в обществах, где некоторые виды неравенства, например в доходах, богатстве или шансах на получение высшего образования, просто огромны. Как полиархия может сохраняться в подобных условиях?

Надеюсь, читатель поймет, что, пытаясь объяснить подобные вещи (чем я постоянно и занимаюсь), я не собираюсь оправдывать их. Тот факт, что полиархии выдержали изрядную долю неравенства, вовсе не

Окончание см. 3

место в Нью Хавене (думаю, что в этом отношении ситуация будет типичной для большинства городов Восточного побережья). Этот случай свидетельствовал о переходе между XVIII и XX вв. от системы совокупного к системе расселяемого неравенства. Здесь нет противоречия с точкой зрения, согласно которой в аграрной Америке, в отличие от этих нескольких старых городских центров, в период с начала XVIII до XX в. произошел сдвиг от относительного равенства к расселяемому неравенству. Захватывающее истолкование городской жизни в колониях Массачусетса, данное Микаэлем Цукерманом, очень согласованное и относительно уравнивающее, поддерживает эту точку зрения. См.: *Zuckerman M. Peaceable Kingdoms: New England Towns in the Eighteenth Century*. N.Y.: Knopf, 1970.

означает, что им следовало бы сделать это. Существенное неравенство в распределении дохода, богатства, образования и других ценностей может сохраняться, не побуждая оппозицию вносить изменения в политику правительства, допускающего это неравенство, или в режим как таковой, — подобная ситуация требует объяснения.

Думаю, что объяснение состоит из двух частей.

○ Когда появляются требования большего равенства, политический режим может добиться лояльности среди обездоленных, откликаясь на некоторые из их требований, хотя и не обязательно на все.

○ Однако значительное неравенство не порождает среди неимущих политических требований большего равенства.

Ответные действия правительства

Ситуация объективного неравенства может привести к появлению требований устранения его причин, а может и не привести. Если требования действительно возникают, они могут быть обращены к правительству, а могут и не быть. В результате действий правительства неравенство может быть уменьшено или устранено, но неравные условия также могут быть сокращены, даже если правительство не предпринимает никаких положительных действий или в ряде случаев даже вопреки его неверным действиям. В некоторых случаях, даже если действия правительства направлены неверно, они могут привести к сокращению последующих требований просто потому, что неимущие будут видеть в них заботу правительства. Несомненно, представляется, по крайней мере теоретически, возможным, что ошибочная, но с виду исполненная благих намерений политика правительства иногда может полностью потерпеть неудачу в попытке сократить неравенство. Но самого факта, что правительство выказывает свою озабоченность, может быть достаточно

для поддержания, а возможно, и завоевания лояльности обездоленных.

Среди множества возможностей две, вероятно, имеют непосредственное отношение к вопросу данного раздела. Один довольно знакомый путь ведет к ответным действиям правительства, которые сокращают неравенство (или его восприятие) и, следовательно, укрепляют лояльность режиму со стороны обездоленных. Вспоминаются успешные усилия шведского правительства, направленные на снижение безработицы в 1930-х гг., или тогда же различные действия правительства Франклина Рузвельта, направленные на обеспечение большей экономической защиты в США.

Фактически в ряде европейских и англоговорящих стран, в которых сейчас установилась открытая полиархия, на вид достаточно стабильная, в прошлом и нынешнем столетии либерализованные режимы откликались на требования сокращения неравенства. Обычно этим вопросам придавали особое значение, что в итоге приводило к предоставлению политических прав тем слоям, которые были его лишены. В целом данный процесс в этих странах был завершен к 1920 г. Тогда данные демократические режимы стали более восприимчивыми к выдвигавшимся ранее гражданами требованиям расширения «социальных прав» на социальную защиту и обеспечение, образование и т.п. Этот процесс все еще идет, хотя в ряде стран после проведенных масштабных реформ он уже замедлился. Создается впечатление, что, отвечая на требования большего политического и социального равенства, некоторым странам удалось победить в длительном сражении за лояльность прежде малообеспеченных групп населения, в частности, конечно, рабочего класса. Данную ситуацию иллюстрирует движение в левой части рис. 6.2. Поскольку этот процесс уже достаточно проанализирован в других работах, я не считаю необходимым продолжать обсуждать его да-

лее⁴. Путь А' представляет случай, когда обездоленные считают, что правительство работало над снижением неравенства, хотя в реальности его действия так и не затронули причин, и неравенство остается в более-менее неизменном виде. Конечно, со временем тот факт, что правительство не преуспело в снижении неравенства, может стать очевидным — и даже, несомненно, станет таковым. Тем не менее, вполне возможно, что к тому времени, когда это произойдет, правительство будет иметь значительный запас лояльности населения.

Однако вторая возможность заключается в том, что действия или бездействие правительства приведут к сохранению неравенства и вызовут тем самым враждебное отношение со стороны обездоленных. Возможно, правительство не имеет плана действий или же обществу о нем недостаточно известно. Или по каким-то причинам правительству не удастся действовать вопреки возложенным на него требованиям. Или, если оно все же предпринимает какие-то действия, его политика оказывается неверно адресованной. А возможно и такое, что политический курс, преднамеренно избранный правительством, воспринимается как исходная причина лишений (например, радикальной дискриминации, навязанной правительством). Все эти возможности показаны на рис. 6.2, где обозначены путями Б, В и Г. Если в результате неравенство сохраняется, то лояльность неимущих к определенному режиму скорее всего ослабевает.

⁴ См. среди прочих: *Marshall T.H. Citizenship and Social Class*. Cambridge: Cambridge University Press, 1950, а также: *Dahl R.A. (ed.) Political Oppositions in Western Democracies*. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 359–367. Несмотря на то что даже сегодня еще слишком рано делать окончательные выводы, вполне вероятно, что новая стадия, начавшаяся в конце 1960-х гг., будет придавать особое значение процессам демократизации различных социальных, экономических и политических организаций, в которых власть была преимущественно иерархической.

Рис. 6.2. Возможное влияние неравенства на лояльность режиму

Поскольку политические режимы любого типа сталкиваются с опасностью отчуждения и недовольства граждан, крайнее неравенство, вызывающее недовольство значительной части населения страны, представляет угрозу для любого режима, не важно, будет он гегемонистским или конкурентным. Однако имеются основания полагать, что гегемонистский режим может допускать большее неравенство, чем конкурентная система, в частности полиархия. Так, гегемонистские режимы, особенно те, где установилось общественное устройство с централизованным господством, имеют в своем распоряжении гораздо больше разнообразных средств принуждения, которые они могут использовать для сдерживания недо-

вольства граждан. Таким образом, разочарование и агрессия неимущих могут быть ограничены и даже обращены на них самих, преломляясь в отчаяние, апатию и безысходность. Конкурентные политические системы имеют в своем распоряжении не так много ресурсов для принуждения своих граждан, поскольку неотъемлемым условием конкурентного режима, и в частности полиархии, является более или менее плюралистическое общественное устройство и многообразие действенных, законных и конституционных ограничений на насильственные действия правительства.

Я убежден, что разница действительно существует и имеет огромное значение, хотя ее не следует преувеличивать. Афинская и американская демократии дают нам примеры конкурентных систем, которые были открытыми для одной части населения, но гегемонистскими для другой (для рабов, а в США также и бывших рабов).

Пример Америки не просто слишком показателен, чтобы игнорировать его, но он также помогает прояснить сложные отношения между неравенством граждан и политическим режимом. Как известно, конкурентная полиархия в США создавала для чернокожего населения страны ситуацию крайнего неравенства, причем как в период рабства, так и после него. На Севере на протяжении почти целого столетия неравенство в отношении чернокожих не представляло значительной угрозы режиму полиархии, обладавшему там высокой степенью открытости. Возможно, причина кроется в том, что до конца Второй мировой войны чернокожие составляли относительно небольшое меньшинство, лишенное доступа к политическим ресурсам и совершенно не воинственное. С другой стороны, на Юге численность чернокожих была значительно больше, а в двух штатах они даже составляли большинство населения⁵. Для сохранения чернокоже-

⁵ В 1860 г. процент рабов среди населения штатов, в которых рабство было наиболее распространено, составлял: Южная

го населения Юга в состоянии крайней нужды белым южанам (как и свободным афинянам) пришлось создать две политические системы, одна из которых накладывалась на другую — более-менее конкурентную полиархию, включавшую в себя большинство белых, и гегемонию, объектом которой являлись чернокожие и которую поддерживало подавляющее большинство белого населения. Для поддержания этой двойной системы южане разработали в рамках квази-плюралистического общественного устройства меры репрессивного принуждения: насилие и террор были направлены на все чернокожее население, а также горстку нетрадиционно мыслящих белых, время от времени открыто выступавших против гегемонистской системы. Стабильность этой системы на Юге зависела не только от результатов прошлого, настоящего или грозящего в будущем насилия, которое использовалось для создания и укрепления чувства покорности и безысходности среди чернокожих (а как показывает образ «дядюшки Тома», даже уверенности в том, что превосходство белых легитимно), но и от (не)готовности основной политической страты Севера влезать в дела системы южан. Старая гегемония, хотя не была устранена полностью, на протяжении последнего десятилетия явно переживала глубокий кризис. К концу 1960-х гг. чернокожее население Юга получило доступ к системе конкурентной политики⁶, а гегемонистский режим, основанный на принуждении и насилии, начал рушиться.

Действительно ли пример чернокожего населения США ставит под сомнение гипотезу, согласно которой

Окончание см. 5

Каролина — 57; Миссисипи — 55; Луизиана — 47; Алабама — 45; Джорджия — 43; Вирджиния — 40; Северная Каролина — 33. См.: *Morris R.B. Encyclopedia of American History*. N.Y.: Harper, 1953. P. 516; U.S. Bureau of the Census, *Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957*. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1960. P. 13.

⁶ Некоторые данные смотрите выше, в примечании 3, глава 2.

конкурентный режим, в отличие от гегемонии, может поддерживать меньшую относительную депривацию? Я полагаю, что пример свидетельствует об обратном: для создания значительных лишений для большей части населения нужны, как это имело место на Юге, гегемонистская политическая система и социальный порядок, использующий репрессивные меры принуждения, — не важно, будет ли он квазиплюралистическим или с централизованным господством.

Как бы то ни было, из данного примера действительно следуют две важнейшие характеристики: даже открытая полиархия может создавать относительно высокий уровень лишений для незначительного меньшинства населения, если это меньшинство (как чернокожее население Севера до конца Второй мировой войны) по каким-либо причинам слабо не только в численном отношении, но также в отношении политических ресурсов, навыков и требований. Как показал пример Афин и американского Юга, исторически было возможно создать и даже поддерживать на протяжении долгого времени двойную систему, которая была конкурентной в отношении господствующей группы и гегемонистской в отношении неимущего меньшинства.

Реакция со стороны обездоленных

За ситуацией объективного неравенства и реакцией со стороны обездоленных стоят ощущения, оценки, ожидания — короче говоря, душевное состояние — конкретного человека. К разочарованию и удивлению активистов, призывающих неимущих изменить свое положение, человеческая психика не всегда побуждает тех, кто лишен равных прав, бороться, а иногда и просто желать их⁷. Это явление заслуживает более подробного и лучшего истолкования, чем допускают

⁷ Lane R.E. The Fear of Equality // American Political Science Review. 1959. Vol. 53. P. 35-51.

рамки данной книги, поэтому ограничусь лишь несколькими аспектами.

Рассмотрим далее гипотетический путь, ведущий от объективного неравенства к требованиям большего равенства среди обездоленных (рис. 6.3). Для завершения цикла на все вопросы требуется ответ «да». Однако в некоторых случаях связь не работает, и стрелки указывают на ответ «нет».

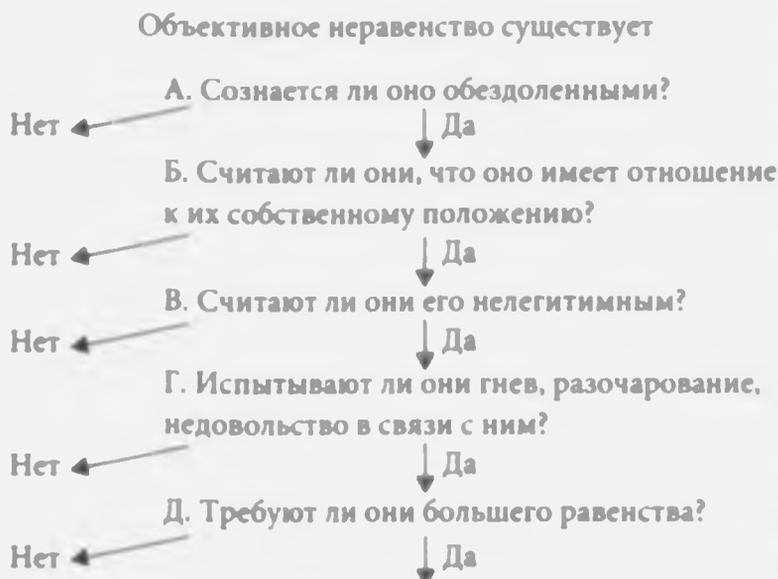

Рис. 6.3. Гипотетический путь от объективного неравенства к требованиям большего равенства

Разумеется, наивно полагать, что связь между объективной реальностью и субъективными ответами нарушена настолько, что обездоленные не сознают своей доли. Если миф о счастливых бедняках (и несчастных богачах) по-прежнему нуждается в высмеивании, то Хэдли Кэнтрил приводит убедительное свидетельство того, что разрыв между объективными условиями и нашими желаниями сокращается по всему миру по мере улучшения объективного положения вещей. В опросе, проведенном в 14 странах, респондентов попросили указать свое место на гипотетической 10-ступенчатой лестнице между «наилучшей... и наихудшей жизнью

для вас». Также их попросили определить место своей страны на подобной лестнице. Кэнтрил обнаружил, что чем выше уровень социально-экономического развития страны, тем выше в среднем ее граждане располагают свое прошлое и нынешнее положение на этой «лестнице удовлетворенности» — то же относится и к положению самой страны в прошлом и настоящем. Далее он обнаруживает, что люди, чье положение объективно выше в отношении образования, дохода или профессионального статуса, в среднем выражали большую удовлетворенность своими жизненными условиями, чем те, кто имел плохое образование, низкий уровень дохода или низкий социальный статус⁸.

Как бы то ни было, члены малоимущих групп не могут завершить все цепочки нашего гипотетического пути, даже если они сильнее неудовлетворены своими жизненными условиями. Например, в связке А ощущение неравенства иногда затуманивается изменением положения своей «личной» группы. Так, Рансимен приходит к выводу, что в Великобритании «после Второй мировой войны относительная депривация была снижена благодаря постепенному улучшению классового положения работников ручного труда, а также убежденности в наступлении эпохи большего, чем это имело место на самом деле, перераспределения»⁹.

Цепочка Б часто разрушается, поскольку люди, объективно относящиеся к обездоленным, как правило, не сравнивают себя с наиболее преуспевающими группами, благосостояние которых, по их мнению, не имеет никакого отношения к их собственному по-

⁸ *Cantril H. The Pattern of Human Concerns. New Brunswick: Rutgers University Press, 1965. P. 194, 258–259.* Согласно классификации Кэнтрила социально-экономический указатель стран выглядел следующим образом: США, Западная Германия, Израиль, Япония, Польша, Куба, Панама, Югославия, Филиппины, Доминиканская Республика, Бразилия, Египет, Нигерия, Индия.

⁹ *Runciman W.G. Relative Deprivation and Social Justice. Berkeley: University of California Press, 1966. P. 94.*

ложению. Вместо этого они используют другие сравнения. С одной стороны, члены обездоленных групп почти наверняка будут сравнивать положение, в котором в настоящий момент находится их группа, со своим собственным прошлым (или представлениями о нем). Если группа убеждена, что нынешняя ситуация лучше той, что была прежде, это убеждение может быть гораздо более заметным и значимым, чем тот факт, что некие другие группы в настоящее время находятся в гораздо более выгодных условиях. Также многие люди время от времени отождествляют себя с большими общностями, такими как нация или страна. Следовательно, для конкретного индивида или группы ситуация неравенства в прошлом или настоящем может быть смягчена ощущением того, что общность в целом — например, страна — богатеет или становится более справедливой. В конце концов, когда человек сравнивает себя или свою «собственную» особую группу с другими индивидами или группами, он скорее будет сравнивать себя не с теми, кто отдален от него социально, а с теми, кто принадлежит близкой или граничащей группе. Например, для квалифицированного рабочего доход и привилегии главы компании менее значимы, чем те же социальные ресурсы рабочих средней квалификации, стоящих ниже него на социальной лестнице, или бригадира, стоящего прямо над ним; также он может сравнивать себя с квалифицированными рабочими других предприятий.

Вследствие этих разнообразных сравнений в обществе со значительным неравенством отдельный человек может иметь сравнительно благосклонное суждение о своем собственном положении, даже если, говоря объективно, по сравнению с элитами он находится в крайне неблагоприятном положении.

Некоторые доказательства, имеющие непосредственное отношение к последней возможности, дает Рансимен по результатам проведенного им в Англии опроса 1400 респондентов. Он провел различие между

«сравнительной референтной группой», положение или отличительные черты которой люди сопоставляют со своими собственными, и «членской референтной группой», которая является точкой отсчета неравенства в отношении сравнительной референтной группы, «вызывающей ощущение относительной депривации» (курсив мой. — Р.Д.)¹⁰. Он обнаружил, что в Англии чувство относительной депривации, порождаемое неравенством, существенно ослаблено. Помимо прочего это было связано со склонностью сравнивать себя с группами, положение которых на социальной лестнице наиболее близко к собственному.

Более того, как я отмечал ранее, причину достаточно низкого уровня ощущения относительной депривации среди работников ручного труда он видит в произошедшем в последнее время улучшении их положения, а также, возможно, в преувеличенном представлении о том, насколько на самом деле сократилось существовавшее ранее неравенство. Напротив, представители среднего класса склонны выражать недовольство не самими состоятельными, а быстрым ростом доходов рабочего класса. Ранссимен также обнаружил, что:

Существует огромная разница между объективным неравенством и субъективным ощущением относительной депривации.

Независимо от того, считают они или нет, что их положение ухудшается, процветание других групп обычно вызывает недовольство у представителей среднего класса.

Те, кто находится на вершине страты работников физического труда, менее всего склонны задумываться о том, что кто-то другой находится в лучших условиях, чем они.

Рабочие и их жены, достигшие наивысшего уровня дохода для лиц, занимающихся физическим трудом, не ощущают относительной депривации, потому что, пользуясь привычными для них сравнениями, дела идут хорошо.

¹⁰ *Runciman W.G. Relative Deprivation and Social Justice. P. 12.*

Значительная доля респондентов в качестве желаемого дохода называла цифры, немного или не слишком существенно превосходящие их реальный доход, а еще большее число людей даже заявило, что они удовлетворены своим текущим заработком.

В рамках каждой трети общего распределения дохода лица, занятые физическим трудом («рабочий класс»), гораздо чаще, чем служащие («средний класс»), склонны приводить собственный доход в качестве эквивалента того заработка, на который они рассчитывают в настоящий момент.

Сравнительные референтные группы не только не выбираются в соответствии с фактами неравенства, но такое соответствие фактам наименее вероятно среди тех, кто на самом деле находится в крайне неравном положении¹¹.

Проведенный Кэнтрилом кросс-национальный опрос дает нам несколько интересных примеров связи по цепочке Б, хотя и не имеющих прямого отношения к данному случаю. Результаты, к которым он пришел, подтверждают точку зрения, согласно которой люди часто оценивают свое собственное положение исходя из понимания непосредственных изменений в рамках более крупной общности, с которой они себя отождествляют, — в данном случае со страной. Он обнаружил, что:

То, насколько высоко люди расценивали свое собственное нынешнее положение — свое место на социальной «лестнице», напрямую связано с тем, насколько высоко они оценивали положение своей страны, т.е. ее положение на этой «лестнице».

Степень улучшения своего собственного положения за последние пять лет респонденты оценивали в зависимости от того, насколько улучшилось положение их страны.

Если опрашиваемые ожидали, что их собственное положение улучшится в следующие пять лет, они с большой вероятностью ожидали, что и в стране в целом дела пойдут лучше¹².

¹¹ Runciman W.G. *Relative Deprivation and Social Justice*. P. 197–210.

¹² Cantril H. *The Pattern of Human Concerns*. P. 184–194.

Конечно, эти соотношения ничего не говорят нам о направлении причинной связи, которая, бесспорно, двунаправлена. Но некоторые сопоставления того, как люди в определенных странах оценивают себя, по меньшей мере наводят на размышления. Например, оценивая свое нынешнее положение, две группы с наиболее высокими показателями состояли из представителей членов израильских киббуцев, где объективное равенство поднято на исключительно высокий уровень, а также совершеннолетних жителей США, где средний доход крайне высок, но велико и неравенство в распределении доходов. Странами, занявшими в рейтинге третье место по оценке их гражданами своего положения, стали Куба, пережившая революцию, которая значительно сократила (но не устранила) существовавшее ранее неравенство (возможно, за счет среднего дохода), и Египет. Здесь также произошла революция, но страна все еще страдала от крайней нищеты и неравенства. Самые высокие личные ожидания от будущего присущи участвовавшим в опросе жителям (в порядке убывания) Кубы, Египта, киббуцев, США, Нигерии, Бразилии и Панама¹³. Страной, лидирующей в списке изменений в отношении личного рейтинга от прошлого к будущему (т.е. в отношении ожидания изменений к лучшему), стала Нигерия, одна из беднейших стран мира, находившаяся в период проведения опроса на пороге катастрофической гражданской войны. За Нигерией следовали Куба, Доминиканская Республика, Египет, Бразилия и Панама¹⁴. Представляется, что существенное влияние на надежды относительно будущего оказывали произошедшие в недавнем прошлом революции, обретенная национальная независимость или другие драматические политические изменения. Получается, что фактически не существовало связи между уровнем социально-экономического развития страны и ожиданиями ее граждан, высказанными по поводу либо их собственного будущего, либо будущего страны¹⁵.

¹³ *Cantril H. The Pattern of Human Concerns. Tab. IX:4. P. 187.*

¹⁴ *Ibid. Tab. IX:6. P. 188.*

¹⁵ См. ранговые корреляции: *Ibid. P. 194.*

Эффективность связи по цепочке В зависит от идей, преобладающих в культуре или субкультуре, в рамках которой происходит социализация личности. Депривированная группа вполне может считать, что ее нынешнее подчиненное положение является неотъемлемой частью порядка вещей, оправданного религией и космологией (так в индуизме узаконивается существование каст), изменить которое может только последнее, а возможно, даже апокалиптическое, искупление. Мировоззрение, оправдывающее и «рационализирующее» неравенство, укоренилось не только потому, что оно дает определенные преимущества элитам, извлекающим выгоду из существующего положения дел. Среди самих неимущих групп такое жертвенное мировоззрение помогает сделать жалкое и часто унижительное существование более терпимым и понятным. Социальная группа, в течение долгого времени имевшая дело с кажущимся неискоренимым неравенством, может научиться ограничивать свои требования и тем самым помещать их в жесткие рамки возможного¹⁶.

¹⁶ Так, в отношении «комплекса идей, связанных со стремлением к лидерству, которые всегда подчеркивают права личности» в крестьянских обществах, Махмет Бекирей выдвигает идею «смягчения», которая:

поддерживает существующее устройство системы... Считается, что сохраняющиеся социальные проблемы являются следствием не столько существующих форм социальной организации, сколько человеческих ошибок; именно человек является причиной того, почему считающееся безукоризненным устройство общества дает сбой... Идеи стремления к лидерству... ставят под угрозу равновесие, внушая новые желания. Напротив, идеи смягчения дают индивиду силы, чтобы отложить удовольствия на потом и таким образом позволить минимизировать сами потребности. В качестве добродетели они призваны укреплять существующие формы социальной организации... Будучи обособленными от влияния идей стремления к лидерству и превратившиеся в добродетель, идеи ослабления далее блокируют развитие или прогресс в области познания системы.

См.: *Beqiraj M. Peasantry in Revolution*. Ithaca, N.Y.: Center for International Studies, Cornell University, 1966.

Кросс-национальный опрос Кэнтрила выявил несколько любопытных показательных примеров такого «смягчения». При помощи ряда открытых, но тщательно продуманных вопросов людей просили рассказать о своих надеждах и опасениях. Кэнтрил действительно обнаружил «прямую, но умеренную» связь между уровнем социально-экономического развития страны и объемом надежд, выражаемых гражданами в отношении как себя, так и своей страны. Однако вопреки ожиданиям он обнаружил даже более прочную прямую связь между уровнем социально-экономического развития страны и опасениями, высказанными ее гражданами: вкратце, чем лучше положение страны, тем больше у ее граждан и надежд, и опасений. Странами, где люди высказывали меньше всего опасений за себя и свою страну, были Индия и Бразилия. Может показаться невероятным, но страной, в которой реже всего упоминалось здоровье — касалось ли это надежд или опасений, — была Индия, где «состояние здоровья граждан хуже, чем в любой другой стране, участвовавшей в исследовании»¹⁷. Там процесс «смягчения», подкрепляемый индуизмом, был доведен до невероятных масштабов.

Связь в конце цепочки (в точках Г и Д) также может нарушиться. Разочарование, недовольство и гнев могут не стимулировать требования большего равенства, а наоборот, направить человека на путь покорности, апатии, отчаяния, безнадежности, самоочернения, фантазий, несбыточных мечтаний, набожности, фатализма, мировосприятия «дядюшки Тома» и т.п. Термины, подобные этим, фактически используются

¹⁷ *Cantril H. The Pattern of Human Concerns*. P. 164. Согласно заданной классификации ранговые корреляции (р. 199) между объемом «озабоченности» (надежды и опасения) и социально-экономическими показателями страны были следующими: личные надежды — 0,24; надежды, относящиеся к нации, — 0,25; личные опасения — 0,46; опасения за нацию — 0,51. В отчете об объеме «озабоченности» пропущены Япония и Польша. Все показатели см. р. 155.

для описания психологии земледельца в крайне депривационном крестьянском обществе¹⁸.

Основную идею данной главы можно резюмировать в следующих утверждениях.

1. В стране с гегемонистским режимом крайнее неравенство в распределении ключевых ценностей снижает шансы стабильной системы публичного оспаривания.

2. В обществе, где уже существует политический режим, допускающий публичное оспаривание, крайнее неравенство увеличивает шансы того, что конкурентная политика будет заменена гегемонией.

¹⁸ См., например, примечательный портрет крестьянина: *Bequiraj M. Peasantry in Revolution*. P. 1-43. Например:

в крестьянских кругах всеобщее распространение получили одновременно пессимистическое мышление и склонность к набожности... Даже в своих собственных глазах крестьянин является «дурнем», «скотиной», а иногда и «негодлем». Он привык к самоуничижению — к этому его приучило пессимистическое мышление, основанное на принятии на свой счет неполноценности своей социальной группы, которой он объясняет свои личные неудачи. Это объяснение... позволяет ему приспособиться к социальному миру, который он правильно распознает как несправедливый, суровый и жестокий (p. 11-12). ...Цепляясь за утопические этические представления о смерти, крестьянин защищает себя от последствий постоянных неудач, которые преследуют его. Его вера в возможное наступление «добродетельного порядка» побуждает его к почитанию праведников и священников, ведущих его к благочестию. Представление своего собственного места в этом «добродетельном порядке» укрепляет его веру в собственную значимость, уравновешивая унижения, которые он терпит ежедневно (p. 19).

Конечно, было бы неверно полагать, что крестьяне всегда и везде придерживаются этих взглядов, и, как отмечает автор цитируемой книги, они также могут вести к бунтам и восстаниям, если вера крестьян в добродетельный порядок рушится. Крестьянские бунты на самом деле были довольно частым явлением, как можно увидеть из приведенного Сорокиным перечня из 173 волнений во Франции с 531 по 1908 г. *Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений*. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. См. также: *Rude G. The Crowd in History, 1730-1848*. N.Y.: Wiley, 1964. Ch. 1.

3. Полиархии чрезвычайно уязвимы к последствиям крайнего неравенства.

4. Крайнее неравенство в распределении ключевых ценностей неблагоприятно для конкурентной политики и полиархии, потому что это равнозначно крайнему неравенству в распределении ключевых политических ресурсов и с большой вероятностью порождает чувство негодования и крушения надежд, которые ослабляют лояльность к режиму.

5. Однако системы конкурентной политики и даже полиархии способны справляться со значительным неравенством, поскольку:

о значительное неравенство не вызывает среди обездоленных политических требований большего равенства или требований изменения режима;

о когда требования большего равенства действительно возникают, политический режим может завоевать лояльность обездоленных, откликаясь на часть их требований, хотя и не обязательно на все, или откликаясь таким образом, что это не приводит к снижению объективного неравенства, но ослабляет чувство относительной депривации.

VII. Субкультуры, виды расколов и эффективность деятельности правительства

Очевидно, что любая система будет находиться в опасности, если она поляризуется на несколько активно враждующих между собой групп. При столкновении с серьезной поляризацией конкурентные режимы оказываются уязвимыми перед крахом, государственным переворотом или гражданской войной. Примерами могут служить Италия 1919–1923 гг., первая Австрийская республика на протяжении практически всего своего краткого существования, Веймарская республика приблизительно с 1929 г. и до своего конца, Испанская республика в 1934–1936 гг. и США в десятилетие, предшествующее началу Гражданской войны.

В Соединенных Штатах победители были верны более или менее открытой полиархии, в том числе — в десятилетие после окончания Гражданской войны — и для освобожденных рабов. В других случаях победа осталась за антидемократическими движениями, которые успешно ввели в своих странах гегемонистские режимы.

Иногда возникают конфликтные ситуации, которые конкурентной политической системе урегулировать сложно, а иногда и вообще невозможно. Кризис в конкурентной системе возникает как следствие любых разногласий, в ходе которых значительная часть населения страны начинает ощущать серьезную угрозу со стороны другой части населения по отношению к

своему образу жизни или высшим ценностям. Каким бы ни был конечный результат, исторические данные свидетельствуют, что такая система с большой вероятностью погрязнет в гражданской войне, либо ей на смену придет гегемония, либо произойдут оба этих события.

Таким образом, всякое различие, способное поляризовать население на жестко антагонистические лагеря, является исключительно важным расколом. Можно ли утверждать, что одни страны имеют конкурентные режимы реже, чем другие, потому что по какой-то причине они особенно подвержены расколам, влекущим острую поляризацию?

К сожалению, ответ на этот вопрос осложняется из-за огромного влияния на общественную мысль некоторых особо наглядных проявлений марксистской теории. На протяжении всего столетия размышления о поляризации и гражданской войне даже у мыслителей, не следующих марксистской теории, определялись марксовским представлением о поляризации по линии экономических классов — рабочего класса и буржуазии. При этом за 120 лет со времени публикации «Манифеста Коммунистической партии» ни одна страна не развивалась в соответствии с марксистской моделью конфликта, а также не возникло ни одного режима, гегемонистского или конкурентного, который бы пал или претерпел существенные изменения из-за четко выраженной поляризации рабочего класса и буржуазии.

Повышенное внимание к классовым конфликтам даже со стороны наиболее проникательных теоретиков социальных наук и молчаливое предположение, что социальные классы составляют некую «реальную» основу различий в индустриальном обществе, к которой в конечном счете можно свести все остальные различия, отвлекали внимание исследователей от других различий, приводящих к образованию прочных субкультур, в которых происходит социализация ин-

дивидов: это религиозные, языковые, расовые или этнические и региональные различия¹.

Различия вдоль этих осей часто усиливают друг друга и имеют очевидные, значительные и долгосрочные последствия для политической жизни в очень многих странах — можно без преувеличения сказать, что в большинстве стран мира. Тем не менее ученые часто игнорируют различия подобного рода или не уделяют им должного внимания, считая их всего лишь скры-

¹ Конечно, субкультуры могут формироваться вокруг экономического или социального класса, или статуса (как они по-разному называются), или вокруг различных профессий, уровня образования и других особенностей, которые не обязательно жестко увязываются с этническими, религиозными или региональными особенностями. Однако используемый здесь термин «субкультурный плюрализм» указывает на присутствие этнических, религиозных или региональных субкультур. Субкультурный плюрализм можно рассматривать как гипотетическую размерность, для которой можно подобрать систему измерений, позволяющую сравнить относительный «объем» субкультурного плюрализма в различных обществах.

Могут возразить, что излишне включать термин «этническая группа» в перечень особенностей, на которых может основываться этническая субкультура, поскольку трудно представить, чтобы «этническая» идентификация не основывалась, по крайней мере отчасти, на одном из других различий, т.е. на религии, языке, расовой принадлежности или физическом облике. В связи с этим существуют проблемы точного определения, которые я намеренно хотел бы обойти. Однако термины «этнические субкультуры» и «субкультурный плюрализм» должны быть достаточно широкими, чтобы включать группы, для которых объективные различия в языке, религии, расовой принадлежности или физическом облике со временем смягчились, но чья идентификация с «исторической» группой тем не менее остается достаточно сильной. Примером могут служить нерелигиозные евреи в США или некоторые другие группы с отчетливыми региональными корнями, которые в настоящее время сохраняют привязанность не только к определенному региону, но и к исторически сложившейся идентичности, такой как англоговорящие шотландцы, валлийцы или ирландцы-протестанты в Великобритании, или скандинавы в то время, когда один из скандинавских народов был подчинен другому, при этом сохраняя свою национальную самобытность.

тыми классовыми признаками, либо менее «реальными», чем класс, либо если и не менее реальными, то гораздо менее долговечными и быстро исчезающими под влиянием индустриализации, урбанизации и массовых коммуникаций. Однако различия и конфликты, которые порождают эти различия, исчезают далеко не всегда, а со временем могут даже обостряться, как это происходит в современной Бельгии, Канаде и, вполне вероятно, Великобритании.

Это не значит, что классовые различия не имеют значения. Это значит, что экономический класс является лишь одним фактором (и часто менее важным), чем другие, которые могут порождать и порождают различные субкультуры: образ жизни, взгляды, нормы, идентификация, лояльность, организации, социальные структуры. Более того, эти субкультуры бывают чрезвычайно живучими не только в жизни отдельного человека (который может поменять классовую идентификацию с большей готовностью, чем родной язык или религию), но и в жизни общества. На протяжении тысячелетий классы и империи возникали и исчезали, в то время как языковые границы в тех географических областях, которые сейчас стали Бельгией и Швейцарией, почти не изменились.

Вероятно, оттого, что этническая или религиозная идентичность так рано и так глубоко пронизывает личность человека, конфликты между этническими или религиозными субкультурами чреватой особой опасностью, в особенности конфликты, связанные с религией. Поскольку конфликт между этническими и религиозными субкультурами с такой легкостью воспринимается как угроза основам личности, противники без труда превращаются в злобных и бесчеловечных «их», а угроза со стороны противников возбуждает и оправдывает насилие и жестокость, которые служат общей реакцией своей группы на чужую группу у всего человечества. Связи этнической группы или религии с региональными субкультурами приводят к зарождению нации, представители которой требуют

автономии и даже независимости. Многие политические ученые согласны с Джоном Стюартом Миллем в том, что границы любой страны с представительным правлением должны совпадать с границами проживания соответствующей национальности; богатый опыт многонациональных государств в значительной степени подтверждает их доводы².

Вряд ли вызывает сомнение, что субкультурный плюрализм нередко подвергает опасному напряжению терпимость и взаимную безопасность, необходимые для нормального функционирования системы публичного соперничества. Так, например, полиархия встречается более часто в относительно однородных странах, чем в странах с более высоким субкультурным плюрализмом. Лучшее доказательство этому факту можно найти в исследовании Мэри Хауг, которая классифицирует 114 стран в соответствии с индексом плюрализма³, и данными исследования Бэнкса и Тек-

² Ср.: Connor W. Self-Determination, The New Phase // World Politics. 1967. No. 20. P. 30-53. Коннор суммирует диалектическое развитие спора в Великобритании, посвященного жизнеспособности представительных институтов в многонациональных странах. Актон выступает против позиции Милля, утверждая, что плюрализм многонациональных государств является противоядием деспотизму и, кроме того, оказывает облагораживающее влияние. Эрнест Баркер в свою очередь поддерживает точку зрения Милля против Актона. И наконец, Альфред Коббан занимает позицию Актона против Милля и Баркера. Сам Коннор решительно поддерживает Милля и Баркера против Актона и Коббана.

³ Haug M.R. Social and Cultural Pluralism as a Concept in Social System Analysis // American Journal of Sociology. 1967. Vol. 73. No. 3. P. 294-304. Построение индекса см.: Tab. 2, p. 297. В состав индекса входили следующие переменные: язык, расовая принадлежность, религия, место проживания и «выражение интереса со стороны неассоциированных групп», которые включали родственные группы, группы по происхождению, а также этнические, региональные и религиозные группы. К сожалению, этот исключительно численный индекс не может отобразить глубину или остроту субкультурного дробления, подобного тому, который происходит в Нидерландах. Обсуждение см. ниже.

сторa. Несмотря на некоторые изменения режимов, произошедшие с начала 1960-х гг., когда данные собирались, эти изменения вряд ли столь существенны, чтобы помешать увидеть общую картину. Сравнение 26 стран с незначительным уровнем культурного плюрализма (в численном смысле) с 34 странами с исключительной степенью культурного плюрализма показывает, что:

Рассматривая страны с незначительным уровнем субкультурного плюрализма, Бэнкс и Текстор относят более половины таких стран к интегрированным и однородным политическим образованиям, где незначительны или вообще отсутствуют крайняя оппозиция, коммунализм, фракционность или отказ от политической ассимиляции (высокий уровень политической инкультурации).

Ни одна из этих стран не относится к сравнительно слабо интегрированным или закрытым политическим системам с большинством или почти большинством граждан, находящимся в крайней оппозиции, коммунализированным, разделенным на фракции, бесправным и политически неассимилированным (низкий уровень политической инкультурации).

Напротив, только 10% стран с очень высоким субкультурным плюрализмом выказывает высокий уровень политической инкультурации, а почти две трети из них обладает низкой политической инкультурацией.

Рассматривая страны с незначительным субкультурным плюрализмом, Бэнкс и Текстор относят 60% к странам с эффективным распределением власти в пользу функционально автономных законодательных, исполнительных и судебных органов (значительное горизонтальное распределение власти).

Среди этих стран лишь 18% имеет полное господство правительства с помощью одной из своих ветвей или

господство надправительственной организации (незначительное горизонтальное распределение власти).

Наоборот, лишь треть стран с исключительно высоким субкультурным плюрализмом обладает значительным горизонтальным распределением власти, а в 57% стран одна ветвь власти не обладает подлинной функциональной автономией или две ветви власти имеют лишь ограниченную функциональную автономию⁴.

Наша собственная классификация политических систем (также в значительной степени основанная на работе Бэнкса и Текстора) на начало 1960-х гг. дает около 34 полиархий и «почти-полиархий»⁵. Эти режи-

⁴ Определения взяты из работы: *Banks A.S., Textor R.B. A Cross-Polity Survey. Cambridge: M.I.T. Press, 1963. P. 88, 106.* Различалось число стран, для которых были доступны данные. Процентные значения, число стран и уровень значимости для хи-квадрат имели следующие значения:

	Плюрализм		Хи-квадрат
	Незначительный	Очень высокий	
Политическая инкультурация			
Высокая: интегрированное политическое образование	52,6% (19)	0,0% (31)	31,92 (степень свободы 6)
Низкая: неинтегрированное политическое образование	10,5% (19)	63,3% (31)	p < 0,001
Горизонтальное распределение власти			
Существенное	60,0% (25)	17,9% (28)	16,04 (степень свободы 6)
Ограниченное	32,0% (25)	57,1% (28)	p < 0,02

Источник: Haug M.R. Social and Cultural Pluralism. Tab. 7. P. 303.

⁵ О классификации полиархий и «почти-полиархий» см.: приложение, классификация в табл. 7.1 относится к началу

мы представляют относительно высокую долю стран с низким субкультурным плюрализмом (измеряемым с помощью индекса субкультурного плюрализма Хауг) и относительно небольшую часть стран с заметным или очень высоким уровнем субкультурного плюрализма (табл. 7.1).

Таблица 7.1

Полиархия и субкультурный плюрализм

	Уровень субкультурного плюрализма			
	Низкий	Умеренный	Заметный	Крайний
Совокупное число	26	28	27	33
Полиархии и «почти-полиархии»	15	10	3	6
Процент	58	36	11	18

Примечание. По индексу плюрализма Хауг низкий уровень определяется как 0 или 1, умеренный — как 2 или 3, заметный — как 4 или 5, крайний — как 6, 7 или 8.

Рассмотрение полиархий и «почти-полиархий» (на начало 1960-х гг.), отнесенных в табл. 7.1 к режимам с заметным или крайне высоким уровнем плюрализма, позволяет получить показательные результаты. Из трех стран с заметным уровнем плюрализма в Бельгии субкультурные конфликты активизировались с начала 1960-х гг., а на Филиппинах произошло оживление партизанской деятельности в сельской местности (третья страна — Ливан). Среди шести полиархий с крайней степенью плюрализма Сьерра-Леоне вообще перестала быть режимом, близким полиархии, Малайя разделилась на две страны, в Индии происходят серьезные языковые конфликты; вызывает сомнение, что Цейлон из-за общинных конфликтов и

1960-х гг. Таблица Б-1 в приложении содержит классификацию по данным на 1969 г.

ограничений в отношении оппозиции вообще когда-либо приблизится к стандартам «почти-полиархии», а в Канаде резко активизировался франко-канадский национализм. Из шести стран лишь Швейцария оставалась относительно спокойной, но даже в этой стране франкоговорящие граждане Юры недавно выдвинули требование создать для них отдельный кантон.

Тем не менее, если возникновение конкурентной политической системы и менее вероятно в странах со значительным уровнем субкультурного плюрализма, было бы преувеличением сказать, что оно вообще невозможно или что субкультурный плюрализм обязательно исключает открытую полиархию.

Следует иметь в виду, что субкультурный плюрализм в настоящее время наиболее сильно выражен среди менее развитых стран. Среди стран с крайней степенью субкультурного плюрализма доминируют новые государства: 70% таких стран добилось независимости после 1945 г. Эти страны часто обладают всеми типичными недостатками новых государств: низким ВНП на душу населения, высоким уровнем занятости в сельском хозяйстве, низкой степенью урбанизации, высоким уровнем неграмотности, низкими тиражами газет. Кроме того, эти страны относительно велики по площади (табл. 7.2, 7.3).

Как мы видим, низкий уровень социально-экономического развития сам по себе враждебен конкурентной политике. Обычно на ранних этапах строительства национального государства взаимодействие различных факторов подрывает шансы страны на создание конкурентного режима и приводит к возникновению гегемонии, при этом субкультурный плюрализм является лишь одним из таких факторов. Определенная связь между субкультурным плюрализмом и гегемонией вполне может быть обусловлена другими факторами, вроде уровня социально-экономического развития.

И все же конкурентная политика может существовать в странах с очень значительной степенью субкультурного плюрализма. Так, например, Бельгия, Канада и Индия смогли развить и сохранить полиархии. Име-

Таблица 7.2

Субкультурный плюрализм
и социально-экономическое развитие: I

	Плюрализм		
	Незначи- тельный, %	Край- ний, %	Хи- квадрат
<i>Время приобретения независимости</i>			
1913 г. или ранее	72,0	24,2	27,33 (степень свободы 6)
После 1945 г.	8,0	69,7	$p < 0,001$
Число	(25)	(33)	
<i>ВНП на душу населения</i>			
600 долл. и выше	50,0	6,1	42,08 (степень свободы 9)
Менее 150 долл.	3,8	75,8	$p < 0,001$
Число	(26)	(33)	
<i>Уровень занятости населения в сельском хозяйстве</i>			
Более 66%	3,8	72,7	
33% или меньше	50,0	9,1	
Число	(26)	(33)	

Примечание. Процентные значения рассчитывались вертикально.

Источник: Haug M. R. Social and Cultural Pluralism as a Concept in Social System Analysis // American Journal of Sociology. 1967. Vol. 73. No. 3. Tab. 5-7. P. 301-303.

ется убедительный пример Нидерландов, где различия в языке, расовой принадлежности, физических особенностях, этнической или региональной принадлежности не играют значительной роли, а следовательно, в численном отношении субкультурный плюрализм не слишком высок. Тем не менее в религиозной плоскости страна разделилась на три больших духовных семей-

Таблица 7.3

Субкультурный плюрализм и социально-экономическое развитие: II

	Плюрализм			
	Незначительный, %	Крайний, %	Совокупное число	Хи-квадрат
<i>Урбанизация</i>				
20% населения или выше в городах с численностью более 20 тыс. жителей	41,1	12,5	56	40,92 (степень свободы 3) $p < 0,001$
Менее 20% в городах численностью более 20 тыс. жителей	0,0	51,0	49	
<i>Грамотность</i>				
90% или выше	52,0	8,0	25	37,68 (степень свободы 9) $p < 0,001$
Менее 10%	0,0	57,7	26	
<i>Тираж газет, на 1000 населения</i>				
300 или более	57,1	7,1	14	49,57 (степень свободы 9) $p < 0,001$
Менее 10	0,0	57,1	35	
<i>Площадь, кв. миль</i>				
300 000 или более	9,7	48,4	31	15,73 (степень свободы 6) $p < 0,02$
Менее 75 000	29,8	12,8	47	

Примечание. Процентные значения рассчитывались горизонтально.

Источник: Haug M.R. Social and Cultural Pluralism. Tab. 4, 5. P. 300-301.

ства (католики, традиционные протестанты и остальное население). Эти три субкультуры добровольно разделились до такой степени, которой не знала любая другая открытая полиархия; но при этом Нидерландам удалось сохранить и прочную представительную демократию⁶. Наконец, Швейцария служит впечатляющим примером страны с высокой степенью субкультурного плюрализма в количественном отношении.

По меньшей мере три условия кажутся необходимыми, чтобы страна со значительными уровнем субкультурного плюрализма могла контролировать свои конфликты на уровне, позволяющем сохраняться полиархии⁷:

⁶ *Daalder H. The Netherlands: Opposition in a Segmented Society // Dahl R.A. (ed.) Political Oppositions in Western Democracies. New Haven: Yale University Press, 1966; Lijphart A. The Politics of Accommodation. Berkeley: University of California Press, 1968.* Имеются достаточные данные в пользу того, что субкультурная самоизоляция в Нидерландах стремительно снижается. Даальдер упоминает в качестве примеров следующие факты: «католический университет Ниймегена назначит кальвиниста новым профессором политологии; слияние независимых профсоюзов почти неизбежно; все группы с головокружительной скоростью избавляются от ярлыков» (Personal communication, 1969).

⁷ Особое влияние на мой анализ оказал голландский опыт, описанный Даальдером и Лейпхартом в указанных работах, и бельгийский опыт, описанный Лорвиным в работе: *Lorwin V.R. Religion, Class and Language in National Politics // Dahl R.A. (ed.) Political Oppositions in Western Democracies.* В особенности см.: *Daalder H. P. 216–220; Lijphart A. P. 197 ff.* и *Lorwin V.R. P. 174–185.* Весьма полезными для меня оказались дискуссии со всеми тремя учеными и возможность ознакомиться с незавершенными работами Даальдера и Лорвина, включая: *Lorwin V.R. Segmented Pluralism: Ideological Cleavage and Political Cohesion* (доклад, представленный на круглом столе Международной ассоциации политологии в Турине в сентябре 1969 г.). Неоценимым источником послужила работа: *Lijphart A. Typologies of Democratic Systems // Comparative Political Studies. 1968. No. 1. P. 3–44,* где автор выделяет четыре «необходимых условия для консociативной демократии», связанных с поведением и отношением элит (p. 22–23): 1) способность распознавать опасности,

Во-первых, сохранение конфликта на умеренном уровне более вероятно, если ни одной этнической, религиозной или региональной субкультуре не будет «навсегда» отказано в возможности участвовать в правительстве, т.е. в коалиции большинства, лидеры которого формируют «правительство» или органы управления.

Для этого нужно, чтобы среди достаточного числа представителей каждой субкультуры и особенно среди лидеров проявлялось общее стремление к сотрудничеству, по крайней мере на некоторое время. Существует несколько распространенных источников стимулов к сотрудничеству. Одним из них является приверженность сохранению нации — ее единства, независимости и ее политических институтов. Вторым является признание со стороны каждой субкультуры того, что она не сможет сформировать способное к управлению

Окончание см. 7

присущие фрагментированной системе; 2) приверженность к поддержанию функционирования системы; 3) способность подняться над субкультурными расколами на уровне элиты; 4) способность принимать оптимальные решения в ответ на требования субкультур.

Кроме того, Лейпхарт определяет шесть «условий, благоприятствующих консоциальной демократии» (р. 25–30): 1) четкие линии раскола между субкультурами; 2) множественный баланс сил среди субкультур; 3) одобрительное отношение народа к правительству благодаря существованию «широкой коалиции»; 4) внешние угрозы; 5) умеренный национализм; 6) сравнительно низкая общая нагрузка на систему.

Йорг Штайнер использовал швейцарский опыт для проверки 16 гипотез об условиях, благоприятствующих мирному урегулированию конфликтов в «субкультурно сегментированных демократических системах». Он считает, что опыт Швейцарии ставит под сомнение первое из шести условий Лейпхарта, хотя и не противоречит другим условиям: *Steiner J. Bedingungen für gewaltlose Konfliktregulierungsmuster in subkulturell segmentierten demokratischen Systemen // Hypothesen entwickelt am Beispiel der Schweiz. Thun, Switzerland: Mimeo, 1968. P. 434–437. Замечания Штайнера по поводу других условий Лейпхарта, см.: Ibid. P. 432–434, 439–441, 446–450.*

большинство, если не вступит в коалицию с представителями других субкультур. Это условие считается выполненным, если каждая субкультура составляет меньшинство.

Худшими перспективами обладает страна, разделенная на две субкультуры, а не больше. Если страна разделена на две субкультуры, одна из них будет представлять большинство, а другая — меньшинство. На самом деле, даже если страна разделена на более чем две субкультуры, одна из них также может составлять большинство. Строго говоря, для того чтобы каждая субкультура составляла меньшинство, необходимым, но недостаточным условием является наличие в ней более чем двух субкультур.

Если страна разделена на субкультуры большинства и меньшинства, представителям субкультуры большинства нет особой необходимости вести примиренческую политику по отношению к меньшинству, так как они могут сформировать коалицию большинства между собой. Как следствие, представители меньшинства не видят перспективы когда-либо освободиться от политического господства большинства, и потому им также не нужно вести примиренческую политику. Несомненно, этот фактор вносит свой вклад во взрывоопасность расовых отношений в Соединенных Штатах. Еще более опасно, когда субкультура меньшинства также сосредоточена в определенном регионе, как, например, франкоязычные канадцы. По мере усиления воинственных настроений среди представителей меньшинства они почти наверняка начнут требовать большей автономии, а в крайнем случае — и полной независимости. В Бельгии, где две субкультуры проживают в своих регионах, тенденции к национальному разделению определяются не только бельгийским национализмом, но и некоторыми другими факторами. С одной стороны, валлонское меньшинство никогда не чувствовало себя угнетенным, так как оно на протяжении многих десятилетий доми-

нировало в социальном, культурном, экономическом плане и даже в политике. В последнее время, по мере того как фламандцы стали заявлять о себе, а валлонское меньшинство начало ощущать себя под угрозой, прямая поляризация несколько снизилась благодаря существованию Брюсселя как своего рода третьего элемента. В столице проживает 16% населения страны, ее жители представляют обе субкультуры — валлонское большинство и фламандское меньшинство. Хотя Брюссель являет собой ключевую проблему во взаимоотношении двух субкультур, город также выступает в качестве стабилизирующей силы⁸.

Чтобы возникло более двух субкультур, а следовательно, и появилась возможность того, что каждая из них будет представлять меньшинство, не требуется более одной определяющей линии раскола. В этом смысле число различных типов раскола служит недостаточным показателем уровня субкультурного плюрализма в обществе. В Нидерландах, как мы только что видели, религия образует одну плоскость дробления, которая сформировала и поддерживает три общественные

⁸ Лорвин рассматривает оба аспекта существования Брюсселя — проблемный и стабилизирующий. По поводу первого аспекта Лорвин пишет следующее: «Брюссель и его окрестности представляют собой основной предмет фламандских и валлонских разногласий... Брюссель как точка притяжения фламандской иммиграции и центр франкоговорящего господства страны стал для "фламигантов" (воинствующего профламандского движения) одновременно препятствием, которое необходимо преодолеть, и местом под чуждым владычеством, которое нуждается в освобождении». По поводу Брюсселя как примиряющей силы Лорвин пишет, что «Брюссель обладает "национальным призванием". Само его существование как столицы зависит от эффективности работы политических, административных, торговых, финансовых и культурных служб в стране. Из интереса и сентиментальности Брюссель хочет (даже если и ему не удастся проявить должную языковую толерантность) сохранить единое государство. В свою очередь сторонники регионального разделения, и с той и с другой стороны, воспринимают Брюссель как камень преткновения». *Lorwin V.R. Religion, Class, and Language in National Politics*. P. 172, 177.

группировки (букв. «столпа», *zuilen*) — католиков, традиционных протестантов и остальную часть общества, причем ни одна из группировок не представляет большинство⁹. Может сформироваться больше двух субкультур, если пересекутся две (или более) плоскости раскола, разделив население, например, на четыре группы. Так, в Швейцарии и немецкоговорящее большинство, и франкоязычное меньшинство делятся на католиков и протестантов, и ни одна из четырех получившихся в результате групп не представляет большинство, причем эти четыре группы также делятся в зависимости от региона проживания¹⁰.

В Индии язык, каста и регион формируют фантастическое множество субкультур, каждая из которых представляет относительно небольшое меньшинство. (Хотя в стране с населением в 500 млн человек даже сравнительно небольшое меньшинство зачастую оказывается более многочисленным в абсолютном выражении, чем в большинстве других стран мира.) Как утверждает Котари, крайний плюрализм Индии является не только источником проблем, но и в некотором роде одной из сильных сторон индийской полиархии, поскольку он уже сейчас заставляет лидеров групп изучать и применять на практике искусство примирения и формирования коалиции, не позволяя ни одной группе даже близко подойти к установлению монополии на политические ресурсы¹¹.

Субкультуре не должно быть отказано в возможности принимать участие в управлении. Это условие может обеспечиваться двумя способами — с помо-

⁹ В 1960 г. католики составляли 40,4% населения, две наиболее крупные деноминации протестантов — 37,6%, «не посещали церковь» 18,4%, другие группы протестантов, иудеи и «другие» составляли 3,6%. *Daalder H. The Netherlands: Opposition in a Segmented Society. App. Tab. 6.5. P. 425.*

¹⁰ *Steiner J. Bedingungen für gewaltlose Konfliktregulierungsmuster. P. 6–7, 432–433.*

¹¹ *Kothari R. India // Dahl R.A. (ed.) Regimes and Opposition. New Haven–L.: Yale University Press, 1971.*

щью системы, ориентированной на единогласие, при которой, как это происходит в Швейцарии, все крупные партии представлены в правительстве муниципалитета (Gemeinde), кантона и федерации, или, как в Бельгии и Нидерландах, — через систему меняющихся коалиций, позволяющую каждой группе со временем переходить из оппозиции во власть. Для этой системы Лорвин придумал «краткое и броское название» *Allgemeinkoalitionsfähigkeit*¹².

Второе условие для снижения остроты конфликтов в стране со значительным субкультурным плюрализмом — наличие набора договоренностей или обязательств, которые обеспечивают различным субкультурам относительно высокую степень безопасности. Такие договоренности не всегда официально закреплены в конституционных нормах.

Одной из наиболее распространенных форм обеспечения взаимной безопасности служат договоренности, гарантирующие, что основные субкультуры будут представлены в парламенте в некотором приближенном соответствии со своим численным весом. Это часто обеспечивается с помощью одного из различных видов пропорционального представительства для выбора кандидатов. Подобные гарантии могут распространяться даже на исполнительную власть, как в коалиционном федеральном совете в Швейцарии, или в соответствии с принципом пропорционального представительства (*Proporz*), введенным в Австрии во время Второй республики. В тех странах, где участие в исполнительной власти гарантировано, договоренности обычно требуют единогласного решения или, иначе говоря, позволяют каждому меньшинству осуществлять право вето в отношении решений, затрагивающих основные субкультурные проблемы. Там, где субкультуры имеют более или менее региональный ха-

¹² *Lorwin V.R. Religion, Class and Language in National Politics.* P. 178.

рактически взаимная безопасность может обеспечиваться через федерализм, как это происходит в Канаде, Индии и Швейцарии. В Швейцарии значительная местная автономия еще более усиливает дополнительную защиту субкультур¹³.

Наконец, взаимные гарантии могут осуществляться через конкретные конституционные нормы, соглашения или договоренности, которые ограничивают конституционные полномочия любой парламентской коалиции, регулирующей вопросы, важные для одной или нескольких субкультур. Примером подобных вопросов могут служить языковые гарантии в Швейцарии, Индии и Канаде или гарантии и договоренности, которые признают за тремя общественными группировками (*zuilen*) Нидерландов высокую степень автономии не только в отношении религии, прессы, политических партий, профессиональных союзов и фермерских организаций, но и субсидируемых государством школ, программ социального обеспечения и государственных радиовещательных станций и телевизионной сети¹⁴.

Третье требование обладает не только более гипотетическим характером, его гораздо труднее точно сформулировать. Шансы полиархии будут выше,

¹³ Штайнер указывает, что важным источником недовольства в Бернской Юре служит тот факт, что франкоговорящие католики составляют меньшинство по важным позициям не только в стране, но и в кантоне, где немецкоговорящие протестанты образуют большинство. Поэтому, с точки зрения жителей Юры, большинство оказывается полностью доминирующим. См.: *Steiner J. Bedingungen für gewaltlose Konfliktregulierungsmuster*. P. 433–434. Из-за такой необычной ситуации нетрудно понять, почему жители Юры хотят сформировать отдельный кантон. Такое решение кажется (стороннему наблюдателю) вполне соответствующим швейцарской схеме взаимных гарантий.

¹⁴ Даже доходы от государственного налога на радиоприемники и телевизоры распределяются телерадиовещательным компаниям этих общественных группировок, имеющим свои собственные теле- и радиостудии, штат сотрудников и, конечно, программы.

если жители страны считают полиархию эффективно справляющейся с основными проблемами страны в том виде, в каком эти проблемы сформулированы населением или хотя бы политиками.

Если год за годом требования «решений» главных проблем к правительству остаются неудовлетворенными, доверие скорее всего уступит место разочарованию и презрению, особенно когда проблема включает в себя обширное и острое ухудшение положения среди значительной части населения — гиперинфляцию, широкомасштабную безработицу, крайнюю нищету, серьезную дискриминацию, существенные недостатки в системе образования и т.п.

Это условие не является исключительным для полиархии и даже стран со значительным уровнем субкультурного плюрализма, весьма вероятно, что это общее требование для всех режимов и, безусловно, всех полиархий. Однако следует подчеркнуть, что иногда это условие может оказываться несовместимым с первыми двумя. Дело в том, что политическая система, базирующаяся на принципах единогласия и праве вето для меньшинства или через сменяющие друг друга коалиции, хотя и гарантирует, что коалиция большинства никогда не будет выступать враждебно по отношению к любому из своих субкультурных меньшинств, может оказаться идеальным рецептом для недостатка мобильности в работе правительства. В этой системе основные проблемы, в том виде, как они определяются политиками, остаются нерешенными, потому что на каждое из возможных решений накладывает вето определенное меньшинство, чьи лидеры считают, что это решение угрожает его интересам. Хотя, как показывает опыт Швейцарии и Нидерландов, недостаток мобильности не является врожденным, он становится серьезным изъяном в некоторых системах подобного рода¹⁵.

¹⁵ По поводу Ливана см. замечания Хадсона: *Hudson M. The Precarious Republic: Political Modernization in Lebanon*. N.Y.:

Таким образом, системы с заметным субкультурным плюрализмом иногда могут столкнуться с печальным и даже трагическим выбором: а) полиархия, обеспечивающая взаимные гарантии для своих меньшинств, но не способная реагировать на потребности в решении крупных проблем достаточно эффективно, чтобы сохранить доверие людей; б) гегемония, которая пытается удовлетворить эти проблемы через принуждение в случае необходимости членов одной или нескольких субкультур или если субкультуры являются региональными; в) разделение на различные страны. Только последний вариант может позволить полиархии уцелеть среди несогласного меньшинства. Таким образом, ценой полиархии может оказаться распад страны, а ценой территориального единства — гегемонистский режим.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Один из многих вопросов, на который политологи пока не дали удовлетворительного ответа, можно сформулировать следующим образом. В какой мере политические институты являются лишь конечным результатом всех факторов, которые обсуждались выше? Или же они сами в какой-то степени представляют собой независимый фактор? Хотя на протяжении целого поколения политические институты интерпретировались как простые эпифеномены, сейчас этот упрощенческий период в политической науке, вероятно, подходит к концу. Как бы то ни было, для анализа проблемы эффективности правительства в конкурентных режимах, по моему мнению, следует уделить некоторое внимание политическим инсти-

Random House, 1968. P. 11–12, 87–88, 328–331; Crow R.E. Religious Sectarianism in the Lebanese Political System // *Journal of Politics*. 1962. No. 24. P. 489–520. По поводу общего аргумента см.: *Lorwin V.R. Segmented Pluralism*. P. 16.

тутам, хотя я намерен полностью обойти гигантскую проблему «объяснения» того, как страны с конкурентными системами пришли к своим конкретным схемам функционирования правительства.

В полиархиях два вида институциональных механизмов имеют важные последствия для эффективности деятельности правительства. Один из них касается отношений между исполнительной властью и другими крупными политическими силами в стране, в том числе взаимоотношений между исполнительной и законодательной властью, которые часто служат источником серьезных проблем в конкурентных режимах. По-видимому, все конкурентные режимы XIX столетия, которым удалось сохраниться в качестве полиархий в XX в., создали у себя мощную исполнительную власть, обладающую обширными возможностями для действий. Все страны, включая Францию, отказались от классической модели парламентского правления. Де-факто или де-юре ответственность за координацию политики и установление приоритетов вместе с большей частью ответственности за нововведения сместилась в сторону исполнительной власти во всем мире.

Другим важным институтом является партийная система. Оправданная, хотя и несколько смутная гипотеза состоит в том, что издержки терпимого отношения снижаются в тех странах, где партийные системы в большей степени способствуют интеграции и действию, чем фрагментации и политическому параличу. Хотя это утверждение необычайно трудно операционализировать, представляется очевидным, что высокофрагментированная многопартийная система («крайний» или «поляризованный плюрализм», по Сартори) может приводить к образованию неустойчивых или слабых коалиций, которые не в состоянии справиться с главными проблемами и поэтому начинают преувеличивать в глазах общественности и даже политических элит партийные или игровые аспекты

политической жизни. Это в свою очередь может стимулировать потерю доверия к представительной демократии и утрату готовности мириться с политическими конфликтами¹⁰.

Около трети современных полиархий решают проблему фрагментации партий с помощью тех или иных двухпартийных систем. Значительному числу полиархий среди оставшихся двух третей удастся избежать крайней фрагментации с помощью:

- о партийной системы с двумя крупными, доминирующими партиями и одной или несколькими мелкими партиями, как в Федеративной Республике Германия;

- о партийной системы с одной доминирующей правительственной партией, которая получает около 50% голосов избирателей и мест в парламенте, и оппозицией, расколотовой на три или более партии, как в Индии, Японии и Скандинавских странах;

- о особой коалиции из двух главных партий, как в Австрии до недавнего времени и Западной Германии с 1966 по 1969 г.;

- о системы с высоким консенсусом, ориентированной на единогласие, как в Швейцарии, где все основные партии входят в исполнительную власть.

Странам, которые решаются на эксперимент с конкурентной политикой, не всегда удастся предотвратить фрагментацию партийной системы. В любой стране, где конкурентная политика сопровождается наличием крайне раздробленной партийной системы (что в парламентской системе скорее всего приведет к слабой исполнительной власти), существуют достаточно высокие шансы на сдвиг в сторону гегемонистского режима. В последнее десятилетие почти полиархические режимы в Греции и Аргентине потерпели частичную неудачу благодаря партийной фрагментации, которая способ-

¹⁰ Некоторые данные и аргументы в поддержку этой интерпретации см.: Dennis J., Lindberg L., McCrone D., Stiefbold R. Political Socialization to Democratic Orientations in Four Western Systems // Comparative Political Studies. 1968. No. 1. P. 71-101.

Полиархия: участие и оппозиция

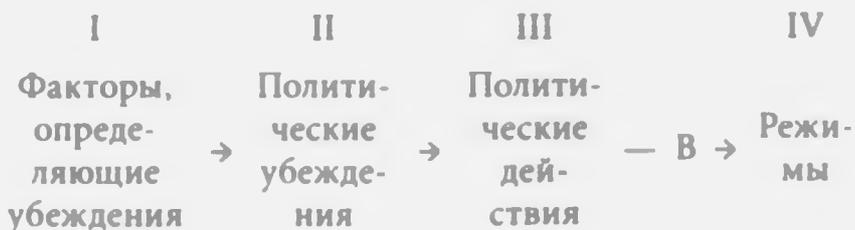
ствовала возникновению режима, неспособного эффективно решать проблемы страны и не сумевшего завоевать или сохранить доверие достаточной части населения, чтобы предотвратить переворот с установлением диктатуры. Во Франции, классической родине парламентского правления, Четвертая республика потерпела крах из-за своей неспособности решить мучительную проблему Алжира.

VIII. Убеждения политических активистов

Поскольку описанные в предыдущих главах факторы ведут страну к гегемонистскому режиму или публичному соперничеству и полиархии, их действие должно проявляться через убеждения людей, особенно тех из них, которые наиболее активно участвуют в политической жизни. Убеждения политических активистов можно рассматривать как ключевой этап сложных процессов, в ходе которых историческая последовательность или субкультурные расколы преобразовываются в поддержку того или иного вида режима.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Рассматриваемые в этой главе отношения можно представить следующим образом: простая стрелка «объясняет» или «обуславливает» отношение, а стрелка — В → показывает «влияние на вероятность возникновения»:

Итак, в какой степени убеждения (II) определяют политические действия (III) людей в стране и тем самым влияют на шансы появления режима определенного типа (IV) с той или иной степенью гегемонии, публичного соперничества и полиархии? Поскольку убеждения влияют на режимы, хотелось бы также знать, какие факторы определяют сами убеждения (I).

Эта парадигма неидеальна, но она поможет нам получить ответ на эти вопросы.

Для начала нужно пояснить, что я собираюсь использовать термин «убеждения» в широком смысле, без различий между «убеждениями» и «знаниями». Под «знаниями» мы обычно подразумеваем те убеждения, которые нам кажутся обоснованными или даже бесспорными. Большинство из нас готово назвать убеждения физика о его предмете его «знаниями» в области физики, но многие из нас были бы более-менее благосклонны к его политическим убеждениям. В политике «знание» одного человека часто оказывается сомнением другого.

Насколько мне известно, ни один здравомыслящий человек не будет отрицать важности убеждений для действия. Убеждения руководят действиями, не только влияя на более отдаленные цели и ценности человека или воплощая их — например, спасение души, обеспеченность в старости или независимость своей страны, но и формируя наши предположения о реальности, характере прошлого и настоящего, наши ожидания в отношении будущего, наше понимание, для чего и почему нужно совершить определенные действия, короче говоря — наши «знания».

Трудно переоценить важность чисто когнитивной составляющей для наших убеждений, будь то представления о политике или о чем-то другом. Так, знание правил игры обладает не только нормативным, но и когнитивным значением, как обнаруживают многие иностранцы, приехав в США и впервые увидев игру в бейсбол. Иностранцу может быть все равно, «хороши» правила бейсбола или нет, и нужно ли их соблюдать, но поскольку он не знает, в чем заключаются эти правила, он совершенно не может понять, что происходит перед его глазами. Американец, наблюдающий за игрой в крикет, также находится в полном недоумении. В политике все происходит так же, как в бейсболе или крикете: то, во что мы верим, влияет не только на

VIII. УБЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТИВИСТОВ

то, что мы хотим увидеть свершившимся, но и на то, что, по нашему мнению, на самом деле происходит. Марксизм со своим особым вниманием к «сущему», а не «должному», возможно, и представляет собой крайний случай, но послужит нам хорошей иллюстрацией. Хотя труды Маркса, бесспорно, имеют нравственный посыл и притягательность, их явное содержание носит почти исключительно когнитивный, а не этический характер. Для марксиста работы Маркса объясняют, что произошло, что происходит и что будет происходить, и лишь косвенным образом указывают на то, чему следовало бы произойти.

Также кажется очевидным, что убеждения отдельных людей влияют на коллективные действия и, следовательно, на структуру и функционирование институтов и систем. Трудно представить, что полиархия могла бы существовать, если бы большинство политически активного слоя страны было убеждено в большей целесообразности гегемонистского режима, который можно было бы установить через поддержку антидемократических лидеров и организаций. При гегемонистском режиме вполне вероятно, что по крайней мере его лидеры должны отдавать предпочтение гегемонии перед любым другим альтернативным вариантом политической системы.

Как показывают эти примеры, важна также структура распространения различных убеждений среди жителей страны. Вероятно, полиархия потребует гораздо более широкого распространения убеждения в общей целесообразности системы, чем это нужно для поддержания гегемонистского режима. Если верно, что во всех системах разные люди оказывают разное влияние на политические результаты, важно знать, какие люди придерживаются каких убеждений. Никто не станет спорить, что убеждения Ленина, а затем и Сталина оказали гораздо более сильное влияние на события в России в этом столетии, чем, скажем, убеждения двух случайно выбранных русских крестьян.

Деятельность институтов власти в США с 1787 г. в гораздо большей степени определяется убеждениями 55 участников Конституционного конвента 1787 г., чем убеждениями 55 рядовых граждан Филадельфии того же года. Я понимаю, что мое предположение рискует возобновить старый спор о роли личности в истории. Я не хотел бы здесь касаться этого вопроса, но надеюсь, что большинство читателей согласится с моим предположением. В этой главе я собираюсь рассмотреть убеждения людей, наиболее активно участвующих в политической деятельности, таких как политические активисты, воинствующие сторонники определенной политической линии, и особенно тех, кто обладает самой сильной явной или неявной, реальной или потенциальной властью — лидеров или потенциальных лидеров. Такое внимание означает не то, что убеждения менее влиятельных слоев населения не имеют никакого значения, но лишь то, что убеждения политически наиболее активного и заинтересованного слоя можно более аргументированно использовать в качестве важного объясняющего фактора.

Мои доводы подкрепляются данными по ряду других аспектов политических убеждений. В каждой стране чем более зачаточны и неорганизованны политические убеждения человека, тем менее определены у него отношения между убеждением и действием, если эти отношения вообще имеются. Можно представить некоторый гипотетический пример человека, чья система убеждений содержит основные аргументы Милля о свободе. Весьма вероятно, что такой человек будет выступать против режима, угрожающего цензурой прессы или запрещением политических партий. Другой человек, чьи убеждения содержат основные аргументы «Манифеста Коммунистической партии», вероятно, будет поддерживать попытки рабочих организаций противостоять буржуазной партии или режиму. Но очень трудно предсказать, какой режим, движение или партию будет поддерживать или отвергать человек, чье политическое кредо можно сформу-

VIII. Убеждения политических активистов

ликовать как «плохие времена, и такие люди, как я, в этой стране испытывают трудности»¹.

По-видимому, большинство людей обладает зачаточными политическими убеждениями, и лишь немногочисленные меньшинства придерживаются богатых и сложных систем политических убеждений. Хотя это утверждение верно для всех стран, есть основания считать, что чем ниже средний уровень школьного образования в стране, тем менее многочисленным будет меньшинство со сложными политическими убеждениями. В целом вероятность наличия сложного комплекса взаимосвязанных представлений о политике увеличивается с повышением уровня образования человека, а также при наличии активной заинтересованности и участия в политике. Кажется очевидным, что у лидеров и активистов чисто когнитивный компонент — знание различных аспектов политической жизни, в том числе правил игры — должен быть развит лучше, чем у политически индифферентных граждан страны².

Таким образом, есть основания считать, что активисты и лидеры чаще, чем большинство других людей:

1) имеют сравнительно сложные системы политических убеждений;

2) руководствуются политическими убеждениями в своих действиях;

3) оказывают серьезное влияние на политические события, включая события, воздействующие на стабильность или трансформацию режимов.

В связи с этим возникает несколько вопросов.

Во-первых, какие убеждения среди активистов оказывают решающее влияние на публичное соперничество и полиархию?

Во-вторых, откуда берутся эти убеждения?

¹ *Converse P.E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // Apter D.E. (ed.) Ideology and Discontent. N.Y.: The Free Press of Glencoe, 1964. P. 213 ff.*

² *Ibid. P. 218 ff.*

В-третьих, можно ли найти настолько полное объяснение причин возникновения политических убеждений, чтобы они стали рассматриваться лишь как промежуточные переменные? Или, перефразируя вопрос, полезно ли рассматривать политические убеждения активистов как независимый объяснительный фактор, сопоставимый по значимости с факторами, описанными в предыдущих главах?

НЕКОТОРЫЕ ВАЖНЕЙШИЕ УБЕЖДЕНИЯ

К величайшему сожалению, пока никто не в состоянии удовлетворительно ответить на эти вопросы. Конечно, можно что-то сказать о различиях людей в разных странах в зависимости от своей привязанности к определенным убеждениям, т.е. о различиях во второй фазе (II) парадигмы из начала главы. Но достаточные данные о различиях в убеждениях людей в разных странах (как и внутри отдельных стран¹⁾ по-прежнему имеются лишь для нескольких стран, большинство из которых, как и следовало ожидать, являются полиархиями. Имеются лишь очень скудные данные об убеждениях в гегемонистских режимах, и часто в качестве заменителя мы используем косвенные данные из Италии или Германии, предполагая, что может оказаться полезным опыт жизни итальянцев при фашизме или немцев при нацизме.

Из-за небольшого числа изученных стран и особого внимания к полиархиям в настоящее время невозможно убедительно доказать, что различия в убеждениях

¹ Поскольку все жители страны редко придерживаются одинаковых убеждений, нам нужно обращать внимание на «значимые» вариации или на различия в «типах модальностей». Концептуальные и методологические проблемы аналогичны проблемам, возникающим при изучении «модальной личности» в определенной стране или культуре. Ср.: *Inkeles A., Levinson D.J. National Character: The Study of Modal Personality and Sociocultural System // Lindzey G., Aronson E. (eds) The Handbook of Social Psychology. 2nd ed. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1969. P. 418-506.*

(в фазе II) оказывают значимое влияние на шансы возникновения полиархии или гегемонии (в фазе IV). Проблема усугубляется трудностью определения промежуточных отношений с поведением (в фазе III).

Строго говоря, утверждения о влиянии убеждений на характер режима следует рассматривать в качестве гипотезы, которую пока невозможно проверить с помощью достоверных данных, и тем не менее возможная роль убеждений слишком велика, чтобы ее можно было просто проигнорировать. Имеются веские основания полагать, что некоторые убеждения могут оказывать реальное влияние на шансы появления гегемонии или полиархии. Поскольку данные слишком фрагментарны, я просто предложу вниманию читателей несколько иллюстраций.

Легитимность полиархии

Начнем с трех утверждений.

Во-первых, чем больше жители той или иной страны верят в легитимность институтов полиархии, тем больше шансов на возникновение этого типа режима в стране.

Хотя это утверждение может показаться почти очевидным и не требующим дальнейшего обсуждения, необходимо сделать ряд замечаний. Вера в институты полиархии означает по меньшей мере веру в легитимность публичного соперничества и права на участие. На практике эти два аспекта полиархии ведут себя несколько независимо друг от друга не только в историческом плане, как я уже указывал в первой главе, но и когда рассматриваются в качестве убеждений. Во время реформы британского парламента 1832 г. многие виги и либералы словом и делом подтвердили свою веру в легитимность институтов публичного соперничества, сложившихся в Великобритании за более чем вековую историю. Несмотря на то что правовая база для некоторых форм соперничества была менее четко

определенной, чем сегодня, например свобода прессы в критике правительства, на практике границы были достаточно широкими, и большинство вигов и либералов поддерживало эти де-факто свободы. Наиболее резко отличала вигов и либералов от радикалов приверженность радикалов очень широкому, даже всеобщему избирательному праву. Вероятно, большинство вигов и либералов в 1830 г. считало, что реформа избирательной системы и так зашла достаточно далеко, но при этом она оставила без права участия в голосовании около шести из семи взрослых мужчин, и такую степень изоляции радикалы считали неприемлемой. Не будет преувеличением сказать, что в 1830-х гг. большинство вигов и многие либералы не верили в легитимность полиархии, но были твердо убеждены в легитимности системы, которую я назвал бы конкурентной олигархией.

Можно также верить в легитимность открытости, но не в систему публичного соперничества. Диктатура Перона в Аргентине пыталась сделать то, что было не под силу ни одному из предшествующих режимов, — включить рабочие слои в экономическую, социальную и политическую жизнь Аргентины. Как ни парадоксально это может показаться, во время диктатуры Перона в Аргентине были проведены единственные достаточно честные и свободные выборы с 1930 г. с широким участием избирателей, результаты которых не были отменены военными. Это не значит, что Перон верил в полиархию или поддерживал ее, во время его правления оппозиция все более активно подавлялась. Но перонизм символизировал и символизирует до сих пор полное включение рабочих слоев в политическую систему. И хотя это стремление может узаконить существование диктатуры, оно отрицает легитимность любой системы, исключаяющей или дискриминирующей рабочие слои или их представителей.

Как и в случае других убеждений, взгляды активистов и лидеров, вероятно, будут иметь большее зна-

VIII. Убеждения политических активистов

чение, чем взгляды других людей. Но иногда можно воодушевить даже те слои населения, которые не проявляют активность или исключены из политического процесса, и их убеждения также имеют свое значение. Как и в случае других убеждений, сложность и богатство представлений о легитимности полиархии безусловно возрастают с повышением уровня образования, интереса к политике и вовлеченности. Даже в устойчивых полиархиях вряд ли стоит ожидать, что маленькие дети будут верить в «демократию», ведь для большинства четырехлетних детей это слово и стоящее за ним понятие не имеют никакого смысла. Но по нашим данным в США, Италии и Германии к моменту окончания школы подавляющее большинство молодых людей согласно с утверждением, что «демократия является самой лучшей формой правления». Это убеждение уже содержит конкретные детали, молодые люди начинают узнавать и кое-что о содержании этого принципа. Так, значительная часть американских детей в начальных классах считает, что политические конфликты приносят больше вреда, чем пользы, но лишь незначительное меньшинство учеников старших классов выражает то же самое мнение. Многим американским детям соперничество между политическими партиями на первый взгляд кажется ненужным, нежелательным или просто непонятным, но по мере взросления дети приобретают убежденность в целесообразности конкурирующих партий. Представление о том, что люди должны иметь возможность выступать с речами «против любого правительства», является незнакомым и чуждым для маленьких детей, но многие дети более старшего возраста научились принимать его⁴.

Благодаря нашим знаниям о политических убеждениях утверждение, что многие люди владеют тща-

⁴ Dennis J., Lindberg L., McCrone D., Stiefbold R. Political Socialization to Democratic Orientations in Four Western Systems // Comparative Political Studies. 1968. No. 1. P. 78, 86, 89.

тельно разработанной теорией демократии, было бы слишком большим преувеличением даже для такой страны, как США, где демократическая идеология является доминирующей системой убеждений в течение многих поколений. Поскребите среднего демократа, и вы найдете последователя Локка, Руссо, Джефферсона или даже Линкольна. Тем не менее понятие о легитимности полиархии или убеждение, что «демократия является самой лучшей формой правления», не пребывает в полной изоляции. Любая вера обычно связана с другими воззрениями, и можно выдвинуть разумную гипотезу, поддерживаемую определенными доказательствами, как мы увидим чуть дальше, что люди более склонны верить в легитимность полиархии, если при этом они придерживаются и некоторых других убеждений. Но прежде чем перейти к рассмотрению этих убеждений, сделаем еще два утверждения.

о Страны значительно различаются между собой в зависимости от степени убежденности активистов (и других людей) в легитимности полиархии.

о Эти различия в некоторой степени независимы от социально-экономических особенностей страны: две страны с очень большими сходствами в социально-экономической сфере могут существенно различаться по степени убежденности активистов (и других людей) в легитимности полиархии.

*Аргентина: такой ли уж отклоняющийся случай?*⁵
Чтобы проиллюстрировать мои утверждения и осо-

⁵ Аргументы и данные для этого раздела взяты из следующих источников: O'Donnell G. «Political Oppositions in Argentina», Floria C.A. «El Comportamiento de la Oposicion en la Argentina», Botana N.R. «Las Crisis de Legitimidad en Argentina y el Desarrollo de los Partidos Politicos», Grondona M. «Algunas observaciones sobre la evolución reciente del sistema político argentino», Braun R. «La representatividad de los partidos políticos y la interpretación del interes publico por parte de las fuerzas armadas: un dilema argentino» (все доклады представлены на Primer Encuentro International de Ciencia Politica, Буэнос-Айрес, август 1969 г.), Floria C.A. «Una Explicación Política de la Argentina», CIAS, Revista Mensual del Centro de Investigación

бенно подкрепить последнее из них, поучительно сопоставить Аргентину, например, со Швецией. Внешне политическое развитие в Аргентине в конце XIX в. следовало по пути к полиархии, который не слишком отличался от пути Швеции, Великобритании и ряда других стабильных полиархий. Необходимо отметить, что ранняя история Аргентины не слишком похожа на историю Швеции. За несколько десятилетий в Аргентине произошли события, на которые в Швеции ушли столетия: десятилетие революции и борьбы за независимость 1810–1820 гг., десятилетие того, что Джермани назвал «анархией», «каудилизмом», «гражданскими войнами», после чего последовали два десятилетия объединяющей автократии⁶. Но в течение последующих 80 лет Аргентина обладала всеми внешними признаками развивающейся полиархии, действуя в соответствии с Конституцией 1853 г. (как это официально продолжается и по сей день). Хотя избирательное право было ограничено немногочисленным меньшинством, право участвовать в выборах в Аргентине было не более ограниченным, чем в Великобритании до парламентской реформы 1867 г. или Швеции или Нидерландах вплоть до конца XIX в. К концу XIX в. в политической жизни Аргентины стало проявляться

у *Acción Social* 16 (ноябрь 1967 г.), Grondona M. «La Argentina en el Tiempo y en El Mundo» (Buenos Aires: Editorial Primera Plana, 1967), Germani G. «Politica y Sociedad en una Epoca de Transicion» (Buenos Aires: Paidos, n.d.), Canton D. «Military Interventions in Argentina, 1900–1966» (доклад на конференции рабочей группы по вооруженным силам и обществу Международной социологической ассоциации. Лондон, сентябрь 1967 г.), Canton D. «Universal Suffrage as an Agent of Mobilization» (доклад на IV Всемирном конгрессе по социологии, Эвиан, Франция, сентябрь 1966 г.); Rowe J.W. «The Argentine Elections of 1963» (Washington, D.C.: Institute for the Comparative Study of Political Systems, n.d.).

⁶ Germani G. *Politica y Sociedad*. P. 196; *Idem*. *Hacia una Democracia de Masas* // Di Tella T.S. et al. *Argentina, Sociedad de Masas*. Buenos Aires: Editorial Universitaria de Buenos Aires, 1965. P. 211.

влияние быстро растущего среднего класса. Как мощные избирательные силы возникли организованные партии, особенно радикалы, которые, выступая в качестве представителей среднего класса, настойчиво требовали для себя места в системе. В 1911 г., приблизительно в то же время, что и Швеция и за несколько лет до этого Нидерланды, Аргентина гарантировала всеобщее избирательное право для мужчин. В результате количество избирателей резко выросло: с 21% всех граждан мужского пола старше 18 лет в 1910 г. до 69% в 1912 г. Хотя в следующем десятилетии явка на выборы несколько снизилась, она все же была примерно сопоставимой с явкой в США и ненамного меньшей, чем в Швеции в 1920-х гг. Кроме того, в 1928 г. явка на выборы вновь выросла до 81%, а в 1930 г. составила 75%. Таким образом, с точки зрения участия избирателей Аргентина также была сопоставимой с рядом других полиархий. Более того, с победой кандидата в президенты от радикальной партии в 1916 г. Аргентина смогла совершить опасный, хотя и ненасильственный переход от конкурентной олигархии к полиархии на основе всеобщего избирательного права.

Другие факторы также благоприятствовали созданию полиархии. В соответствии с критериями, которые так часто используются сегодня для прогнозирования «стабильной демократии», Аргентина предоставляла реальные основания для оптимизма. Ее население обладало высоким уровнем урбанизации, низким уровнем грамотности, широко распространенной системой образования, страна была умеренно преуспевающей (вероятно, с самым высоким ВВП на душу населения в Латинской Америке), с многочисленным средним классом. По всем этим пунктам Аргентина обладала по крайней мере такими же высокими показателями, как три страны, где судьба полиархии оказалась более продолжительной: Коста-Рика, Чили и Уругвай. Для объяснения нам не слишком поможет и «бог из

машины» демократической теории — землевладение в Аргентине было достаточно концентрированным, но, вероятно, менее концентрированным, чем в Чили и Коста-Рике, и, несомненно, менее концентрированным, чем в Австралии.

Как и в большинстве других стран, начавшаяся в 1929 г. Великая депрессия создала серьезные проблемы для Аргентины, но от экономического кризиса пострадали и другие полиархии. Тем не менее даже странам, серьезно зависевшим от международной торговли, вроде Швеции, и таким активным экспортерам сельскохозяйственной продукции, как Австралия и Новая Зеландия, в ответ на кризис удалось принять меры, которые сохранили, восстановили и даже повысили веру граждан в эффективность своих правительств. В Аргентине все произошло по-другому. Хотя аристократия при правительстве радикалов практически не утратила своих привилегий, партии аристократов постоянно теряли голоса и представителей. В конце 1920-х гг. консерваторы начали все чаще нападать на институты полиархии в Аргентине — всеобщее избирательное право, политические партии, палаты депутатов, президентскую неэффективность и персонализм. Затем пришел экономический кризис, и военный переворот завершил аргентинский эксперимент с полиархией. По сути, с 1930 г. полиархия так и не смогла восстановиться.

Непонятно, почему полиархия провалилась в Аргентине, но не в Швеции, Австралии или Новой Зеландии и даже не в Коста-Рике или, если принять во внимание весь период, не в Чили или Уругвае. Я не знаю ни одного полностью удовлетворительного объяснения провала полиархии в Аргентине. Очевидно одно — невозможно объяснить различия в режимах только на основе традиционных факторов: уровня социально-экономического развития, урбанизации, образования, численности среднего класса, доходов на душу населения и т.д. Хотя исчерпывающее объясне-

ние наверняка окажется очень сложным, один из важнейших факторов проявляется с поразительной ясностью: аргентинцы никогда не смогли достичь стойкой убежденности в легитимности институтов полиархии. Соответственно, когда режим столкнулся с серьезными трудностями, он был с легкостью уничтожен диктатурами, которые вначале поддерживались первыми консервативными элитами, так называемой олигархией, а затем, при Перроне, рабочими слоями, т.е. теми группами населения, ни одна из которых не имела глубокого убеждения в легитимности полиархии.

Как известно каждому специалисту по истории Аргентины, несмотря на внешнее сходство, развитие аргентинской полиархии в 1851–1930 гг. не соответствовало стандартной западноевропейской модели. Хотя представленное чуть выше описание и правдиво, оно вводит в заблуждение, игнорируя два взаимосвязанных фактора, оказавших глубочайшее влияние на неспособность полиархии в Аргентине приобрести легитимность: 1) на протяжении всего времени, пока аристократы находились у власти, они открыто отвергали выборы как законное основание для получения полномочий на управление страной и 2) значительная часть населения оставалась изолированной и отчужденной от политической системы. Таким образом, когда Аргентина проходила свой путь от конкурентной олигархии к полиархии, ей не удалось достичь того, что достигли некоторые европейские страны во время своего перехода: ни аргентинская элита, ни средние слои населения, ни рабочий класс не смогли обрести веру в легитимность полиархии.

1. Аристократии совершенно не удалось развить и передать веру в легитимность некоторых центральных институтов полиархии. Хотя трудно проанализировать отдаленные по времени факторы⁷, ясно

⁷ Как производные испанской традиции. Флория упоминает «массовое неуважение к закону», практику «касикизма», поощрявшую организованное беззаконие «под лозунгом "за

одно: своим собственным поведением аристократы приучили аргентинцев к тому, что результаты выборов не являются обязательными для проигравших или потенциальных проигравших. Тем самым аристократия отвергла легитимность центрального института полиархии. В течение длительного периода, казалось бы, «конституционного» правительства с 1860-х гг. по избирательную реформу 1911 г. аристократы регулярно и публично пренебрегали конституционными и правовыми требованиями всеобщего избирательного права. В соответствии с законом и конституцией «выборы были всеобщими, только для мужчин, без каких-либо цензов в отношении грамотности, богатства, собственности и т.д.»⁸. Аристократы не без оснований полагали, что если эти требования когда-либо будут выполнены, их собственные руководящие позиции будут ослаблены или уничтожены. Как и в Испании в то же самое время (а также с аналогичными последствиями), выборы повсеместно проводились с массовыми фальсификациями и насилием. Аристократы не только исключили широкие массы населения из участия в политической жизни, они даже не захотели урегулировать конфликты между собой через систему выборов. Все различия между собой (например, ту степень, в которой Буэнос-Айрес должен был доминировать над провинциями) они рассматривали как конфликт «с нулевой суммой» и со слишком серьезными последствиями, чтобы позволить определять их через обычные выборы.

Таким образом, с самого начала «конституционного» режима лидеры страны отвергли выборы как легитимный способ смены правительства, с практической

друзей, даже когда они не правы, и против врагов, даже когда они правы»⁹, и практику применения силы в отсутствие законных средств. Флория также упоминает либеральную традицию XIX в., при которой «презрение к простым людям совмещалось с верой в демократию». *Floria C.A. El Comportamiento*. P. 6.

⁸ *Canton D. Universal Suffrage*. P. 4.

точки зрения они не смогли представить альтернативу революции.

Конечно, в других странах, где полиархия позднее приобрела значительную степень легитимности, для победы на выборах аристократы также прибегали к нарушению закона, коррупции и даже насилию. Выборы в Англии в XVIII в. вряд ли можно назвать образцом справедливости. Но Аргентина отличалась от Англии, во-первых, чрезвычайным размахом и распространенностью фальсификаций и насилия, не слишком отличавшихся от печально знаменитых выборов в Испании в XIX в., когда исход голосования объявлялся заранее⁹. Во-вторых, как и в Испании, аристократы могли подорвать легитимность любого режима, основанного на выборах, открыто попирая саму конституцию и законы, которые должны были придавать легитимность их режиму. Наконец, в отличие от Великобритании в Аргентине не было переходного периода между правлением аристократии и введением полного избирательного права, когда политические слои постепенно признали бы легитимность честных выборов. Аристократы преподали всем следующий урок: если не удастся добиться успеха на выборах, проигравшие не обязаны признавать результаты.

Именно эту систему унаследовали средний и рабочий классы, когда их наконец допустили к участию к предвыборной борьбе в результате реформы 1911 г. Эта реформа была произведена под давлением со стороны радикалов (которое включало неудачные восстания 1893 и 1905 гг.) и, по сути, заставила воплотить в жизнь уже существующее конституционное положение о всеобщем мужском избирательном праве, обеспечила тайное голосование, а также создала избирательные суды с федеральными судьями для надзора над выборами. Но полиархия зиждется на хрупкой основе в стране, где отмена результатов выборов проигравшей стороной с помощью силы являлась

⁹ Brennan G. *The Spanish Labyrinth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1962. P. 5.

нормой. А именно такой страной и была Аргентина. Краткий промежуток без диктатуры с 1955 по 1966 г. наглядно продемонстрировал, что с 1930 г. немного изменилось. В 1962 г., когда перонистам было разрешено выдвигать кандидатов в конгресс и на должность губернаторов некоторых провинций, они получили самую большую часть голосов. Из-за этого президент Фрондизи аннулировал выборы; и даже несмотря на это решение, он был арестован и смещен со своего поста антиперонистскими военными силами, недовольными результатами выборов и опасавшимися повторения перонизма. Когда в 1963 г. для замены Фрондизи были назначены выборы президента, кандидаты от перонистов были запрещены. Однако когда в 1966 г. стало ясно, что перонисты могут победить на предстоящих губернаторских выборах и получить много мест, военные не стали ждать, чтобы отменить результаты выборов, и взяли власть в свои руки при очень широкой поддержке аристократов и среднего класса, опасавшихся возвращения к перонизму и уставших от системы разрозненных партий. Новая диктатура генерала Онгани постаралась покончить с пороками системы, запретив все политические партии и выборы и управляя на основе чрезвычайных полномочий.

2. Аристократы открыто презирали избирательный процесс и исключили из политики основную часть населения. Люди, изолированные и отчужденные от политической системы, вряд ли были готовы грудью встать на ее защиту, чтобы не допустить военного переворота. Но изоляцию и отчуждение значительно усиливал и еще один фактор: огромное число неграждан, с психологической и юридической точек зрения остававшихся вне избирательного процесса. Уровень иммиграции в Аргентину значительно превышал аналогичный показатель для США¹⁰. Но если в США почти всеобщее избирательное право и конкуренция между партиями обеспечивали быстрое превращение

¹⁰ Germani G. *Politica y Sociedad*. P. 247, 265.

иммигрантов в граждан, готовых идти на выборы, в Аргентине желание иммигрантов получить гражданство сдерживал целый ряд факторов, а также тот факт, что до 1911 г. даже если иммигрант становился гражданином, он по-прежнему был исключен из политики. Поскольку большинство иммигрантов не становилось гражданами, большая часть населения оставалась юридически и психологически за пределами аргентинской полиархии. В 1914 г. почти треть населения Аргентины была представлена иностранцами; в Буэнос-Айресе, который доминировал в политической жизни страны, иностранцами была половина жителей. Среди взрослого населения доля иностранцев была еще более высокой: 72% в Буэнос-Айресе, 51% — в пяти наиболее густо населенных провинциях и 20% — в других местах. Среди взрослых мужчин (которые как граждане имели бы право голоса) процент иностранцев был еще выше: вероятно, четверо из пяти взрослых мужчин в Буэнос-Айресе были негражданами и тем самым автоматически исключались из участия в политической жизни страны. При этом основная часть иммигрантов была непропорционально представлена рабочим классом. Таким образом, крупный пролетариат Аргентины и даже ее значительный средний класс не обладали особой привязанностью к аргентинской политической системе.

Окончательным результатом политического развития в Аргентине стала лишь поверхностная убежденность элит, а вероятно, и населения в целом в легитимности институтов полиархии, в особенности в обязательном характере выборов. Например, ключевые группы населения обладали слишком слабой верой в свободные выборы, чтобы страна регулярно проводила выборы и следовала их результатам. Очень показателен опрос, проведенный в Буэнос-Айресе в марте 1966 г. незадолго до захвата власти военными (табл. 8.1). Важно иметь в виду, что перонисты могли выиграть треть или более голосов: таким образом, запрет на их участие означал запрет иметь своих собственных кандидатов для самой крупной группы избирателей в Аргентине.

VIII. УБЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТИВИСТОВ

И тем не менее почти пятая часть Буэнос-Айреса сочла это решение справедливым, почти еще столько же людей не выразили своего несогласия с этим предложением. Интересна, хотя и не удивительна связь вопроса о запрещении перонистов с классовой принадлежностью. Из табл. 8.1 видно, что идею о запрете кандидатов от перонистов более всего поддерживали высшие слои, где оппозиция перонизму проявлялась самым активным образом. Наименьшая поддержка этой идеи исходила от низших слоев, где перонизм обладал наибольшей популярностью. Только половина респондентов из более образованной группы выступила против запрета, и именно этот сегмент вскоре окажет поддержку военному перевороту. Тот факт, что против запрета выступили наименее образованные слои населения, вряд ли можно понять как выражение приверженности свободным выборам с их стороны; было бы любопытно узнать, сколько людей поддержали бы полный запрет на выборы любого рода при режиме Перона.

Таблица 8.1

Количество респондентов, ответивших на вопрос: «Считаете ли вы правильным или неправильным, если правительство запретит перонистам участвовать в будущих выборах?», %

	Это неправильно	Это правильно	Не знаю, без ответа
В зависимости от уровня образования	64	19	17
Неграмотные или с начальным образованием	65	16	19
Среднее образование	63	24	13
Академическое образование	50	35	15
N = 1004			

Источник: Encuestas Gallup de la Argentina. 1966. March. Polls 2. 1967. (Spring). P. 22.

Таким образом, несколько циничным, но не слишком большим преувеличением была бы следующая формулировка основной нормы аргентинской политики: я верю в выборы до тех пор, пока могу быть уверен, что мои оппоненты не победят.

Власть

Ряд авторов подчеркивает важность убеждений или установок относительно власти¹¹. В теории, которая развивается уже в течение некоторого времени, Экстайн придает важнейшее значение преобладающим в стране властным структурам. Он выдвигает предположение, что демократия бывает более стабильной, когда властные структуры в правительстве «конгруэнтны» властным структурам других учреждений и объединений в стране¹². Предположительно «конгруэнтные» властные структуры также будут благоприятствовать дальнейшему существованию гегемонистских режимов.

Вполне вероятно, что представления о природе властных отношений между правительством и находящимися под его управлением людьми будут иметь важнейшее значение для возникновения режимов различного рода. Можно выразить эту мысль в более простой форме: если большинство жителей страны считает, что единственно правильное отношение людей к своему правительству — это отношение полной иерархии, правителей и подданных, приказов и подчинения, то шансы на появление гегемонистского режима в этой стране будут очень высоки. При таких взглядах публичное соперничество вряд ли будет возможным. Может быть верным и следующее понимание теории Экстайна: людям трудно примирить между собой явно

¹¹ Inkens A., Levinson J.D. National Character. P. 448 ff.

¹² Eckstein H. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. Princeton: Princeton University Press, 1966. app. B (1961) и в других местах этой работы.

различающиеся представления о власти, и человеку бывает очень тяжело, когда ему приходится верить в действенность гегемонистской власти в одном отношении и демократической власти — в другом. Для ограниченной проверки своей теории Экстайн выбрал Норвегию и пришел к выводу, что необыкновенный успех норвежцев в решении своих конфликтов и расколов обусловлен тем, что почти все они верят в демократические властные отношения (и придерживаются их).

Поскольку демократические нормы пронизывают всю жизнь норвежцев — в семье, школах, в экономических и дружеских сообществах, группах давления и партиях, местных и национальных органах управления — не стоит удивляться тому, что они считают демократические нормы естественными и правильными, своим общим «образом жизни», а не только формой, дающей определенные преимущества в управлении государством¹³.

Норвегия может представлять собой один из полюсов. Однако полиархия может согласовываться с целым рядом различных представлений о власти¹⁴. Более того, поскольку полиархия подразумевает открытый конфликт между организациями и их способность находить и принимать компромиссные решения, можно утверждать, что значительная степень иерархически структурированной власти в организациях могла бы способствовать подобному сочетанию конфликта и примирения. Лейпхарт подчеркивает явную тенденцию голландцев «к послушанию и лояльности независимо от конкретных обстоятельств». Без этого качества мощные и организованные расколы в Нидерландах давно бы уничтожили полиархию в стране¹⁵. Даже демократичные норвежцы описыва-

¹³ *Eckstein H. Division and Cohesion in Democracy. P. 173.*

¹⁴ *Ibid. P. 189.*

¹⁵ *Lijphart A. The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1968. P. 144.* Также см. замечания в: *Daalder H. The Netherlands: Opposition in a Segmented Society*

ются Экстайном как проявляющие особое уважение к «специализированной функциональной компетентности», что заставляет их «чрезвычайно высоко ценить мнение экспертов и специалистов»¹⁶. Еще со времени Бейджхота считается, что англичане особенно почтительны к «стоящим выше по социальной лестнице» и государственной власти¹⁷. Также считается, что американцы проявляют гораздо меньше почтения к правительству и социальным элитам, чем англичане¹⁸, и меньше уважения к профессиональной компетентности, чем норвежцы.

Тем не менее весьма маловероятно, что полиархия будет соответствовать любым представлениям о власти. Некоторые крайние убеждения в гораздо большей степени благоприятствуют гегемонии. Для примера можно рассмотреть воззрения правящей племенной группы амхара в Эфиопии. По словам Левина,

комплекс верований, символов и ценностей, связанных с властью, является ключевым компонентом политической культуры амхара. Тема власти как блага проявляется на протяжении всей амхарской культуры: власть необходима для благосостояния общества, она достойна неослабного уважения, поклонения и хвалы... Послушание является главной задачей в процессе социализации амхарских детей... Постоянный семейный опыт воспитания послушания соответствует другим аспектам амхарской культуры... Глава рода, местный вождь, богатый землевладелец,

Окончание см. 15

// Dahl R.A. (ed.) *Political Oppositions in Western Democracies*. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 197.

¹⁶ Ibid. P. 166.

¹⁷ Ibid. P. 156, 183. См. также: *Rose R. Politics in England*. Boston: Little, Brown, 1964. P. 38-41.

¹⁸ Некоторые интересные, хотя и фрагментарные, данные о тенденции английских детей воспринимать мир более иерархическим, чем американские дети, содержатся в: *Greenstein F.I., Tarrow S. An Approach to the Study of Comparative Political Socialization: the Use of a Semi-Projective Technique* (доклад на заседании Американской политологической ассоциации, сентябрь 1969 г.).

VIII. Убеждения политических активистов

высокопоставленный духовный деятель или политик, военный офицер — все они воспринимаются как некоторый образ фигуры отца и служат объектами сходного отношения с точки зрения подобающего им поклонения и ожидаемых благ... Все эти ощущения реализуются в наиболее полной форме и в самом крупном масштабе в отношении самой высшей фигуры власти — императора. Занимающее этот пост лицо принимает самые крайние формы поклонения. Обычное дело, когда в присутствии императора эфиопские подданные падали ниц, не поднимая глаз.

Подобные взгляды едва ли будут благоприятствовать публичному соперничеству.

Амхарская культура запрещает прямую и честную публичную критику любой властной структуры. Во властных отношениях (а следует еще раз подчеркнуть, что все политическое взаимодействие между амхарцами производится в плоскости властных взаимоотношений) возможны лишь три альтернативы: полное уважение, покорность и лесть, изощренная и скрытая критика или открытое восстание.

При таких обстоятельствах неудивительно, что идеи в пользу институтов полиархии падают на совершенно бесплодную почву.

Несмотря на наличие людей, получивших образование на Западе, которые уже более 60 лет пропагандируют принцип парламентского представительства в Эфиопии, эта мысль идет настолько вразрез с авторитарным характером амхарской политической культуры, что избирательные процедуры просто не могут восприниматься всерьез¹⁹.

Эффективность

Как я предположил в предыдущей главе, еще один ряд важных убеждений связан с ожиданиями в отно-

¹⁹ Levine D.N. Ethiopia: Identity, Authority, and Realism // Pye L.W., Verba S. (eds) Political Culture and Political Development. Princeton: Princeton University Press, 1965. P. 250–251, 253.

шении эффективности различных режимов при решении серьезных проблем²⁰. Поскольку речь прежде всего идет об убеждениях наиболее активной части политических деятелей, существование «проблемы» и ее «серьезность» зависят только от восприятия значительной части активистов и лидеров. (Естественно, что способ определения «серьезности» проблемы в другом контексте может не дать удовлетворительного результата.)

Ожидания относительно эффективности правительства могут представлять собой более или менее фиксированный элемент в политической культуре страны: одним из элементов социализации детей может быть представление об общей эффективности или хронической неэффективности правительства. Таким образом, к восьмому классу школы высокая доля белых американцев приобретает убеждение (или по крайней мере приобретала до недавнего времени), что их правительство действует эффективно. В одном крупном исследовании только 2% учащихся восьмого класса считали, что американское правительство очень часто допускает ошибки, и почти 60% думали, что правительство ошибается редко или почти никогда. Почти три четверти учащихся считают, что правительство «знает больше, чем кто бы то ни было» или «знает больше, чем большинство людей»²¹. Учитывая огромное воздействие этого процесса социализации, неудивительно, что в ходе опроса Алмонда и Вербы, производившегося в пяти странах, в ответ на вопрос: «В целом, что в этой стране вызывает у вас особенную гордость» — 85% американцев упомянули свои

²⁰ Ср.: *Lipset S.M. Political Man. Garden City: Double-day, 1960. P. 78.*

²¹ *Easton D., Dennis J. Children in the Political System: Origins of Political Legitimacy. N.Y.: McGraw-Hill, 1969. P. 133. Также см.: Easton D., Dennis J. The Child's Image of Government // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1965. Vol. 361. Tab. 6. P. 54.*

VIII. Убеждения политических активистов

правительственные и политические институты. Американцы не только гораздо чаще упоминали свое чувство гордости за политические институты, чем другие аспекты своей страны, но процент американцев значительно превысил аналогичный показатель в других странах²². Политические активисты в США гораздо охотнее остальных выражали гордость американскими политическими институтами²³.

Хотя я не смог найти сопоставимых данных по ожиданиям, связанным с эффективностью правительства, для других стран, вряд ли можно сомневаться, что в некоторых странах значительная часть населения, в том числе активистов, не обладает особой уверенностью в способностях своего правительства эффективно справляться с проблемами страны²⁴. И если аме-

²² Опрос показал следующие данные, %: США — 85; Великобритания — 46; Германия — 7; Италия — 3; Мексика — 30. Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture*. Boston: Little, Brown, 1965. Tab. III.1. P. 64.

²³ Даже с контролируемой системой образования американские респонденты с высоким или средним уровнем «субъективной компетентности» выражали свою гордость политическими институтами гораздо чаще, чем респонденты с низким уровнем «субъективной компетентности». Ibid. Tab. VIII.4. P. 199. «Субъективная компетентность» в свою очередь сильно связана с политической активностью и участием. Ср.: Tab. VI.2. P. 144; Tab. VIII.1. P. 189; Tab. VIII.2. P. 193; и ch. X, *passim*.

²⁴ Например, в ходе проведенного в 1964–1965 гг. опроса «167 членов иранской политической элиты, выявленных через двухэтапный репутационный анализ», на вопрос: «В целом, считаете ли вы, что иранская политическая система действует очень хорошо, не слишком хорошо или плохо?» ответы респондентов были следующими, %: очень хорошо — 15,6; достаточно хорошо — 31,7; не слишком хорошо — 26,3; плохо — 15,0; не знаю и т.п. — 11,4. См.: Zonis M. *Political Elites and Political Cynicism in Iran // Comparative Political Studies*. 1968. No. 1. P. 363.

Опрос, проведенный DOXA в Италии в 1967 г., показал следующие ответы на вопрос: «По вашему мнению, какова ситуация в Италии с точки зрения эффективности государственного управления (министерства, государственные чиновники и т.д.)?», %: очень хорошая — 2; достаточно хоро-

риканских детей учат верить в эффективность своего правительства, в некоторых странах детей учат верить в обратное²⁵.

Но даже если представления об эффективности правительства часто приобретаются в результате ранней социализации, это не значит, что они должны оставаться неизменными. Может меняться реальная эффективность работы правительства или эти перемены могут быть воспринимаемыми. Скептицизм деревенских жителей Италии, Франции или Индии коренится в вековом опыте взаимодействия со своими правительствами. Однако по мере улучшения работы правительства жители деревень на юге Франции или в Индии также меняются, люди начинают верить, что правительство не обязательно должно быть лишь неумелой или злой силой, что оно может помочь в решении их проблем²⁶. Позитивные ожидания, подобные ожиданиям американцев, также могут меняться из-за негативных результатов работы правительства. Учи-

Окончание см. 24

шая — 19; ни хорошая, ни плохая — 22; довольно плохая — 26; очень плохая — 8; не знаю — 22.

По сравнению с другими странами эффективность государственного управления оценивалась как «лучше, чем в других странах» 16% респондентов, хуже — 34; 49% затруднились с ответом. Похожие ответы были даны и на вопрос о честности и преданности своему делу итальянских государственных деятелей. Polls. 1968. Vol. 3. No. 4. P. 62: 13, 15, 18.

²⁵ В деревне в Провансе, которую изучал Уайли, дети «постоянно слышали упоминания взрослых о правительстве как об источнике зла, а о людях, входящих в правительство, как об орудиях зла. В этих убеждениях не было ничего личного, они не касались какого-то определенного правительства, состоящего из определенной группы людей. Они касались любого правительства во все времена». Wylie L. Village in the Vaucluse. N.Y.: Harper and Row, 1964. P. 208.

²⁶ Это могло случиться в деревне, которую изучал Уайли. См. его замечания в «Peugane Ten Years Later» (P. 364-365). См. также изменения, зафиксированные Уайзер в деревне Каримпур в Индии: Wiser W., Wiser C. Behind Mud Walls, 1930-1960. Berkeley: University of California Press, 1963. P. 224.

тывая упоминаемую выше невероятную веру молодых американцев в свое правительство, вряд ли стоит удивляться, когда многие молодые люди утрачивают веру в «систему» и становятся отчужденными, циничными или радикальными, сталкиваясь с неудачами правительства в решении важнейших расовых проблем, проблем нищеты или войн.

Неспособность правительства к решению проблем представляет еще большую опасность в случае неопределенных или поверхностных представлений об эффективности правительства, как это часто бывает при новых режимах. Так, неспособность недавно возникших полиархий в Италии, Германии и Испании эффективно справиться с ощутимыми проблемами и даже поддержать общественный порядок вызвала сомнения в эффективности полиархии и стимулировала переход к диктатуре. Личные свидетельства, собранные Абелем в Германии в 1934 г., в достаточной мере доказывают, что оппозиция республике после 1929 г. «подкреплялась убеждением, что растущее число и тяжесть проблем, стоящих перед немецкой нацией, были главным образом обусловлены неэффективностью правительства»²⁷.

Представления об эффективности правительства могут зависеть не только от его реальной деятельности, но и от воспринимаемых успехов или неудач других правительств древности или современности. Философы, публицисты, пропагандисты, идеологи и многие другие пользуются примером других правительств, чтобы убедить своих сограждан в относительной эффективности режимов различного типа. В качестве стандартного режима Макиавелли и Руссо, как и многие более поздние авторы, использовали Рим периода Республики. Монтескье избрал своей моделью Великобританию и тем самым повлиял на американцев. Как в Англии в XVIII в. и США в XIX в., на

²⁷ Abel T. The Nazi Movement. N.Y.: Atherton Press, 1966 [1938]. P. 121.

восприятие относительной эффективности различных режимов в XX в., особенно в среде интеллигенции, повлияла различная результативность целого ряда режимов. В 1930-е гг. успехи диктатур в Италии, Германии и СССР конкурировали с достижениями «среднего пути» в Швеции и «Нового курса» в США. В Латинской Америке важное воздействие оказывали авторитарные модели: революционно-институционная партия в Мексике, Перон в Аргентине, Кастро на Кубе, а в последнее время реформистская военная хунта в Перу.

Данные свидетельствуют, что представления об эффективности правительства испытывают сильное влияние как политической социализации, так и восприятия различных режимов с точки зрения их состоятельности.

Представления об эффективности правительства могут усиливать, ослаблять или менять преобладающие представления о его авторитете²⁸. Если правительство воспринимается как эффективное, его успехи скорее всего будут повышать его авторитет и престиж. Верно и обратное, если правительство обманывает ожидания людей (рис. 8.1).

²⁸ Хотя формулировка Экстайна и отличается от нашей, она не противоречит ей. Экстайн выдвигает гипотезу, что «конгруэнтность между властными структурами [правительства] и властными структурами других социальных единиц общества» является необходимым, но недостаточным условием «высокой результативности правительства». В формулировке Экстайна результативность правительства является более широким понятием, чем используемая здесь концепция эффективности; она включает не только итоговую производительность и предотвращение противоречий, которые в первом приближении были бы эквивалентными для нашей концепции эффективности, но также долгосрочность, легитимность и «глубину проникновения», которая определяется как «способность политического режима извлекать ресурсы из различных сегментов своего социального пространства и доносить до них свои указания». См.: *Eckstein H. Authority Relations and Governmental Performance: A Theoretical Framework // Comparative Political Studies. 1962. No. 2. P. 283-287.*

VIII. УБЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТИВИСТОВ

Рис. 8.1

Поскольку все правительства время от времени испытывают неудачи, социализация обеспечивает «запас» надежных ожиданий, который выступает в качестве резерва в неблагоприятные периоды. У новых режимов эти запасы низки или их нет вообще, у старых режимов запасы скорее всего будут достаточно высокими с учетом значительных прежних достижений. В Италии с 1919 по 1923 г., в Веймарской Германии и в республиканской Испании у новых полиархий почти не было резервных запасов для использования, тогда как полиархиям Великобритании и США запас веры в способность правительства решать имеющиеся проблемы помог пережить кризис массовой безработицы 1930-х гг.²⁹

²⁹ Хотя это и предположение, оно очень хорошо согласуется с данными. Я не могу найти более ранние данные опросов, чем опрос Fortune Poll, проведенный в США в марте 1940 г. В это время около 15% рабочей силы, или более 8 млн человек, оставались безработными. Был задан вопрос:

Какое из следующих утверждений в наибольшей степени представляет ваше мнение об американской форме правления: (1) Наша форма правления, основанная на Конституции, практически совершенна, и в ней не должно производиться никаких важных изменений. (2) Конституция хорошо послужила своей цели, но она отстала от жизни и должна быть полностью пересмотрена, чтобы соответствовать сегодняшним реалиям. (3) Происходит слом систем частного капитализма и демократии, и можно согласиться с тем, что рано или поздно мы должны будем принять новую форму правления.

Доверие

Еще один элемент системы убеждений, которому нужно уделить внимание, это «в какой степени члены политической системы доверяют своим соратникам по политической деятельности и полагаются на них»³⁰. Так, Лапаломбара подчеркивает важность недостатка доверия в итальянской политической культуре, для которой характерна «общая атмосфера страха, подозрительности, недоверия и враждебности». «Я вынужден утверждать, — пишет он, — что на основании имеющихся в моем распоряжении данных итальянцы, по сути, следуют позиции Гоббса. История страны показывает, что когда положение становится совершенно невыносимым, итальянцы также обращаются к гоббсовскому решению касательно правительства. Тот факт, что правительство Республики остается относительно невредимым... [не означает], что Республика может простоять еще много лет на своем культурно неопределенном и проблематичном основании»³¹.

Окончание см. 29

Вспоминая об этом сегодня, может показаться невероятным, но даже малоимущие респонденты предпочли первый ответ и решительно отвергли третий.

	Утверждение № 1, %	Утверждение № 2, %	Утверждение № 3, %	Не знаю, %
Всего по стране	64,2	19,2	5,2	11,4
Состоятельные	79,9	14,2	2,4	3,5
Высший средний класс	71,4	19,8	3,7	5,1
Низший средний класс	64,1	20,5	5,2	10,2
Малоимущие	58,4	18,6	7,6	15,4

См.: *Cantril H., Strunk M. Public Opinion, 1935-1946. Princeton: Princeton University Press, 1951. P. 980.*

³⁰ *Verba S. Conclusion: Comparative Political Culture // Pye L.W., Verba S. (eds) Political Culture. P. 535.*

³¹ *LaPalombara J. Italy: Fragmentation, Isolation, and Alienation. Ibid. P. 290, 297.*

Левин также обратил внимание на высокий уровень недоверия среди амхарцев в Эфиопии.

Образ общей человеческой природы у амхарцев характеризуется такими свойствами, как врожденная агрессивность человека и его ненадежность... Понятие о том, что люди не заслуживают доверия, связано с представлением о глубокой скрытой враждебности человека³².

Можно выделить по меньшей мере три аспекта, в которых взаимное доверие способствует полиархии и публичному соперничеству, а крайнее недоверие благоприятствует гегемонии. Во-первых, полиархия требует двусторонней или взаимной коммуникации, а двусторонняя коммуникация затруднена между людьми, которые не доверяют друг другу. Так, Алмонд и Верба выявили гораздо более высокий уровень доверия у своих американских и британских респондентов по сравнению с респондентами из Германии и Италии. Вполне вероятно, что авторитарные режимы в Германии и Италии в значительной степени свели на нет взаимное доверие; из цитированного выше комментария Лапаломбары следует, что относительно низкий уровень взаимного доверия также мог способствовать трансформации полиархии в гегемонию. Во всяком случае, согласно опросу Алмонда и Вербы, процент респондентов, сообщивших, что они не чувствуют себя достаточно свободно для обсуждения политических вопросов с кем бы то ни было, был значительно выше в Германии (32%) и Италии (34%), чем в Великобритании (12%) и США (18%)³³.

Во-вторых, определенный уровень взаимного доверия необходим для того, чтобы люди могли свободно объединяться ради достижения своих целей.

³² Ethiopia. P. 257–258.

³³ Pye L. W., Verba S. The Civic Culture. Tab. III.8. P. 83. Ответы по поводу доверия и недоверия см. в Tab. IX.2. P. 213. Как и во многих других таблицах, данные по Мексике не поддаются бесспорной интерпретации. Так, доля мексиканских респондентов, которые не были готовы обсуждать политические вопросы, 21% — лишь чуть выше, чем в США.

На основе взаимного недоверия могут существовать организации (хотя и необязательно эффективно), базирующиеся на системе приказов с нисходящей властной вертикалью, а организации, основанные на взаимном влиянии, трудно создавать и поддерживать в атмосфере недоверия. Левин утверждает, что крайнее недоверие, преобладающее среди жителей Эфиопии, помогает объяснить «отсутствие организаций по формулированию и объединению интересов в Эфиопии». Это отсутствие, как указывает ученый,

является результатом не только авторитарного характера режима, который поддерживается традиционным отношением амхарцев к власти. Недоверие отражает трудности жителей страны в проведении любых согласованных действий, особенно в политической сфере. Здесь вновь амхарская концепция человеческой природы представляет собой фактор, имеющий более чем научный интерес. Взаимное недоверие и недостаток сотрудничества, влияющие на политический климат в стране, напрямую связаны с очень невысоким мнением амхарцев о способностях человека к солидарности и согласию... Мысль, что господствующую атмосферу тревожности и подозрительности можно преодолеть через взаимное доверие... находит свое место в умах людей очень медленно и проявляется крайне редко⁴.

Наконец, перед людьми, которые перестают доверять друг другу, возникает угроза конфликтов. Публичное соперничество требует доверия к своим противникам: они противники, но не заклятые враги. «Политическая культура, — пишет о Великобритании Ричард Роуз, — пронизана чувством доверия... На правительственном уровне важно иметь доверие между коллегами и оппонентами по партии, поскольку доверие гарантирует всем, что конкретная группа, находящаяся у власти, не воспользуется в своих интересах отсутствием конституционных ограничений власти правительства. Попытка сделать это будет нарушени-

⁴ Ethiopia. P. 277-288.

ем не закона, но доверия, а политические лидеры дорожат своей репутацией надежного человека»³⁵.

Кооперация

Доверие очевидным образом связано со способностями людей легко и свободно участвовать в совместных действиях³⁶. Как и доверие, представления о возможности и целесообразности кооперации или сотрудничества сильно различаются. Как считает Левин, есть веские основания полагать, что неспособность к кооперации снижает шансы на возникновение полиархии.

Участниками сотрудничества или конфликтов не обязательно должны быть отдельные люди, ими могут быть и объединения — фракции, партии, социальные классы, регионы и т.п. Мы будем рассматривать представления людей о перспективах сотрудничества или конфликтов между значимыми игроками в политической жизни, будь то отдельные люди, организации или другие участники. Имея это в виду, полезно охарактеризовать три различных способа, с помощью которых можно рассматривать сотрудничество и конфликты

³⁵ *Rose R. Politics in England. P. 43.* Поуз также пишет: «Свидетельством наличия такой глубины доверия служит существование на протяжении столетий стабильной правительственной системы без письменной конституции». См.: *Rose R. England, The Traditionally Modern Political Culture // Pye L.W., Verba S. (eds) Political Culture. P. 96.*

³⁶ Это продемонстрировали некоторые социальные психологи. Так, опрос студентов университетов показал, что респонденты, получившие высокие баллы по доверию к людям, были более склонны считать, что международные конфликты можно уменьшить или разрешить с помощью сотрудничества и взаимопонимания. Студенты с низкими баллами проявляли большую склонность к мнению, что единственным способом разрешения международных проблем служит принуждение, сила и власть. См.: *Rosenberg M. Misanthropy and Attitudes Toward International Affairs // Journal of Conflict Resolution. 1957. Vol. 1. No. 4. P. 340.*

между значимыми участниками политического процесса. Одна из крайних точек зрения представляет отношения между субъектами в виде сугубо конкурентной игры (игры с нулевой суммой), основное правило которой таково: то, что вы приобретаете, я проигрываю, и то, что я проигрываю, вы приобретаете. Поскольку при сотрудничестве мы можем потерять все и ничего не приобрести, самой лучшей стратегией для игрока становится жесткая конкуренция: недопущение компромиссов или сотрудничества, стремление одержать полную победу по каждому вопросу. Согласно Лапаломбаре именно так итальянцы склонны рассматривать политику.

Типичные итальянцы считают, что выборы представляют собой соревнование между взаимно и принципиально враждующими группами: между «нами» и «врагами». Предполагается, что победители будут использовать и эксплуатировать проигравших. Многие воспринимают выборы как битву не на жизнь, а на смерть между противоположными и непримиримыми образами жизни³⁷.

Политические активисты двух господствующих партий сильнее придерживаются этого мнения, чем менее вовлеченные в политику люди. Недавнее исследование активистов коммунистической и христианско-демократической партии показывает, что преобладающее большинство членов обеих партий, подобно древним манихеям, воспринимает мир как дихотомический конфликт между силами добра и зла, причем, естественно, добро представлено их собственной партией, а зло — другой³⁸.

³⁷ Italy. P. 290-291.

³⁸ Alberoni F., Capocchi V., Manoukian A., Olivetti F., Tosi A. *L'attivista di partito*. Bologna: Il Mulino, 1967. P. 381-387. 108 активистов христианско-демократической (ХД) и коммунистической (КП) партии классифицировались следующим образом в зависимости от их «картины окружающего мира»:

VIII. Убеждения политических активистов

Другая крайняя точка зрения рассматривает отношения между субъектами исключительно как отношения сотрудничества. Основное правило в этом случае можно сформулировать так: между нами не только не существует никакого конфликта, но наши интересы совпадают или настолько взаимосвязаны, что мы можем выиграть или проиграть только вместе. Поэтому лучшая стратегия — полное сотрудничество и отказ от любых конфликтов.

Уэйнер высказывает предположение, что подобные взгляды являются важным элементом в системе убеждений индийской элиты.

По причинам, глубоко скрытым в психологии индийцев, партийные лидеры Индии, интеллектуалы и чиновники воспринимают конфликты в обществе как, по сути, нежелательное явление. Если понятия конкуренции и конфликта имеют важнейшее значение для американской политической жизни и мысли, центральное значение для индийской мысли имеют понятия сотрудничества, гармонии и, пользуясь любимым индийским словом, «синтеза». Это не означает, что сотрудничество в Индии обладает более тесным характером, а конфликтов в Индии бывает меньше, чем в США, но лишь то, что в целом американцы легче адаптируются к конфликтным ситуациям, а индийская элита обычно находит такие ситуации недопустимыми.

...Индийские исторические сочинения подчеркивают сплоченность и единство, царившие в прошлом, и сводят к минимуму конфликты и борьбу за власть. Индийская интеллигенция представляет себе деревню до британ-

	ХД	КП	Всего
Абсолютно дихотомическая	3	17	20
Преимущественно дихотомическая	14	21	35
Воспринимает реальность как борьбу или битву принципов, но обладает более артикулированным восприятием возможных альтернатив	28	14	42
Дихотомическое восприятие полностью отсутствует	9	2	11
Всего	54	54	108

ской колонизации как гармоничное социальное и политическое образование. Современные исторические труды, посвященные борьбе за независимость, проявляют тенденцию смягчать имевшиеся крупные внутренние разногласия.

По мнению большинства руководителей страны, необходимо прилагать все усилия для устранения конфликтов в сельских районах Индии. Прогресс в деревне невозможен без духа гармонии и сотрудничества. Аналогично необходимо свести к минимуму или ликвидировать конфликт на всех уровнях общества, поскольку только единство страны позволяет ей двигаться вперед¹⁹.

С третьей точки зрения отношения конкуренции и сотрудничества могут сосуществовать. Конфликт, конкуренция и сотрудничество рассматриваются как нормальные аспекты социальных отношений, которые благоприятствуют здоровому, энергичному, прогрессивному обществу. С этой точки зрения сотрудничество может обеспечить существенные преимущества, но поскольку люди не могут быть согласны друг с другом абсолютно во всем, неизбежно будут возникать и конфликты. Конфликт также не является обязательно отрицательным явлением сам по себе, часто он представляет собой часть более широкого процесса, в результате которого выигрывают все участники конфликта. Важная стратегия в случае конфликта заключается в поиске взаимовыгодных решений. Компромисс — это вовсе не предательство принципа, а позитивный выбор, и дух компромисса крайне необходим.

Вера в достоинства и возможности конкурентно-сотруднических отношений исключительно важна для английской либеральной мысли. Она составила основу революционного представления Адама Смита о благотворных результатах конкуренции и классической защиты пользы свободного выражения противоположных мнений Джона Милля.

¹⁹ Weiner M. India: Two Political Cultures // Pye L.W., Verba S. (eds) Political Culture. P. 235–236.

VIII. УБЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТИВИСТОВ

Какие последствия будут иметь эти убеждения для гегемонии и полиархии? Было бы удивительно, если бы первая точка зрения не создавала серьезные препятствия для сотрудничества между различными субъектами, и это было доказано экспериментами по социальной психологии⁴⁰. Именно такую ситуацию

⁴⁰ Одна из хорошо известных игр, которая используется в экспериментах, называется «Дилемма заключенного». В нее играют два человека с четырьмя возможными результатами: 1) лучшая альтернатива для игрока А является худшей для игрока Б; 2) лучшая альтернатива для игрока Б является худшей для игрока А; 3) самая худшая альтернатива для обоих игроков; 4) удовлетворительная альтернатива, лучшая для каждого игрока по сравнению с худшей, но несколько менее удовлетворительная, чем лучшая альтернатива для каждого игрока. Для примера:

		Игрок Б выбирает альтернативу	
		х	у
Игрок А выбирает альтернативу	р	(4) А выигрывает 9 долл. Б выигрывает 9 долл.	(1) А проигрывает 10 долл. Б выигрывает 10 долл.
	q	(2) А проигрывает 10 долл. Б выигрывает 10 долл.	(3) А проигрывает 9 долл. Б проигрывает 9 долл.

Общение между игроками запрещено. Очевидно, что если игрок А доверяет игроку Б и старается сотрудничать, выбирая р, Б может предать его, выбрав у, как в случае (1). Если оба из них не доверяют друг другу и отказываются сотрудничать, оба проигрывают, как в случае (3). Оба могут избежать проигрыша и выиграть, как в случае (4), только если доверяют друг другу и пытаются сотрудничать.

В одном из экспериментов с подобной игрой Мортон Дойч обнаружил, что игроки, которым посоветовали действовать так, как если бы благополучие оппонента было так же важно, как и его собственное, и которым также сказали, что их оппонент получил те же инструкции, с большей вероятностью готовы были принять риск, связанный с доверием своему оппоненту, и идти на сотрудничество в целях достижения общего результата (4), даже несмотря на отсутствие общения и личного знакомства со своим оппонентом. Когда каждому игроку сказали, что он должен стремиться получить

наблюдают многие исследователи в итальянской политике. Лапаломбара приходит к выводу, что

одним из последствий... на организационном уровне участия является крайняя поляризация симпатий, что отчасти отражается в распространенности политических партий... Фрагментация, возникающая из взаимной подозрительности и вражды, наглядно проявляется при взгляде на вторичные ассоциации в Италии. В сфере организованного труда [профсоюзные организации]... воспроизводят и активизируют те напряженные переживания, которыми характеризуются отношения между политическими партиями... не важно, говорим ли мы о сельскохозяйственных организациях, профессиональных объединениях, спортивных клубах, молодежных группах, женских федерациях, студенческих союзах, фактически обо всем спектре добровольных объединений, — скорее всего они окажутся поделенными по крайней мере на коммунистическую, социалистическую, католическую и фашистскую фракции⁴¹.

Если строго конкурентная точка зрения препятствует возникновению необходимой для полиархии степени сотрудничества и доверия, то противоположная точка зрения, а именно что все отношения являются или должны быть строго сотрудническими, также создает свои трудности для нормального функ-

Окончание см. 40

для себя максимальную выгоду и показать результат лучше, чем у другого, игроки обычно заканчивали игру с самым худшим результатом (3). См.: *Deutsch M. Trust and Suspicion // Journal of Conflict Resolution. 1958. Vol. 2. No. 4. P. 265.* В более позднем эксперименте Скоделя, когда 22 парам игроков сказали, что они должны выиграть как можно больше за 50 попыток, начали сотрудничать лишь 2 из 22 пар, и сотрудничество не становилось более активным по мере продолжения игры. По данным экспериментов, тот факт, что многие игроки воспринимали игру как соревнование, помешал им дать своему оппоненту шанс на победу через установление отношений сотрудничества. См.: *Scodel A. et al. Some Descriptive Aspects of Two-Person, Non-Zero-Sum games // Journal of Conflict Resolution. 1959. Vol. 3. No. 2. P. 114.*

⁴¹ Italy. P. 291–293.

VIII. Убеждения политических активистов

ционирования полиархии, поскольку подрывает легитимность ее некоторых ключевых институтов, в частности политических партий. Политические партии обязаны участвовать в конфликтах, они могут даже обострять конфликт. Но если политический конфликт воспринимается как неискупленное зло, то, конечно, злом являются и конкурирующие политические партии. Именно такой бывает публичная идеология во многих государствах под управлением гегемонистских режимов. В коммунистических странах некоторые аспекты мысли Карла Маркса позволили создать логическую и убедительную основу, на которой Ленин и его преемники воздвигли теоретическое и практическое обоснование для подавления всех партий, кроме единственной правящей партии⁴².

Даже среди тех, кто твердо верит в демократию, убежденность в необходимости тесного сотрудничества и восприятие конфликта как принципиальное зло могут подорвать легитимность политических партий. С учетом убеждений о сотрудничестве и конфликте в индийской культуре неудивительно, что целый ряд индийских интеллектуалов, особенно испытавших духовное влияние Ганди, выступает за беспартийную демократию. Наиболее известным представителем этой точки зрения является Джаяпракаш Нараян, «решительный сторонник того, что он называет "коммунитарным" обществом, в котором будет устранена партийная политика, а всенародные выборы будут заменены системой непрямых выборов от сельского совета до национального парламента».

За последние несколько лет [работа Майрона Уэйнера относится к 1965 г.] Джаяпракаш и многие его сторонники распространили свою критику парламентской демократии во многих районах Индии. По утверждениям Джаяпракаша, парламентская демократия со своей системой политических партий активизировала конфликт на всех уровнях индийского общества, разделила индийскую деревню, усилила напряженность между кастами и религиозными

⁴² Ср.: *Dahl R.A. Marxism and Free Parties // Journal of Politics. 1948. Vol. 10. No. 4. P. 787-813.*

общинами и заставила мужчин стремиться к власти ради ее самой. Джаяпракаш страстно верит в возможности увеличения полномочий местного самоуправления (и решительно выступает за это) без одновременного усиления местных конфликтов, если политические партии добровольно откажутся от участия в жизни деревни...

Даже те, кто отвергает предложения Джаяпракаша как утопические, готовы согласиться с его критикой парламентской системы и его основным предположением, что гармония является необходимым условием для национального развития... Несколько вариантов этого взгляда... нашли поддержку среди некоторых представителей интеллигенции и национальных лидеров. Сторонники одного из них... считают, что на смену нынешней системе партийного правительства должно прийти «национальное» правительство, которое будет состоять из всех политических партий Индии. На аргумент, что... внешний политический конфликт будет перенесен внутрь правительства, выдвигается возражение, что в «национальном» правительстве все политические партии вынуждены будут отказаться от своих политических амбиций ради служения общей цели национального единства и национального развития⁴³.

Очевидно, было бы неправильно назвать такие взгляды антидемократическими, но столь же очевидно, что убеждения подобного рода враждебны полиархии. Не исключено, что эти убеждения, если они воплотятся в жизнь, могут создать более демократичную систему, чем полиархия (хотя я считаю это маловероятным), но в то же время они ослабляют легитимность полиархии.

Конечно, некоторые индийцы могут придерживаться обеих точек зрения: из-за сегодняшнего состояния дел они воспринимают политику как исключительно конкурентное явление и тем не менее искренне желают, чтобы политики начали сотрудничать между собой. Многие итальянцы могут иметь сходные чувства — об этом можно судить по тому факту, что 30 из 54 активистов христианско-демократической партии воспринимают общество как столкновение сил.

⁴³ India. P. 236–237.

VIII. Убеждения политических активистов

которые в идеале могли бы гармонично работать вместе⁴⁴. Интересной особенностью ленинизма является сочетание этих обеих точек зрения: яростная конкуренция, игра с нулевой суммой между буржуазией и пролетариатом, представляет самый главный принцип политики в буржуазном обществе, но как только пролетарская революция ликвидирует классы, политика должна стать исключительно сотруднической. Неудивительно, что подавляющее большинство активистов Коммунистической партии Италии воспринимает социальную реальность как столкновение между «противоборствующими группами и интересами как классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, как противостояние между капиталом и трудом»⁴⁵. Это еще более любопытно, поскольку многие из них, особенно догматически и воинственно настроенные старые партийцы, разделяют веру Ленина в то, что успешная пролетарская революция приведет к возникновению общества, управляемого через гармоничное сотрудничество, в котором конкурирующие партии станут совершенно излишними.

Если крайние убеждения о жесткой конкуренции или о сотрудничестве создают неблагоприятные условия для полиархии, круг совместимых с полиархией представлений о сотрудничестве и конфликтах может быть достаточно широким. Для нормального функционирования полиархии и публичного соперничества требуется и сотрудничество, и конфликты в таких наглядных и зримых институтах, как выборы, партии и парламенты. Поэтому можно ожидать, что полиархии благоприятствуют убеждения, в которых подчеркивается возможность и желательность как конфликта, так и сотрудничества, особенно когда политический конфликт рассматривается как составная часть более высокого уровня сотрудничества, который одновременно включает и ограничивает его.

⁴⁴ *Alberoni F. et al. L'attivista di partito. P. 356.*

⁴⁵ *Ibid. P. 347.*

Мне не знакомы сравнительные данные по разным странам, имеющие прямое отношение к этому вопросу, но можно использовать и отдельные показатели по отношению к компромиссу, поскольку компромисс в широком смысле этого слова является нормальным и желательным следствием конфликтов, ограниченных сотрудничеством. Хотя данных и не очень много, они позволяют предположить существование значительных различий между представлениями о компромиссе в разных странах. Конечно, в некоторых странах с длительной и прочной традицией полиархии и публичного соперничества компромисс пользуется почетом на словах и на деле. Например, «компромисс традиционно считается шведским политическим методом, и несомненно, что слово "компромисс" будет звучать привлекательно для шведских избирателей»⁴⁶. Или, например, Нидерланды:

голландская политика является примиренческой, и в этом секрет ее успеха. Термин «примиренческая» употребляется здесь в смысле урегулирования противоречивых вопросов и конфликтов, обладающих минимальным консенсусом⁴⁷.

Голландцы, и особенно голландские лидеры, считают существование «идеологических различий реальностью, которую невозможно и не нужно менять». Это налагает на лидеров требование поиска (а на остальных людей — требование принятия) компромиссов, которые могут быть согласованы со всеми блоками⁴⁸.

⁴⁶ *Stjernquist N. Sweden: Stability or Deadlock? // Dahl R.A. (ed.) Political Oppositions in Western Democracies. P. 139.* Следует отметить, что хорошо известная работа о Швеции Дэнкварта Растоу озаглавлена «Швеция, политика компромисса» (*Rustow D.A. The Politics of Compromise. Princeton: Princeton University Press, 1955*). По мнению Растоу, «в Швеции более чем где бы то ни было техника компромисса стала неотъемлемым компонентом в искусстве предложения условий, на которых люди могут жить вместе. Многие выдающиеся политики... стали подлинными мастерами этой техники» (p. 230–231).

⁴⁷ *Lijphart A. The Politics of Accommodation. P. 103, 124, 125.*

⁴⁸ *Ibid. P. 124.*

Кажется очевидным, что убежденность в преимуществах и возможностях компромисса преобладает во многих полиархиях. Такая убежденность занимает центральное место в американской политике, и без нее не могла бы нормально работать швейцарская система. В Великобритании, где партии следуют строго конкурентным стратегиям на выборах и в процессе формирования кабинета, дух компромисса способствует сотрудничеству⁴⁹.

Было бы интересно иметь больше данных о странах, в которых компромисс осуждается или презирается. Как один из возможных примеров можно привести испанский эквивалент «compromiso», который охватывает множество значений, отличающихся от английского. Его смысл ближе всего к смыслу, который используется в английском языке с несколько неблагоприятной коннотацией — как термин «быть скомпрометированным». Если различия в языке отражают различия в мировоззрении, как, кажется, и происходит на самом деле, то идущие на компромисс партии и политики могут получить уважение в Швеции, но будут презираться в Испании и Латинской Америке. Там, где компромисс презирается, сотрудничество возникает с большим трудом, а конфликты часто остаются неразрешенными. Если тяжесть конфликта становится невыносимой, то гегемонию могут счесть лучшим способом принуждения к сотрудничеству.

ОБЪЯСНЕНИЕ УБЕЖДЕНИЙ: ОБМАНЧИВАЯ ПАРАДИГМА

Как я уже предупреждал, приведенные выше описания убеждений служат лишь иллюстрациями. Я не

⁴⁹ «Практика мирного разрешения политических разногласий существует с таких давних пор, что нашла свое выражение в базовых культурных нормах, касающихся компромисса, самоконтроля и важности долга перед страной по сравнению с долгом перед партией». *Rose R. Politics in England*. P. 157.

Полиархия: участие и оппозиция

касался всех возможных последствий более последовательного корпуса представлений, который мог бы объединить отдельные фрагменты в более полное и целостное мировоззрение, теорию или идеологию. Если у нас нет адекватных данных для доказательства гипотез о различиях в отдельных убеждениях и их последствиях для различных режимов, попытки связать системы убеждений или идеологии с режимами будут еще более спорными.

Можно утверждать, что напрасно пытаться выделять убеждения как фактор, объясняющий различия между режимами, так как лучше всего убеждения интерпретируются лишь как промежуточные переменные. Ведь если мы можем объяснить, откуда берутся убеждения, и если убеждения помогают объяснять причины возникновения режимов, мы можем объяснить различия между режимами более «базовыми» факторами, чем убеждения. Можно пояснить это с помощью парадигмы, предложенной в начале главы.

Если верно, что:

тогда разумно предположить, что

При этом упрощенная парадигма Б совершенно обманчива. Во-первых, она предполагает, что мы знаем гораздо больше, чем на самом деле. На самом деле существующая теория и данные не могут продемон-

стрировать достоверность или даже правдоподобие парадигмы Б, поэтому она представляет своего рода упрощение, необоснованное с научной точки зрения.

Несомненно, что чаще всего убеждения объясняют личной выгодой. Основные трудности с подобным упрощенческим объяснением даже не в том, что оно неверно, а в том, что оно почти не имеет смысла. Конечно, полностью альтруистические убеждения встречаются редко, но трудно себе представить человека, который мог бы придерживаться определенного убеждения, если бы оно противоречило его интересам на всех уровнях — сознательных и бессознательных. Проблема состоит именно в том, что такое объяснение, как «личный интерес», несмотря на иллюзию точности, не слишком содержательно⁵⁰. То, что человек определяет как собственное я, меняется от одного человека к другому, от одной ситуации и роли к другой, от одной культуры или субкультуры к другой. В культуре «аморальной семейственности» Южной Италии, описанной Бэнфилдом, для любых отношений вне семьи я является семьей и жители деревни поступают так, как будто они следуют правилу: увеличивать материальные, краткосрочные преимущества малой семьи и предполагать, что все остальные будут делать то же самое.

Жители деревни также действуют в соответствии с определенными выводами из этого правила.

1. В обществе аморальной семейственности никто не будет содействовать интересам группы или сообщества, если это не отвечает его личным интересам...

⁵⁰ «Эго» охватывает все ценные предметы и любимых людей, столь значимых для жизни человека, так что термин «эгоистический» утрачивает свое первоначальное значение и утверждение об эгоистичности человека сводится к порочному кругу в определении, что людей занимают те вещи, которыми они занимаются». См.: Murphy G. Social Motivation // Lindzey G. (ed.) Handbook of Social Psychology. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1954. P. 625.

2. ...Только чиновники будут заниматься общественными делами, поскольку только им за это платят. Серьезный интерес к общественным проблемам у гражданина будет восприниматься как ненормальный и даже неприличный (курсив авт. — Р.Д.)⁵¹.

Но в такой «аморальной семейственности» нет ничего универсального. В кибуце в Израиле, который исследовал Спиро, идентификация члена кибуца со своей семьей ослабляется его идентификацией с кибуцем в целом и — для тех сабров, которые выросли в кибуце, — с группой из 16 детей, с которыми они воспитывались вместе с детского сада до старших классов школы (*kevutza*). На прочность этих эмоциональных связей у сабров указывают распространение табу кровосмешения на кевуцу и даже на весь кибуц и многочисленные свидетельства о том, что сабры испытывают сильное чувство ответственности за кибуц и его членов⁵².

Если представление о собственном я у человека достаточно эластично, то его интересы, «то, что нужно сделать для собственного блага», будут еще более эластичными. С одной стороны, концепции интересов зависят от когнитивных убеждений и определяются различными факторами: так, из-за культурных влияний

⁵¹ *Banfield E.C. The Moral Basis of a Backward Society. Glencoe: The Free Press, 1958. P. 85-87.*

⁵² «Ни один сабр [из кибуца, который изучал Спиро] не вступил(-а) в брак с саброй, и даже, насколько мы знаем, не имел(-а) половых отношений с саброй из того же кибуца... Ни разу сабры из той же кевуцы не вступали в половые отношения друг с другом. Интересна причина экзогамии, которую приводят сабры: они воспринимают друг друга, по их словам, как братьев и сестер». См.: *Spiro M.E. Children of the Kibbutz. N.Y.: Schocken Books, 1965. P. 347; а также: Idem. Kibbutz, Venture in Utopia. N.Y.: Schocken Books, 1963. P. 219.* Хотя Спиро критически отзывается о многих аспектах кибуца и о несовпадении идеала и реальности, он убежден в силе привязанности сабров к своей кевуце и кибуцу. См., напр.: *Spiro M.E. Children of the Kibbutz. P. 365.*

человек с аппендицитом может втирать в свой живот овечий жир или вызвать врача. Соответственно концепция личной заинтересованности или групповых интересов может сильно варьироваться, и нет особой пользы в объяснении убеждений как выражения личных интересов, поскольку то, что человек воспринимает как личную выгоду, само по себе зависит от убеждений⁵³.

Наверное, самая распространенная форма объяснения личных интересов рассматривает убеждения как отражение положения человека в обществе и экономике. Бесчисленные обобщающие и ситуационные исследования выявляют тенденции такого рода, но при этом почти всегда показывают достаточно слабую корреляцию между убеждениями человека и его социально-экономическими особенностями. Важный вывод исследований состоит не в наличии некоторой связи, а в том, насколько слабой и неопределенной она оказывается⁵⁴.

Если личный интерес и социально-экономические факторы слишком наивны с психологической точки зрения, чтобы рассматривать их как объясняющие факторы, возможно, более сложное психологическое объяснение окажется более удовлетворительным. Можно ли адекватно объяснить убеждения политического активиста как отражение его личностной структуры? Один из ведущих исследователей отношений между политикой и личностью предостерегает от подобных упрощений:

Личностные структуры ≠ Политическое убеждение ≠
 ≠ Отдельное политическое действие ≠ Совокупность
 политических структур и процессов,

⁵³ Ср. замечание Клиффорда Гирца по поводу «теории интересов» как определяющего фактора идеологии: «Главные дефекты теории интересов в том, что ее психология слишком анемична, а социология — слишком мускулиста». См.: Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. С. 233.

⁵⁴ См., напр.: *Searing D.D. The Comparative Study of Elite Socialization // Comparative Political Studies. 1969. No. 1. P. 471–500.*

где ≠ означает «не обязательно предопределяет». Далее ученый говорит:

Я не хочу сказать, что между этими звеньями нет никакой эмпирической связи... Скорее, необходимо подчеркнуть, что эти связи эмпирические... и что отношения не являются ни достоверными, ни ярко выраженными, особенно те из них, которые касаются более одного звена.

Слабость первого из логических звеньев состоит в том, что,

как часто указывалось, люди со сходными личностными характеристиками могут придерживаться различных политических убеждений, а люди с похожими убеждениями могут различаться в своих личностных особенностях. Скрытые психические элементы личности и убеждения могут обладать независимой вариативностью⁵⁵.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЪЯСНЕНИЕ

Господствующий в социологии упрощенческий дух на некоторое время заставил преуменьшать значимость воздействия убеждений на характер и поведение различных режимов, но в последнее время особое внимание к важности политической культуры подняло интерес к политическим убеждениям.

Политическая культура определяется как «система эмпирических убеждений, выразительных символов и ценностей, определяющая ситуацию, в которой происходит политическое действие. Эта система обеспечивает субъективную ориентацию в политике»⁵⁶. В настоящее время достаточно широкое признание получило мнение, что различия в политических культурах разных стран помогают объяснить различия в характере их политических систем.

⁵⁵ Greenstein F.I. *Personality and Politics*. Chicago: Markham, 1969. P. 124-126.

⁵⁶ Verba S. Conclusion: Comparative Political Culture // Pve L.W., Verba S. (eds) *Political Culture*. P. 513.

Взаимосвязь между политической культурой и убеждениями, в том смысле, как я использую этот термин, не проявляется очень четко. Конечно, многие убеждения политических активистов можно рассматривать как часть или результат политической культуры страны. Но главный подход в этой главе об убеждениях политических активистов отличается в двух важных аспектах от недавнего внимания ученых к политической культуре. Во-первых, в качестве объекта исследования политической культуры обычно выбирается исключительно стабильное и долгосрочное мировоззрение, возникающее в результате социализации в постоянно действующей системе убеждений, поэтому исследователи политических культур могут себе позволить с легкостью пренебрегать источниками изменений в убеждениях. Поскольку чуждые, скрытые или неординарные убеждения в более позднее время могут становиться частью политической культуры, процессы, обеспечивающие изменения в убеждениях, так же важны, как и процессы, обеспечивающие стабильность, как, например, социализация. Во-вторых, хотя исследователи политической культуры и обращают внимание на различия в политической культуре элиты и широких масс, они чаще сосредотачиваются на более распространенных и менее четких аспектах политической культуры, разделяемой широкими слоями общества в стране, и гораздо меньше внимания уделяют убеждениям политических элит и активистов. В результате мы очень мало знаем о различиях в когнитивных убеждениях активистов разных стран.

Тем не менее открытия и данные, появившиеся благодаря недавнему возрождению интереса к политической культуре, позволяют более глубоко понять некоторые возможные причины как стабильности, так и изменений в убеждениях политических активистов.

Приобретение политических убеждений

Практически все нравственное и религиозное образование базируется, и вполне справедливо, на некото-

рых простых предположениях, а именно: большинство людей приобретает свои убеждения в тот период жизни, когда они особенно восприимчивы. Как правило, человек бывает очень восприимчивым только в первые два десятилетия своей жизни. В конце этого периода его мировоззрение становится постоянным или кристаллизуется. После этого этапа убеждения скорее всего останутся довольно стабильными.

Когда социологи, занимающиеся политической культурой, подчеркивают важность ранней социализации, они следуют по древнему пути Аристотеля в этике и по пути различных церквей в религии⁵⁷.

Конечно, было бы неверно полагать, что политические убеждения полностью формируются и принимают законченный вид после окончания раннего периода социализации в молодости. Изменения могут происходить и позднее, постепенно или в более редких случаях — внезапно. Обычно постепенное изменение убеждений происходит в старшем возрасте подобно классическому превращению молодых радикалов в консерваторов среднего возраста. Постепенное изменение такого рода не предполагает кризиса, который ассоциируется с «утратой веры». Можно сказать, что новые убеждения заполняют пространство, оставшееся от распада старых убеждений. Однако у взрослого человека при быстром изменении убеждений между старыми и новыми взглядами может возникнуть промежуточный период, когда он будет страдать от чувства утраты своих убеждений. Утрата убеждений сопровождается болезненным состоянием, которое слишком неприятно выдерживать в течение долгого времени. Таким образом, утрата веры, вероятно, совпадет с периодом высо-

⁵⁷ «Следовательно, добродетели существуют в нас не от природы и не вопреки природе, но приобрести их для нас естественно, а благодаря приучению мы в них совершенствуемся... Так что вовсе не мало, а очень много, пожалуй даже все, зависит от того, к чему именно приучаться с самого детства». См.: *Аристотель*. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 78.

кой восприимчивости и даже активного поиска новых убеждений, которые должны прийти на смену старым, а срочность поиска будет гарантировать кратковременность такого периода восприимчивости. Обычно вскоре человек приобретает новые убеждения, которых может придерживаться даже более жестко, чем старых, из-за угрозы невыносимой утраты.

Хотя молодой человек также может испытать внезапную утрату веры, как правило, период восприимчивости в молодости представляет процесс постепенного или периодического приобретения, испытания реальности, переучивания и кристаллизации по мере того, как молодой человек знакомится с преобладающими убеждениями в основных институтах социализации в обществе или субкультуре — в семье, школе, церкви, на рабочем месте, среди сверстников. «Маленькие дети в Великобритании сначала учатся думать о королеве как о действующем правителе страны... Для маленького ребенка премьер-министр является лишь помощником королевы... Такой взгляд на отношения королевы и премьер-министра пропадает с возрастом, но это происходит значительно быстрее среди детей среднего класса, чем среди детей рабочих». Так, средний взрослый англичанин приобретает когнитивное убеждение, что «королева царствует, но не правит», нормативное убеждение, которое можно выразить словами одного 12-летнего мальчика, что «премьер-министр — это человек, который как бы по праву управляет страной, и у него под начальством находятся люди», и, вполне возможно, аффективную или эмоциональную теплоту к монархии при нейтральных чувствах по отношению к премьер-министру⁵⁸.

Итак, может оказаться полезным различать два разных типа периодов относительно высокой восприим-

⁵⁸ *Greenstein F.I., Herman V.M., Stradling R., Zurick E. Queen and Prime Minister — the Child's Eye View // New Society. 1969. No. 14. P. 365-368.*

чивости к приобретению убеждений: обычный период социализации в юности и менее типичную ситуацию, когда человек уже приобрел убеждение, теряет его и испытывает чувство утраты. Какие факторы влияют на содержание политических убеждений, которые человек приобретает во время периодов восприимчивости?

Воздействие

Одним из очевидных определяющих факторов является степень воздействия на человека определенного политического мировоззрения, которая в свою очередь зависит от целого ряда других факторов. Шансы подвергнуться воздействию определенной идеи зависят от того, присутствует ли эта идея в собственном окружении человека. Два необходимых условия для этого: чтобы идея была сформулирована и чтобы она нашла свое распространение в ближайшем окружении человека. Пока все кажется достаточно очевидным.

Изобретение и распространение дают человеку готовые модели. Схемы представительства существовали задолго до XVIII в., но не было модели представительной формы правления в государстве — эту модель еще предстояло сформулировать или, если хотите, изобрести. После того как это произошло в XVIII в., модель представительного правления произвела глубокое впечатление на многих чутких политических наблюдателей, таких как Джефферсон и Мэдисон в Америке, Джеймс Милль в Англии. Модель стала восприниматься как гениальное новое открытие, решившее до сих пор неразрешимую проблему: как совместить демократию с крупным государством. Можно привести другой пример. Идея конституционного конвента, как указал Палмер, была непривычным новшеством, пока американская революция не стимулировала созыв конвентов для написания или изменения конституций различных штатов и, конечно, созыв Конституционного конвента 1787 г. в Филадельфии.

VIII. УБЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТИВИСТОВ

Наибольшее впечатление на французов произвел сам акт создания конституции, формирующей или восстанавливающей правительство на основе принципа участия народа в качестве законодательной власти. На примере Америки они узнали о возможности проведения учредительного собрания или конвента. Само слово «конвент» в этом смысле... пришло во французский язык благодаря переводу конституций американских штатов. Возможность субъектов, находящихся под властью правительства, отвергать и расформировывать свое правительство, возвращаться в «естественное» состояние, а затем в процессе обсуждения и планирования вновь формировать правительство, вводить и разграничивать новые подразделения и органы власти и предоставлять им письменно подтвержденные властные полномочия по крайней мере в юридическом смысле представляло саму суть революции, практическое действие на основе общественного договора и утверждение суверенитета народа⁶⁰.

Мера воздействия определенного убеждения, которому человек может подвергаться в юности, или нормальный период высокой восприимчивости, зависит от уровня влияния, которое носители убеждения оказывают на процесс социализации, особенно в семье, церкви, школе и университете⁶¹. Характерен пример особого влияния английских или основанных англичанами школ, колледжей и университетов на политические взгляды многих индийских интеллектуалов, ученых, журналистов, учителей, администраторов и

⁶⁰ *Palmer R.R. The Age of the Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760-1800. The Challenge. Princeton: Princeton University Press, 1959. P. 267.*

⁶¹ «То, чему обучают, имеет настолько же большое значение в социализирующем воздействии образования, как и то, кто обучает. В Чили опрос учителей начальных и средних школ Бонильи-Силверта показал, что в их число входило большее количество людей, нисходящих по лестнице социальной иерархии, чем людей, движущихся вверх, и что отношение "нисходящих" учителей показывало высокие показатели традиционных ценностей». См.: *Stepan A. Political Development Theory: The Latin American Experience // Journal of International Affairs, 1996. Vol. 20. No. 2. P. 232.*

Полиархия: участие и оппозиция

политических лидеров, которые помогли добиться распространения либерально-демократических идей и институтов до и после обретения независимости⁶¹. Воздействие английских университетов усиливалось через их косвенное влияние на индийские университеты. Мировоззрение европеизированных или англоизированных индийцев зачастую вступало в глубокое противоречие с характером и реальным развитием Индии. Если невозможно точно определить совокупное воздействие английского образования на политическое развитие Индии, безусловно, не будет преувеличением сказать, что если бы индийская интеллигенция и другие индийские лидеры при получении высшего образования подверглись такому же глубокому воздействию антидемократических или нелиберальных идей, то шансов у полиархии в Индии было бы значительно меньше.

Престиж

Как демонстрирует этот пример, отдельные убеждения, которые приобретаются человеком во время периодов восприимчивости, будь то в юности или старшем возрасте, зависят не только от интенсивности воздействия, но и от относительного престижа идей и убеждений, которым подвергается человек. Престиж отдельных политических убеждений, помимо прочего, зависит от авторитета своих сторонников и противников и от успехов и неудач людей, организаций и институтов, которые олицетворяют данное убеждение. Как в случае Бенджамина Франклина в Париже, носитель определенного убеждения (в данном случае веры в преимущества и возможности представительной формы правления и политического равенства) может приобрести уважение как представитель новой идеи и в то же время повысить уважение по отношению к самой идее благодаря своему особому престижу, в случае

⁶¹ *Weiner M. India. P. 239-240.*

Франклина — престижу ученого, природного гения, блестящего ума и друга великих, известных и модных людей. Престиж Ганди в последние десятилетия был обусловлен многими источниками помимо его пропаганды ненасильственного сопротивления, но престиж этой идеи, вне всяких сомнений, подкреплялся ее связью с таким праведником, как Ганди. То же самое произошло с его последователем Мартином Лютером Кингом.

Интеллектуалы и ученые занимают стратегическое положение, когда усиливают престиж определенного убеждения или подвергают его сомнению. Для тех, кто не может самостоятельно исследовать обоснованность того или иного убеждения, необходимую проверку зачастую обеспечивает интеллектуал, ученый или другой признанный эксперт. И конечно, относительный престиж писателей и ученых в рамках образовательной системы страны обеспечивает им сравнительно высокую степень влияния на политическую социализацию. Так, в США правые и левые критики «либерального истеблишмента» утверждают, что содержание учебной программы от детского сада до университетов является гораздо более «либеральным», чем вся страна. Весьма вероятно, что это обвинение справедливо, поскольку американские интеллектуалы и ученые не только гораздо более «либеральны», чем население в целом, но имеют и больше влияния на содержание и практику образовательных институтов, хотя и в гораздо меньшей степени, чем многим из них хотелось бы.

Относительный престиж идеи также зависит от того, что считается ее достижениями, воплощенными в людях, институтах или организациях. Хотя явно не хватает систематических данных об относительном престиже систем убеждений, для подтверждения нашей точки зрения могут оказаться достаточными некоторые обоснованные впечатления. Палмер так пишет о влиянии американской революции на европейцев:

Многие европейцы, как и американцы, увидели в американской революции урок и вдохновение для всего челове-

чества. Революция доказала, что либеральные идеи Просвещения можно реализовать на практике. Она доказала, реально или в представлении людей, что идеи прав человека и общественного договора, свободы и равенства, ответственного гражданства и народного суверенитета, свободы вероисповедания, свободы мысли и слова, разделения властей и специально разработанных письменных конституций не должны оставаться в умозрительной сфере, среди писателей книг, но могут составить реальную структуру общественной жизни среди реальных людей, в этом мире, здесь и сейчас.

Таким образом был создан американский миф, миф-раж или мечта, «первое из великих движений светского мистицизма», по словам указанного автора, «с которым современный человек экспериментирует последние двести лет»⁶².

Позднее, как свидетельствует Токвиль, тот простой факт, что демократия успешно функционирует в США, ослабил аргументы противников демократии и в течение XIX в. обеспечил относительно высокий престиж демократических убеждений во всей Европе и обеих Америках.

Поскольку институты полиархии исторически связаны с капитализмом, начало Великой депрессии, несомненно, уменьшило престиж не только капитализма, но и полиархии. Хотя очевидные достижения реформистских правительств в ряде стран с полиархическими режимами: «Новый курс» в США, реформы лейбористских правительств в Швеции и других странах — восстановили некоторый престиж полиархии, кажущиеся триумфы однопартийных гегемонистских режимов в СССР, Италии и Германии в 1930-х гг., несомненно, повысили престиж режимов и идеологий, которые они пытались отображать⁶³. Каким бы не-

⁶² Palmer R.R. The Age of the Democratic Revolution. P. 239–240.

⁶³ Пример Аргентины см.: Grondona M. La Argentina en el Tiempo y en el Mundo. Buenos Aires: Primera Plana, 1967. P. 146–147.

вероятным это ни казалось в ретроспективе, СССР при Сталине расценивался некоторыми уважаемыми западными интеллектуалами и авторами либеральных, левых или социалистических убеждений как воплощение того, что Сидни и Беатрис Уэбб не слишком удачно решили назвать «Новой цивилизацией»⁶⁴. Если поражение держав оси во Второй мировой войне нанесло тяжелый удар по престижу фашизма и нацизма, Советский Союз стал восприниматься в героическом свете благодаря своим жертвам и военным победам, а в Италии и Франции целеустремленное и эффективное участие коммунистов в движении сопротивления помогло коммунистической партии, особенно в Италии, приобрести весьма значительный авторитет. В Латинской Америке провал конкурентных политических систем в проведении структурных реформ или хотя бы в способности выстоять, серьезные достижения институционально-революционной партии в Мексике, революция Кастро на Кубе, реформистские хунты, подобные хунте Перу, оказали свое влияние на относительный престиж полиархии и гегемонии. И в качестве последнего примера: участие США в войне во Вьетнаме резко снизило престиж полиархии (хотя и не обязательно демократических убеждений) среди молодежи в США и, вероятно, других странах⁶⁵. По сути, последний пример может служить иллюстрацией общего тезиса: молодой человек, выросший в США в конце 1960-х гг., по всей вероятности, не только подвергнется воздействию убеждений, отличных от взглядов молодых людей, скажем, в 1950 или 1900 гг., но и относительный престиж полиархии, особенно закрепленной в американских институтах, будет ниже. Следовательно, доля молодых людей, которые верят во что-то другое,

⁶⁴ *Webb S., Webb B. Soviet Communism: A New Civilization? L.: Longmans, Green, 1935.*

⁶⁵ *Keniston K. Young Radicals. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1968. P. 123; Domenach J.M. L'idéologie du Mouvement // Esprit, 36e Année, 1968. August—September. P. 39 ff.*

а не в полиархию, по крайней мере в ее американском варианте, вероятно, будет больше, чем раньше.

Совместимость с прежними убеждениями

Третий фактор, определяющий вероятность приобретения определенного политического убеждения, — это ощущение человека, что новое убеждение соответствует его существующим взглядам⁶⁶. Если новая идея не согласуется с уже усвоенным убеждением, но человек считает новое убеждение привлекательным, он может отказаться от старого либо прийти к выводу, что новое и старое убеждения, по сути, не являются такими уж несовместимыми. Однако если человек считает, что новый взгляд вступает в конфликт с существующими убеждениями, очевидно, что вероятность принятия такого убеждения будет более низкой. Именно это происходит после окончания периода высокой восприимчивости, когда у человека уже сформировался более или менее стойкий набор убеждений. После этого он начинает сознательно или бессознательно проверять новые убеждения на совместимость со старыми и, как правило, отказывается от новых взглядов, когда считает их несовместимыми. Когда новые идеи вступают в конфликт со старыми, прочно укоренившимися убеждениями, потребуется множество свидетельств противоречия, чтобы привести к утрате убеждения. Иногда все выглядит так, словно уровень противоречий поднимается все выше, скрытый за плотной старых убеждений, пока, наконец, под напором плотина не рухнет и не останется ничего, кроме неверия. Легко также заметить важнейшее значение для объяснения политической жизни общей культуры и специфической политической культуры, в которой социализируются конкретные люди, как недавно вновь стали подчеркивать социологи, — культура состоит из

⁶⁶ Lane R.E., Sears D.O. Public Opinion. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1964. P. 44 ff.

тех самых убеждений, взглядов и способов мышления, которые успешно передаются молодым, тем самым предоставляя сознательные и бессознательные предположения, с помощью которых испытываются новые убеждения и которые обычно обнаруживают свое несовершенство.

Именно эта потребность в субъективной последовательности в убеждениях позволяет придать некоторым идеям свою собственную жизнь, автономное развитие вне полного контроля или манипулирования социальных интересов. Несомненно, в социальных и политических убеждениях проявляется больше детерминизма, чем в таких исключительно абстрактных системах убеждений, как математика и физика, но как только социальный или политический принцип находит прочное место в политической культуре, он может в буквальном смысле начать действовать как аксиома, из которой выводятся новые непредвиденные и кажущиеся неизбежными выводы. И те «функции», которые принцип изначально осуществляет, и те «интересы», которые он изначально обслуживает, уже не могут контролировать эти выводы или властвовать над ними.

Представления о политическом равенстве и неравенстве часто принимают аксиоматическую форму. В любой стране, где принципы политического равенства использовались представителями среднего класса для обоснования своего включения в политическую систему, через некоторое время представители других групп, исключенных из политического процесса, делали логический вывод о необоснованности своей изоляции и начинали настаивать на том, что правительство среднего класса должно следовать собственным священным принципам или оно потеряет легитимность. В самом деле, некоторые группы политических убеждений настолько регулярно проявляются в различных обстоятельствах, что возникает ощущение, что они отображают неизбежность, с которой из ча-

сти предпосылок следуют определенные выводы. Вера в политическое равенство среди крупной общности людей влечет за собой, как следствие, ряд принципов, или, если попытаться выразить это более корректно, попытку разработать принципы, совместимые с идеей политического равенства, и сужает выбор до гораздо меньшего подмножества⁶⁷.

Соответствие внутреннему опыту

Человеку недостаточно лишь «внутренней» согласованности убеждений со знакомыми принципами логики или более субъективными и личными критериями. Четвертый фактор, влияющий на вероятность принятия определенного политического убеждения, — это та степень, в которой человек ощущает согласованность убеждения со своим собственным опытом. Опыт имеет исключительное значение для доверия когнитивным аспектам убеждения, поскольку при конфликте собственного восприятия реальности с восприятием, требуемым новым убеждением, и в целях уменьшения напряжения человек должен будет отвергнуть либо

⁶⁷ Например, трудно поверить, что демократические идеи просто пришли кому-то в голову в определенный момент времени и в определенном месте, а последующее повторение — не более как результат распространения. Рассмотрим следующий случай: в 1781 г. «комитет по реформированию в Вестминстере... подготовил доклад, который в своей демократической теории представительства выходил за рамки любой новой американской конституции штата. В докладе, подготовленном Джоном Джеббом, выдвигались требования всеобщего избирательного права для мужчин, использования бюллетеней при голосовании, а не устного голосования, ежегодных выборов парламента, представительства в соответствии с численностью избирателей в равных избирательных округах, выплаты жалованья избранным представителям и отмены всех имущественных ограничений для избрания в палату общин. Все эти шесть пунктов присутствовали в программе чартистов, приобретшей известность в Англии более пятидесяти лет позднее». *Palmer R.R. The Age of the Democratic Revolution. P. 208–209.*

собственное восприятие, либо наличие противоречий, либо валидность новой идеи. Случается каждый из этих вариантов, но наиболее распространен, без сомнения, последний. И здесь вновь очевидно, насколько важна та культура, в которой воспитывался человек, поскольку он предопределен интерпретировать события своей жизни тем или иным образом. Личный опыт человека частично формируется его собственной культурой, и поэтому люди из разных культур совершенно по-разному могут воспринимать одно и то же событие. Так же и люди с различными политическими взглядами, будь то слабо организованные, фрагментированные системы убеждений или целостные идеологии, могут воспринимать происходящее совершенно по-разному, и поэтому каждый человек может накапливать опыт, подтверждающий его существующие убеждения⁶⁸.

Тем не менее, за исключением психопатов и в меньшей степени маленьких детей, избирательное восприятие ограничивается реальностью⁶⁹. Из всех взглядов, воздействующих на молодого человека, он выбирает те, которые наиболее точно соответствуют его собственному опыту. Несмотря на избирательное вос-

⁶⁸ Это явление хорошо знакомо психоаналитикам, психиатрам и психологам. «Весь день мы бессознательно *выборочно* воспринимаем окружающий нас мир. Человек может избежать неприятных впечатлений, меняя фокус своего внимания и принимая или воспринимая желаемое за действительное... Простейшая форма отрицания — это блокирование впечатления через удаление нашего внимания от объекта восприятия... Люди часто "заполняют пробелы" тем, что желают видеть» (курсив авт. — Р.Д.). Janis I.L., Mahl G.F., Kagan J., Holt R.R. *Personality Dynamics, Development, and Assessment*. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1969. P. 354.

⁶⁹ «Эта защитная выгода [отрицание] может обладать высокой ценой: неспособностью жить в реальном мире. Но отрицание обычно останавливается на галлюцинаторной крайности психоза: самообольщение у взрослых и даже склонность к нему, как правило, ограничены испытанием реальностью. Однако по-другому происходит с ребенком, чье поведение больше соответствует принципу удовольствия, чем принципу реальности». Ibid. P. 354.

приятие, этот процесс продолжается все время жизни человека, и драматические противоречия между личным опытом и убеждениями могут приводить к изменению убеждений. Личный опыт привел к развалу армии: русской — в 1917 г., французской — в 1940 г., немецкой — в 1945 г. Немецкие солдаты на Западном фронте сдавались поодиночке, затем небольшими группами и, наконец, огромными толпами в течение всего апреля 1945 г. Они отвергли отчаянную пропаганду из Берлина с призывами продолжать сопротивление, поскольку собственный боевой опыт убедил их, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Однако многие из тех же солдат упорно сражались лишь за несколько месяцев до этого. В 1960-х гг. в США значительное число молодых людей, пережив то, что Кенистон назвал «столкновением с неравенством», утратили веру в либеральную реформистскую политику и усвоили более радикальные взгляды.

Помогая безработным в центре города, участвуя в кампаниях по регистрации избирателей на Юге, работая с семьями негров в трущобах или занимаясь подробным исследованием американской политики во Вьетнаме, эти молодые радикалы были вынуждены вступить в непосредственную личную конфронтацию с несправедливостью американской жизни и политики⁷⁰.

Некоторые переживания разделяются многими, другие переживания уникальны для каждого человека. Различия в историческом опыте являются одним из источников знаменитого конфликта поколений. С течением времени людям, чье мировосприятие формируется под воздействием особого исторического опыта, становится все труднее передавать возникающим новым поколениям смысл и реальность этого опыта. Даже если «старые солдаты не умирают», они часто теряют свою аудиторию. Неоднократно отмечалось, что в конце 1960-х гг. «значение» и риск тоталитарного прав-

⁷⁰ Keniston K. Young Radicals. P. 127.

ления стали восприниматься очень по-разному людьми моложе 30 лет в Западной Европе и Северной Америке и более пожилыми людьми, особенно европейцами, которые пережили эпоху тоталитарного триумфа 1930-х гг. и кому риск скатывания страны к варварскому деспотизму всегда казался очень серьезным. Многие из этих пожилых людей воспринимают полиархию более хрупкой и более драгоценной, чем молодые люди, которые никогда не жили при крайнем деспотизме, но только при полиархии при всех ее недостатках, заметных при сравнении с демократическими идеалами.

Решающую роль может сыграть случайный или специфический личный опыт. Когда Ленину было 17 лет, его старшего брата Александра повесили за участие в заговоре студентов, планировавших убить царя. По словам сестры, Ленина «закалила» казнь Александра, и он начал серьезно думать о революции⁷¹. В попытке объяснить развитие Ганди и его учения о Сатьяграхе (букв. — «сила истины», переводится по-разному как «ненасильственное сопротивление» или «воинствующее ненасилие») Эриксон уделяет особое внимание опыту пребывания Ганди в Южной Африке и забастовке в Ахмедабаде в 1918 г.⁷² То, как американский президент выполняет свою работу, или его «стиль», по словам Барбера, — это «отражение способов добиваться своей цели, которые принесли ему в свое время успех, как правило, в позднем подростковом или раннем взрослом возрасте, когда он проявился как личность, отличная от своей семьи, в роли, которая потребовала сравнительно интенсивного участия в социально организованном окружении». Ранние «успехи», вызывающие развитие более позднего стиля (и ведущие к карьере президента), зачастую довольно случайны⁷³.

⁷¹ *Wilson E.* To the Finland Station. N.Y.: Harcourt, Brace, 1940. P. 361.

⁷² *Erikson E.H.* Gandhi's Truth. N.Y.: W.W. Norton, 1969.

⁷³ *Barber J.D.* Classifying and Predicting Presidential Styles: Two Weak Presidents // *Journal of Social Issues*. 1968. No. 24. P. 52 ff.

В интервью с молодыми людьми, которые участвовали в антивоенной кампании «Вьетнамское лето» в 1967 г., Кенистон счел необходимым подчеркнуть не только «психологическую значимость развития радикалов», но и «важность того, что с психологической точки зрения представляется "случайным"».

Глубочайшее воздействие на развитие этих молодых радикалов часто оказывали события, «случившиеся» с ними без особого плана, повода или замысла с их стороны: тяжелая болезнь в семье; психологические проблемы брата или сестры; переход в другую школу в другом городе. Никто не может точно оценить последствия подобных событий в развитии личности: многое зависит от стадии развития и восприимчивости человека в это время. В ряде случаев серьезные потрясения в семье в раннем подростковом возрасте лишали молодых радикалов родительского внимания, заставляя их становиться независимыми гораздо раньше большинства подростков. В другой ситуации «случайность», заставившая перейти в частную школу, могла усилить психологические тенденции, которые в противном случае могли не проявиться в такой явной форме⁹.

Другая парадигма

Я подчеркивал некоторые факторы: воздействие, престиж, согласованность с предыдущими убеждениями и опытом, — помогающие определить, приобретет ли конкретный человек то или иное убеждение в период (или периоды) восприимчивости. Но эти же самые факторы могут влиять на целый ряд людей в течение того же периода времени, способствуя обширным и решающим изменениям в мировоззрении, которые историки описывают в работах о Возрождении, Просвещении или росте демократических идей.

Трудно себе представить, насколько скудными данными в этой области мы обладаем. Бывает нелегко дать

⁹ Keniston K. Young Radicals. P. 226.

удовлетворительное объяснение тому, как человек приобретает личные убеждения, но еще сложнее объяснить исторические изменения в убеждениях. Теории личных убеждений могут в лучшем случае объяснить, почему некоторые люди придерживаются определенных убеждений в течение некоторого времени, но они и близко не в состоянии учесть *всех* людей или *все* убеждения. Исторические объяснения оставляют без объяснения еще большую часть этих явлений. Если не имеется достаточных данных для проверки теории приобретения людьми своих убеждений, то еще в худшем состоянии находятся данные и даже концепции, необходимые для объяснения исторических изменений. Можно выбрать отдельного человека, и в этом случае имеет некоторый смысл говорить, например, что, «еще будучи подростком, Робинсон приобрел демократические убеждения». Но что будет аналогом Робинсона, если говорить об исторических изменениях?

Такие понятия, как «европейское общество» или «американский народ», слишком пространны или расплывчаты. Ясно, что имеется в виду некоторое подмножество лиц, но это подмножество чрезвычайно трудно с точностью определить. Часто представляется, что имеются в виду люди в стране или в некотором ряде стран, которые составляют то, что можно было бы назвать «идейной элитой». Это создатели и особые носители идей: интеллектуалы разного рода, философы, поэты, идеологи, полемисты, публицисты, журналисты, ученые и т.д. Могут также иметься в виду политические элиты, чьи убеждения имеют важнейшее значение в политической жизни из-за исключительного влияния их носителей. Но границы этих элит с точностью не определены, и нам не хватает информации об их представителях. Неудивительно, что большинство социологов отвернулось от концепции исторического движения идей из-за проблем с недостаточной строгостью «мягкого» исторического описания, обобщения и объяснения. В результате собственные тео-

рии социологов, какими бы «строгими» они ни были, не учитывают важные объясняющие переменные, что часто приводит к наивному механицизму, как если бы кто попытался объяснить коллективное поведение футболистов во время матча, выбрав за главный фактор объяснения приучение в младенчестве к горшку каждого будущего футболиста.

В грубом приближении для объяснения вариаций в частоте или интенсивности конкретного убеждения среди группы политических активистов можно использовать факторы, обсуждавшиеся в предыдущем разделе. В определенной стране или даже в таком регионе мира, как Европа, периоды относительной стабильности в политических убеждениях уступают место периодам нестабильности, распада, восприимчивости, которые затем, после кристаллизации новых убеждений, на некоторое время опять сменяются относительно стабильными убеждениями. Полсон так пишет об итальянской деревне близ Рима, которую он называет «Кастельфуоко».

В конце Второй мировой войны население Кастельфуоко вступило в период брожения, равного которому не было никогда прежде. Многие надеялись, что война наконец окончательно сокрушила старый порядок. Аристократы столкнулись с перспективой политической смерти и окончательного экономического краха. Старая сельская цивилизация... оказалась на грани исчезновения. Перед всем миром были разоблачены грубость и насилие фашизма.

В это время интенсивного поиска более справедливого, более чистого, более устремленного в будущее, чем прошлое, общества решительно выступили коммунисты...

Вместе с идеей нового *classe dirigente* коммунисты предложили осмысленный выбор для тех, кто испытывал шок от глубочайшего духовного кризиса после окончания Второй мировой войны. Этот кризис назревал уже в течение целого поколения, но внезапно, с крахом фашизма и стремлением к новому порядку, людям оказалось некуда обратиться...

VIII. УБЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТИВИСТОВ

Коммунисты почувствовали готовность людей последовать идеалу лучшего общества. Эта готовность была заразительной и неизбежно превращала своих носителей в «миссионеров»... В послевоенном духовном и политическом вакууме при столкновении с оппозицией, более или менее приверженной сохранению существующего порядка вещей, коммунисты обладали огромной властью проникновения в сознание масс⁷⁵.

Однако было бы неправильным настаивать на слишком ограниченной аналогии с отдельными людьми. Хотя совокупность людей в определенных случаях можно рассматривать как одно действующее лицо, следует иметь в виду и некоторые важные различия. Даже в периоды относительной стабильности идей активисты и члены концептуальных элит иногда проявляют восприимчивость к новым идеям. И напротив, в периоды восприимчивости не все активисты и, тем более, не все население страны открыто для новых убеждений. Даже в Кастельфуоко, где коммунистыобладают одним из самых высоких показателей голосов в свою поддержку в Италии, только около половины голосов было отдано коммунистической партии, от трети до четверти голосов — христианским демократам, одна десятая — социалистам, и остальные голоса принадлежат другим партиям⁷⁶. Поэтому кристаллизация не обязательно приводит к появлению одной доминирующей точки зрения, как это можно было бы ожидать в случае отдельного человека. Напротив, конфликт убеждений может кристаллизоваться в религиозной форме, как во время Реформации, или в виде политических расколов между коммунистами и некоммунистами, которые стали постоянным явлением в Италии и Франции после 1945 г. Период стабильности убеждений не обязательно влечет за собой политическую стабильность и спокойствие, он может

⁷⁵ Paulson B., Ricci A. *The Searchers: Conflict and Communism in an Italian Town*. Chicago: Quadrangle Books, 1966. P. 321–326.

⁷⁶ *Ibid.* P. 112.

включать религиозные войны, идеологические конфликты и насилие.

Более того, личные убеждения могут меняться без ущерба для совокупного распределения, что, по видимому, и происходит в некоторых странах, по крайней мере в течение кратких промежутков времени, с приверженностью определенной партии. Отдельные люди могут умирать или сменяться, но из-за процесса социализации, когда убеждения воплощены в таком институте, как церковь или политическая партия, распределение и даже относительная интенсивность убеждений остаются в целом неизменными, несмотря на перемены в составе отдельных людей. Как отмечают Роккан и Липсет,

партийные системы 1960-х гг. с немногими, хотя и достаточно заметными исключениями, отражают структуры раскола в 1920-х гг. Это одна из важнейших особенностей западной конкурентной политики в эпоху «высокого массового потребления»: партийные альтернативы и во многих случаях партийные организации старше большинства избирателей в стране. Для большинства жителей Запада действующие в настоящее время партии были частью общей политической картины с самого детства (курсив авт. — Р.Д.)⁷.

Подобная кристаллизация в виде убеждений, которые с течением времени все меньше и меньше соотносятся с восприятием реальности, подготавливает почву для утраты веры среди зрелых людей и восприимчивости к новым альтернативам среди молодежи.

Наконец, поскольку люди умирают и им на смену приходит молодежь с различными убеждениями, распределение убеждений среди политически активных или идейных элит может меняться, даже если каждый человек сохраняет убеждения, приобретенные

⁷ Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction // Lipset S., Rokkan S. (eds) Party Systems and Voter Alignments. N.Y.: The Free Press of Glencoe, 1967. P. 50.

на более раннем жизненном этапе. Именно процесс замены старых групп молодыми может отвечать за большинство самых масштабных исторических изменений в убеждениях. Возможно, именно такими были изменения, произошедшие в США в 1930-х гг., когда привычное республиканское большинство сменилось привычным демократическим⁷⁸. Масштаб изменений существенно возрастает, если молодое поколение принимает новые взгляды в то же самое время, когда старшие поколения испытывают потерю веры, как это и произошло в Кастельфуоко. Эти процессы усиливают друг друга: ослабление убеждений у пожилых людей способствует принятию новых убеждений у молодежи, что в свою очередь приводит к утрате убеждений у старшего поколения. Несмотря на общее романтическое представление, что этот процесс всегда означает здоровое обновление, на самом деле он морально и политически нейтрален. Если в США при Джефферсоне (весьма вероятно) происходило укрепление демократических взглядов при ослаблении аристократических, то этот процесс мог привести к ослаблению веры в демократию в Афинах между Демосфеном и Периклом. И очень вероятно, что некоторые из этих процессов происходили в Германии между Первой мировой войной и захватом власти Гитлером⁷⁹.

Таким образом, хотя понятие восприимчивости, кристаллизации и стабильности в убеждениях может применяться в описании совокупностей, к аналогии с отдельными людьми следует относиться с осторожностью. Тем не менее, имеем ли мы дело с отдельными людьми или совокупностью людей, вероятность приобретения определенного убеждения в период восприимчивости может зависеть:

- 1) от масштаба воздействия убеждения, которому подвергается субъект, что в свою очередь:

⁷⁸ *Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American Voter. N.Y.: Wiley, 1960. P. 153-154.*

⁷⁹ *Abel T. The Nazi Movement. P. 172-174.*

- а) требует, чтобы убеждение была сформулировано и распространено в окружении субъекта, и
 - б) зависит от масштаба влияния, оказываемого носителями убеждения на процессы социализации;
- 2) относительного престижа убеждения, который зависит:
- а) от личного престижа его сторонников и противников и
 - б) успехов и неудач людей, организаций и институтов, которые символизируют это убеждение;
- 3) степени соответствия нового убеждения представлениям субъекта о реальности в том виде, как они определяются:
- а) имеющимися убеждениями и
 - б) жизненным опытом субъекта.

Эта парадигма требует нескольких замечаний.

Во-первых, все условия, которые были описаны в предыдущих главах, влияют на шансы возникновения гегемонии, публичного соперничества и полиархии посредством воздействия на убеждения через описанные выше связи. Таким образом, исторический путь к настоящему, по которому движется страна, помогает определить успехи и неудачи, символизирующие убеждение, относительный престиж этого убеждения и, тем самым, вероятность того, что оно будет приобретено человеком, который подвергается воздействию этого убеждения во время своего периода восприимчивости. Опять же члены той или иной субкультуры в стране с несколькими различными субкультурами приобретают убеждения и опыт, которые помогают сформировать восприятие действительности и, следовательно, возможность принять дополнительные убеждения, воздействию которых они подвергаются.

Во-вторых, если условия, которые мы обсуждали в предыдущих главах, отчасти определяют степень восприимчивости активистов к убеждениям, поддерживающим относительную привлекательность публич-

ного соперничества и участия, они не определяют содержание таких убеждений в полной мере. Например, невозможно дать удовлетворительное объяснение полиархии в Индии без учета своеобразного воздействия англо-американских политических идей на индийскую политическую элиту в критический период национального развития до и после приобретения независимости. Отчасти это воздействие объясняется той важной ролью, которую играли английские нормы в политической социализации ключевых лидеров. Можно привести другой пример. Триумф нацизма в Германии трудно объяснить без учета независимого воздействия нацистской идеологии. Конечно, существовали другие факторы, но есть определенная логика в утверждении Теодора Абеля, что важность идеологии «в качестве определяющего фактора была, по меньшей мере, равной важности общего недовольства, которое существовало в то время»⁸⁰.

В-третьих, случайность и неопределенность присутствуют при приобретении не только убеждений, но и власти. Взятые вместе, они чрезвычайно затрудняют любое объяснение. Предшествующий анализ показал некоторые источники неопределенности в процессе приобретения убеждения. Каждый человек, кроме закоренелого детерминиста, согласится, что процесс приобретения власти также полон случайных и неопределенных элементов.

Когда мы говорим, что событие произошло случайно, это не обязательно значит, что оно произошло без причины. Это значит лишь, что теория, с которой мы работаем, не позволяет нам предсказать или объяснить такие события. Наша теория может принять их во внимание только после того, как они произошли: она не способна подвести их под общий закон, гипотезу или предположение. Надо отметить, что некоторые виды случайностей поддаются довольно точному статистическому прогнозированию и в этом смысле

⁸⁰ Abel T. The Nazi Movement. P. 174.

ведут себя в соответствии с законом, но многие случайности прогнозированию не поддаются, например политические убийства. И даже там, где статистические прогнозы достаточно точны, они не могут существенно помочь теории, которая стремится объяснить определенные виды исторических событий, в которых «случайность» играет заметную роль.

Возьмем опять Ленина в качестве примера. Если кто-то считает, что его приезд в Россию в апреле 1917 г. не повлиял на историю, то история неподвластна воле случая. Что, если бы немецкие власти не разрешили ему вернуться? Или если его поезд был бы взорван? Эти случайные события (случайные, поскольку не одна теория не делает их закономерными или предсказуемыми) могли изменить ход истории в той же степени, как изменило ход истории присутствие Ленина в России с апреля 1917 г. Я думаю, что нужно быть фанатичным детерминистом, чтобы утверждать, что в приходе Ленина к власти не было никаких случайностей.

Помимо случайных (или неслучайных) событий, которые влияют на вероятность прихода к власти определенного человека, весьма неопределенные цепи событий способны влиять на шансы всего режима. Например, если предположить, что ход и итоги Второй мировой войны не были полностью predeterminedены, надо считаться с возможностью того, что полиархические режимы могли не появиться в Италии, Австрии, Германии и Японии, а гегемонистские режимы могли не появиться в Польше, Чехословакии, Венгрии и других странах. А что, если бы войну выиграла держава оси? Или война окончилась бы в результате мирных переговоров? Или советские войска не оккупировали бы Чехословакию?

Когда я пытаюсь принять во внимание все сложности, неопределенности и пробелы в нашем понимании процессов, в ходе которых политически влиятельные деятели приобретают свои убеждения и приходят к власти, я неизбежно прихожу к двум выводам. Ни один

VIII. Убеждения политических активистов

из них не покажется удивительным для тех, кто принимает как должное важность «идей» в истории. Но оба вывода прямо противоречат механицизму, который преобладает у большинства современных социологов.

В настоящее время и в неопределенном будущем ни одна теория не может удовлетворительно объяснить убеждения политических активистов и лидеров.

Поскольку любая теория, которая пытается объяснить различия в режимах разных стран, должна рассматривать как главные независимые переменные такие факторы, как социально-экономический уровень страны, характер и степень неравенства, масштабы субкультурных расколов и др., которые обсуждались в предыдущих главах, такая теория также должна рассматривать в качестве главной независимой переменной убеждения и «идей» политических активистов.

IX. Иностраннный контроль

Судьба страны никогда не находится в руках только ее собственного народа. В некоторых случаях решающим может оказаться навязанное извне господство, которое пересилит воздействие всех других факторов, рассмотренных выше.

Каждая страна существует в окружении других стран. При любом режиме политики должны принимать во внимание возможные действия и реакцию политиков в других государствах. В этом смысле даже самые сильные государства в некоторой степени ограничены влиянием, контролем или могуществом других государств. Кроме того, большинство стран в разной степени участвует в многонациональной экономике, соответственно политики обычно учитывают действия и реакции людей за пределами своей страны, которые могут повлиять на местную экономику. Страны, часто небольшого размера, с сильной зависимостью от международной торговли или иностранных инвестиций особенно подвержены иностранному воздействию.

Поскольку влияние международного окружения на развитие гегемонии или полиархии отличается исключительной сложностью, в этой главе я хотел бы сосредоточиться лишь на одной форме внешнего влияния — иностранном господстве. Чтобы более четко определить эту форму, я хотел бы отметить три области, в которых действия, реакции или ожидаемые действия иностранцев могут повлиять на шансы полиархии или гегемонии в отдельной стране.

Во-первых, действия иностранцев могут оказывать и почти неизбежно оказывают влияние на один или несколько факторов, описанных в предыдущей главе.

Убеждения политических активистов, путь страны к ее настоящему, уровень социально-экономического развития, степень экономической концентрации или дисперсии, неравенство, даже масштаб субкультурных расколов — все эти условия подвержены воздействию иностранных сил.

Во-вторых, действия иностранцев могут радикально менять доступные режиму возможности без обязательного изменения формы самого режима. Как уже было сказано, существование в международном окружении изменяет и ограничивает возможности, доступные любому режиму в любой стране. Какой бы ни была мощь мировых держав, таких как США или СССР, ни одна из этих стран не может избежать последствий действий другой страны. Подобным образом, могущество этих супердержав ограничивается не только друг другом, но и многими другими игроками на международной сцене. Каждый день в новостях можно встретить достаточно примеров: неспособность США победить Национально-освободительный фронт во Вьетнаме и неспособность СССР вытеснить западные силы из Западного Берлина, трудности основных мировых держав в достижении согласия по плану контроля над ядерными вооружениями и т.д.

Влияние иностранцев не ограничивается лишь иностранными делами. В принятии решений по вопросам внутренней экономической политики американским политикам приходится принимать во внимание платежный баланс, роль доллара в качестве международной валюты, воздействие на американскую экономику девальваций иностранных валют или угроз девальваций со стороны других стран и т.д.

Если возможности великих держав иногда ограничиваются действиями иностранных сил, над которыми они либо не имеют контроля вообще, либо в очень незначительной степени, для стран с существенно меньшими властными ресурсами, особенно для небольших или менее развитых, положение оказывается еще бо-

лее сложным. Если послевоенное правительство лейбористов в Великобритании не отступило от национализации нескольких крупных отраслей, несмотря на возможность негативного влияния национализации на иностранные инвестиции, правительство христианских демократов президента Эдуардо Фрея в Чили должно было считаться с реальной угрозой того, что национализация медной промышленности может радикально снизить иностранные инвестиции и доступ к мировым рынкам.

В той же мере, в которой действия иностранцев ограничивают доступные стране возможности, народ утрачивает возможность самостоятельно управлять своей страной. Тем не менее полиархический режим все же может существовать в стране, возможности которой жестко ограничены действиями иностранцев. Внутривполитическая система может быть весьма эгалитарной, базироваться на всеобщем согласии, обладать высоким участием граждан, решительно защищать личные и политические свободы и тем самым быть «высокодемократической» по всем обычным критериям. Тем не менее границы «демократии» могут быть очень узкими из-за того, что доступно так немного альтернатив. Можно представить различие между местным правительством при полиархии и греческим понятием автономного города-государства: политическая система небольшого городка в современной стране, управляемой полиархическим режимом, сама по себе может быть полиархической, может даже быть «высокодемократической», но при этом городок не будет обладать почти никакой автономией. Форма полиархии остается без изменений, но ее содержание претерпевает кардинальные изменения.

В-третьих, народ одной страны может сознательно стремиться использовать свои ресурсы для навязывания другой стране определенного режима — открытого иностранного доминирования. Иностранцы также будут влиять на содержание политики, но я хотел бы

подчеркнуть, что своими действиями они могут серьезно воздействовать на шансы гегемонии или полиархии практически независимо от любых факторов, обсуждавшихся в предыдущих главах.

На подробный анализ каждого типа внешних влияний не хватит и целого тома. Рассмотрим первый аспект: анализ всех способов влияния международного окружения на описанные в предыдущих главах условия представляет серьезную задачу, которую я не собираюсь ставить перед собой в этой книге. Второй тип международного влияния обладает огромной важностью в современном мире, особенно для небольших стран. Так, с углублением международной интеграции Скандинавские страны будут утрачивать все большую часть своей автономии. Можно даже представить время, когда местные или региональные правительства войдут в более крупную политическую систему, но эта тема также слишком сложна для адекватного обсуждения в этой книге.

Третий аспект имеет наибольшее значение для целей нашего исследования, поскольку для оценки шансов гегемонии или полиархии важно знать, будут ли иностранные державы навязывать или планировать навязать определенный режим. В послевоенный период многие европейские режимы были в какой-то степени навязанными: гегемонии в Восточной Европе, полиархии в Западной Германии, Австрии и Италии. Длительное автономное политическое развитие в Чехословакии было невозможно — местные условия, благоприятствующие возникновению конкурентного политического режима, слишком часто блокировались внешним доминированием. Очень похожая ситуация развивалась и в Польше.

Взаимодействие между местными условиями и иностранным доминированием — очень сложное явление. Почему Финляндии удалось стать полиархией? Часть шведских владений на протяжении шести веков, часть Российской империи (Великое княжество Финлянд-

ское) со времени наполеоновских войн до революции в России, дважды вступавшая в войну с Советским Союзом, в первый раз в 1939–1940 гг., а затем — с 1941 по 1944 г., и дважды побежденная, союзник Германии во Второй мировой войне; как могло случиться, что этот небольшой народ из 5 млн человек существует в виде полиархии бок о бок со страной с 50-кратно большим населением, сверхдержавой под управлением гегемонистского режима? Если бы русские были готовы заплатить требуемую цену, несомненно, они установили бы гегемонистский режим в Финляндии в 1944–1945 гг. И если с советской точки зрения ожидаемые издержки превышали ожидаемую выгоду, то это не потому, что выгода была не такой большой, как в Польше и Чехословакии, а, возможно, отчасти потому, что финны, давно привыкшие к жизни при либеральном режиме, могли сделать издержки достаточно высокими в долгосрочной перспективе.

Эти примеры предполагают, что конкретные исторические утверждения или прогнозы, базирующиеся на определенной конфигурации международных сил в определенное время, могут оказаться более полезными, чем теоретические обобщения о взаимосвязи между иностранным господством и полиархией. Однако если мы сосредоточимся на явном, а не скрытом доминировании и уделим исключительное внимание сравнительно прямым последствиям для полиархии (тем самым безжалостно исключив из сферы нашего внимания целый ряд последствий, представляющих интерес с других точек зрения), можно сформулировать несколько общих утверждений, которые хорошо согласуются с имеющимися данными.

В первую очередь высокая доля стран, в которых по состоянию на 1970 г. существовала полиархия, была оккупирована или становилась объектом иностранного военного вмешательства по меньшей мере один раз со времени обретения независимости. Как показано в табл. 9.1, среди более «старых» стран большее

количество полиархий, чем неполиархий, становилось объектами открытого иностранного военного господства. Как показывает анализ табл. 9.2, причина состоит в том, что большинство европейских стран, которые были полиархиями в 1970 г., было разгромлено и оккупировано в результате Второй мировой войны (одна из которых, Бельгия, испытала ту же участь во время Первой мировой войны). Однако нужно также иметь в виду, что четыре из этих стран, хотя и были полиархиями в 1970 г., во время капитуляции находились под управлением гегемонистского режима.

Во-вторых, не представляется истинным, как иногда считается, что период открытого господства иностранного гегемонистского режима обязательно наносит полиархии непоправимый ущерб. Как показывают табл. 9.1 и 9.2, ущерб не будет фатальным. Период иностранного господства даже может укрепить национальное единство, способствовать примирению враждебных групп и ускорить включение слоев, которые борются за большее признание и власть.

Таблица 9.1

Оккупация и военная интервенция, полиархии и неполиархии

Обретение независимости	Политический режим в 1970 г.			
	Полиархия	«Почти-полиархия»	Неполиархия	Всего
<i>До 1900 г.</i>				
Страна, подвергшаяся оккупации или военной интервенции по крайней мере один раз с момента обретения независимости	8	1	6	15
Страна, никогда не подвергавшаяся оккупации или военной интервенции	7	3	22	32

Обретение независимости	Политический режим в 1970 г.			
	Полиархия	«Почти-полиархия»	Неполиархия	Всего
1900–1945 гг.				
Подвергавшаяся оккупации и т.д.	3	—	5	8
Никогда не подвергавшаяся оккупации и т.д.	5	—	7	12
Другое				
После 1945 г.				
Подвергавшаяся оккупации и т.д.	1	1	51	59
Никогда не подвергавшаяся оккупации и т.д.	5	1		
Совокупное число				26

Примечание. Основные данные по независимости и оккупации взяты из: *Russett B.M., Singer J.D., Small M. National Political Units in the Twentieth Century: A Standardized List // American Political Science Review. 1968. No. 62. P. 932–951.* В своей классификации «зависимых стран» они не учитывают некоторые краткосрочные военные интервенции (например, СССР в Румынии в 1944 г., США в Ливане в 1958 г. и в Доминиканской Республике в 1965 г.) и некоторые особые случаи (например, Италия в 1943–1946 гг.), которые я отношу к оккупации или военному вмешательству. Классификация полиархий, «почти-полиархий» и неполиархий взята из табл. А-3 приложения. Некоторые микрогосударства не учтены.

Германское вторжение и оккупация Бельгии во время Первой мировой войны в первый раз ввели социалистов в состав правительства, где они остались и после окончания войны. Война также прямо привела к введению в Бельгии всеобщего избирательного права. При старой системе множественного голосования, как пишет Лорвин:

Таблица 9.2

Независимость среди существующих полиархий
и «почти-полиархий»

	Полные полиархии	«Почти-полиархии»
<i>I. Независимы до 1900 г.</i>		
А. Независимость, никогда не прерванная оккупацией или военной интервенцией	Великобритания Коста-Рика США Уругвай Чили Швеция Швейцария	Венесуэла Колумбия Турция
Б. Оккупация или военная интервенция	Бельгия Дания Западная Германия Италия Люксембург Нидерланды Франция Япония	Доминиканская Республика
<i>II. Независимость приобретена в 1900–1945 гг.</i>		
А. Непрерывная независимость	Австралия Ирландия Исландия Канада Новая Зеландия	
Б. Оккупация или военная интервенция	Австрия Норвегия Финляндия	
<i>III. Независимость в 1945 г. или позднее</i>		
А. Непрерывная независимость	Израиль Индия Тринидад и Тобаго Филиппины Ямайка	Малайзия
Б. Военная интервенция	Ливан*	Кипр

* По просьбе собственного правительства.

каждый из рабочих и крестьян, страдавших в окопах или во время депортации, мог бросить в урну по одному бюллетеню, в то время как военные спекулянты могли бросить по два или три. Вместо этого король и правительство призвали избирателей к урнам на основе принципа «один человек — один голос». Избранный парламент утвердил изменение поправкой к конституции.

Далее Лорвин так описывает результаты Второй мировой войны.

Если Первая мировая война знаменовала полное принятие социалистической партии, Вторая мировая война означала принятие профсоюзов. При нацистской оккупации тайные личные контакты между промышленными лидерами и профсоюзами католиков, социалистов и либералов дали начало своего рода «пакту социальной солидарности», обладающему символическим и практическим значением. Этот пакт был осуществлен после освобождения с помощью масштабных достижений в социальном законодательстве и заключения коллективных договоров... Представители профсоюзов и промышленности стали осуществлять административную власть в целом ряде полуообщественных социальных организаций¹.

Первые министры-социалисты под угрозой нацизма вошли в состав правительства Нидерландов в 1939 г., и в этой стране наряду с Бельгией и Норвегией вторжение и оккупация привели к созданию правительства в изгнании.

Было бы абсолютно неразумно делать вывод, что открытое иностранное вмешательство приносит пользу полиархии. Даже если оставить в стороне все издержки такого вмешательства, иногда огромные, в этом случае не только полиархия временно сменяется гегемонистским правлением, но и все долгосрочные последствия интервенции не в коем случае нельзя назвать благотворными. Могут усиливаться и некоторые расколы. Лорвин пишет, что в Бельгии во время Второй миро-

¹ *Lorwin V.R. Belgium: Religion, Class and Language in National Politics // Dahl R.A. (ed.) Political Oppositions in Western Democracies. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 158, 165.*

вой войны «немцы способствовали фламандскому сепаратизму, оставляя за собой после войны целый ряд политических ловушек для бельгийского народа»¹. Примирение и национальное единство иногда помогают принятию до сих пор исключенных слоев и проявлению большей щедрости к их требованиям. В то же время лидеры оппозиции могут быть вынуждены активно заняться созданием коалиции, что приведет к неоправданному смягчению их требований, оставляя в наследство некоторое неравенство и недовольство как причину будущих кризисов.

Несмотря на эти оговорки, не нужно терять из виду простое утверждение, что открытое иностранное вмешательство не обязательно представляет смертельную опасность для уже существующей полиархии, а в некоторых отношениях оно может даже ее укрепить.

В-третьих, совершенно неверно утверждать, что полиархия возникает только в ходе строго автономных процессов в стране, уже достигшей независимости. Как показывают данные табл. 9.3, из 29 стран с полиархическими режимами в 1970 г. лишь в 12 странах полиархия появилась после достижения независимости, а не во время открытого иностранного господства. В четырех странах, как мы уже видели, полиархия была введена во время военной оккупации или вторжения после Второй мировой войны. Кроме того, в 10 странах, включая некоторые государства, где полиархия сейчас глубоко укоренена, существенные шаги по направлению к полиархии были предприняты, когда страна, по крайней мере номинально, находилась под властью иностранной державы.

В-четвертых, иностранное господство часто производит обратный эффект. Вряд ли можно сомневаться, что важным последствием нацизма в странах, где полиархия была временно отменена оккупантами, было укрепление привязанности демократическим идеалам и усиление враждебности к антидемократической нацистской идеологии. Есть основания думать, что со-

¹ *Lorwin V.R. Belgium. P. 161.*

ветская оккупация Чехословакии сделала многих чехов враждебными ортодоксальному советскому марксизму и усилила привлекательность по крайней мере некоторых аспектов полиархии, особенно ее широких гражданских прав. Обратный эффект может распространяться гораздо дальше, затрагивая не только непосредственных жертв вторжения. Действия США в Гватемале, на Кубе, во Вьетнаме и Доминиканской Республике наряду с широко распространенным восприятием США как экономически агрессивного и доминирующего государства, вероятно, помогли дискредитировать институты полиархии и веру в ее способность привести к социальной справедливости во многих частях мира.

Таблица 9.3

Полиархия, зависимость и независимость:
29 существующих полиархий

Полиархия или «почти-полиархия» введена до обретения независимости	Полиархия введена после обретения независимости, но во время открытого иностранного господства	Полиархия введена «автономно» после обретения независимости и не во время открытого иностранного господства
Австралия	Австрия	Бельгия
Исландия	Западная Германия	Великобритания
Индия	Италия	Дания
Канада	Япония	Израиль
Ливан		Коста-Рика
Новая Зеландия		Люксембург
Норвегия		Нидерланды
Тринидад и Тобаго		Уругвай
Филиппины		Франция
Ямайка		Чили
		Швеция
		Швейцария
Особые случаи		
Ирландия		
США		
Финляндия		

В-пятых, обстоятельства, позволившие ввести полиархию во время периода открытой зависимости (или сохраниться для последующего восстановления), были исторически необычными, и вряд ли можно ожидать их повторения в обозримом будущем. Почему это именно так, можно убедиться, рассмотрев схематический набор возможностей в табл. 9.4.

Таблица 9.4

Некоторые обстоятельства иностранного доминирования

В стране, являющейся объектом доминирования,		
предшествующий режим был	условия благоприятствуют	доминирующая страна старается ввести
1) полиархией	полиархии	гегемонию
2) полиархией	гегемонии	гегемонию
3) гегемонией	полиархии	полиархию
4) гегемонией	гегемонии	полиархию

Первая ситуация приблизительно соответствует Бельгии, Дании, Нидерландам, Норвегии и Франции при нацистском господстве. Важными аспектами этого господства были его относительно краткая продолжительность и ограниченный характер. Уцелела бóльшая часть политического руководства этих стран. Обратный эффект мощно проявился среди населения: широкие массы людей стали испытывать отвращение к нацизму, гегемония была правлением врага и причиной поражения, лишений, унижений и страданий.

Есть все основания полагать, что в стране, где некоторое время существовала полиархия и где для нее имеются благоприятные условия, после сравнительно краткого периода открытого господства она будет быстро восстановлена, но результат будет менее предсказуемым при длительном периоде доминирования, когда иностранная держава систематически уничтожает каждого, кто придерживается демократических убеждений.

Во второй ситуации из табл. 9.4 восстановление полиархии происходит с гораздо меньшей вероятностью. В этом случае иностранной державе легче не только навязать гегемонистский режим, но и в надлежащее время отказаться от явного господства, оставив после себя гегемонистского союзника. Становясь своей для страны, гегемония приспосабливается к националистическому духу. Хотя трудно найти хрестоматийный пример для этой ситуации, частичным примером может послужить Польша. В стране с очень краткими эпизодами «почти-полиархии» во время Французской революции и сразу после нее, в течение столетия покоренной и разделенной Россией и Пруссией, последний опыт Польши с полиархией завершился президентским абсолютизмом¹ еще до занятия страны германской и российской армиями. В отличие от ситуации в оккупированных странах Западной Европы, полиархия в Польше не ждет возрождения, ее просто нет, и условия для ее создания заново очень далеки от благоприятных.

Обращаясь к ситуациям, когда доминирующая держава старается ввести полиархию в стране с предшествующим гегемонистским режимом, третий случай в табл. 9.4 достаточно явно представляет меньше трудностей, чем четвертый. Даже если условия в Австрии, Германии, Италии и Японии сразу после окончания Второй мировой войны нельзя считать полностью благоприятными для полиархии, по сравнительным показателям каждая из этих стран была прекрасным кандидатом для полиархии, а потому ее восстановление в них не было трудной задачей. На самом деле сама легкость, с которой полиархия была повторно введена в этих странах, вероятно, привела американских политиков к упрощенным и излишне оптимистическим представлениям о перспективах введения полиархии в

¹ Этот термин принадлежит Гордону Скиллингу: *Skilling G. The Governments of Communist East Europe. N.Y.: Crowell, 1966. P. 28.*

других местах, и это заблуждение еще более усилилось кажущимися успехами американской помощи Греции и Турции, начавшейся с 1947 г.

Сравнивая показатели разных стран, можно прийти к выводу, что практически все государства, достигшие независимости после 1945 г., обладают очень неблагоприятными условиями для полиархии. Тем не менее в 1970 г. Ямайка, Тринидад, Индия, Филиппины и Ливан находились под управлением полиархических режимов, а Малайзия и Кипр — под управлением режимов, близких полиархическим или почти полиархическим. Хотя было бы безрассудством говорить об особой стабильности этих режимов, само их существование ставит вопрос об обстоятельствах, при которых иностранное вмешательство может способствовать развитию полиархии в стране со многими крайне неблагоприятными для этого типа режима условиями.

Ряд факторов помог развитию полиархии в этих странах. Во-первых, во всех указанных государствах значительная часть политических активистов была расположена к институтам полиархии. Например, в Индии в годы, предшествовавшие независимости, между лидерами и активистами существовало удивительное согласие, что Индия должна стать демократией в западном понимании этого слова. Как показала последняя глава, очень сложно объяснить, почему политические активисты в стране придерживаются своих убеждений в течение определенного исторического периода. Процесс приобретения убеждений политическими активистами настолько сложен, что внешняя держава, особенно если она сама является полиархией, может лишь с ограниченным успехом сформировать поддержку определенной идеологии; иностранная держава попадает в густую сеть исторических и культурных сил, которыми она практически не способна манипулировать.

Кроме того, в этих странах не применялось длительное и массовое принуждение покоренного населения

Полиархия: участие и оппозиция

иностранной державой, что позволило до некоторой степени избежать обратного эффекта. Полиархия не была дискредитирована из-за своей связи со зверствами ненавистной внешней силы. В этих странах стало возможно ввести зачаточные институты полиархии или «почти-полиархии» и позволить им действовать в течение достаточно долгого времени, чтобы политические активисты смогли приобрести навыки управлять этими институтами наряду с кровным интересом в их сохранении.

Эти обстоятельства были исторически необычными, и сегодня они отсутствуют в большинстве стран, где базовые условия не благоприятствуют полиархии. Конец формального колониализма означает, что сегодня вторжение внешней державы в формально независимую страну, весьма вероятно, обернется подъемом национализма и мощным обратным эффектом. Значительная часть политических активистов скорее всего выступит в пользу какого-то гегемонистского режима. Публичное соперничество, которое могло бы позволить смертельным врагам увеличить количество своих последователей, окажется в лучшем случае роскошью, а в худшем — откровенно пагубным. Даже если внешняя держава вмешается по просьбе местного правительства, ее пригласят именно потому, что это правительство не может без посторонней помощи уничтожить своих противников. Таким образом, внешняя сила превращается в инструмент массового принуждения...

Х. Теория: выводы и ограничения

Если рассуждения предыдущих глав верны, то вероятность того, что управление страной на национальном уровне будет в течение длительного времени осуществляться режимом, при котором возможности публичного соперничества доступны значительной доле населения (т.е. этим режимом будет полиархия), определяется как минимум семью комплексными условиями. Эти условия обобщены в табл. 10.1, где неизбежно опускаются все тонкости и детали аргументации.

Таблица 10.1

Условия, благоприятствующие полиархии

	Наиболее благоприятные	Наименее благоприятные
I. Исторические последовательности	Состязательность предшествует открытости режима	Открытость режима предшествует состязательности. Движение напрямик: от закрытой гегемонии к открытой полиархии
II. Социально-экономическое устройство		
А. Доступ:		
1) к средствам принуждения	Распределен или сбалансирован	Монополизирован
2) социально-экономическим санкциям	Распределен или сбалансирован	Монополизирован

	Наиболее благоприятные	Наименее благоприятные
Б. Тип экономики:		
1) аграрная	Свободные фермеры	Традиционное крестьянство
2) торгово-промышленная	Децентрализованное управление	Централизованное управление
III. Уровень социально-экономического развития	Высокий. ВВП на душу населения превышает 700–800 долл.	Низкий. ВВП на душу населения ниже 100–200 долл.
IV. Равенство и неравенство		
1. Объективное	Низкий уровень. Равноправие и распределенное неравенство	Высокий уровень. Совокупное и крайнее неравенство
2. Субъективное: относительная депривация	Низкий уровень или тенденция к ослаблению	Высокий уровень или тенденция к возрастанию
V. Субкультурный плюрализм		
1. Уровень	Низкий	Высокий
2. Явный или высочайший	Никто не составляет большинства Ни одна субкультура не является региональной Никто навсегда не лишен возможности попасть в правительство	Одно большинство Некоторые субкультуры являются региональными Некоторые постоянно находятся в оппозиции
	Взаимные гарантии	Отсутствие взаимных гарантий
VI. Доминирование иностранной державы	Слабое или временное	Сильное и продолжительное

Окончание табл. 10.1

	Наиболее благоприятные	Наименее благоприятные
VII. Убеждения политических активистов		
1. Институты полиархии легитимны	Да	Нет
2. Легитимна только единоличная власть	Нет	Да
3. Полиархия эффективна в решении важнейших проблем	Да	Нет
4. Доверие по отношению к другим	Высокий уровень	Низкий уровень
5. Политические отношения являются:		
строго конкурентными	Нет	Да
строго кооперативными	Нет	Да
кооперативно-конкурентными	Да	Нет
6. Компромисс необходим и желателен	Да	Нет

В принципе, было бы возможно — и это действительно произойдет, как только мы будем располагать большим объемом информации, — ранжировать различные страны мира по этим показателям. Для наглядности предположим, что страны были разделены на десятки. Если приблизительно в каждой пятой стране правящим режимом является полиархия, можно ожидать, что в 1960–1970-х гг. очень большая доля

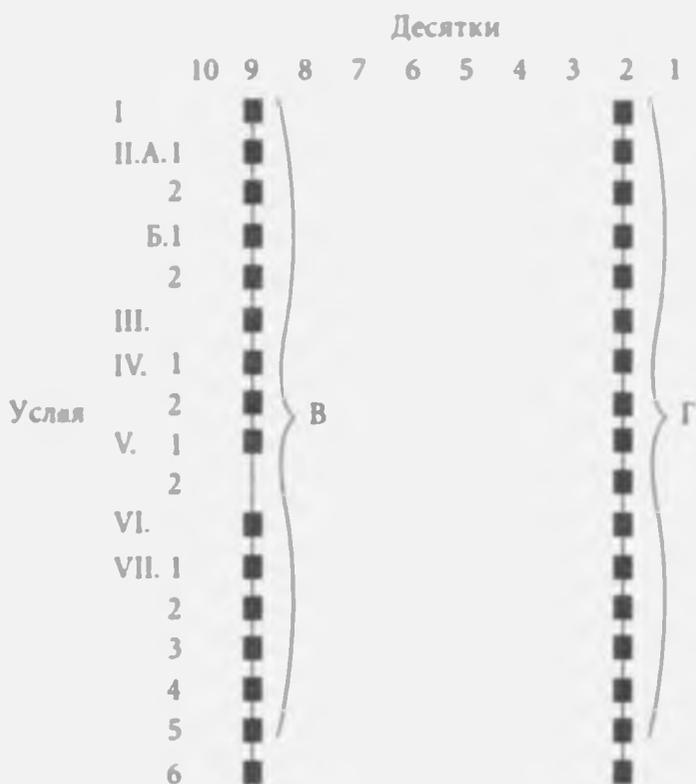

Рис. 10.2

Исходя из предшествующего анализа можно предположить, что мы получим определенное количество важных случаев отклонения от нормы, характеристики которых будут существенно отличаться от приведенных. Так, некоторые полиархии не попадут в первые десятки по всемерным: важнейшим исключением здесь будет, условно, Индия, которая, вероятно, попадет в нижние десятки по параметрам IV и VI и (из-за традиционного крестьянского общества, в котором живет около 80% индийцев) будет занимать довольно невысокое положение по показателю V. Приблизительно это показано на рис. 10.3. Кроме того, некоторые гегемонии будут иметь высокие показатели по одному или нескольким параметрам. Восточная Германия, например, будет иметь высокие показатели по параметрам IV и VI и, возможно, довольно высокие — по параметру V. Приблизительную картину можно наблюдать на рис. 10.4.

Полиархия: участие и оппозиция

Рис. 10.3

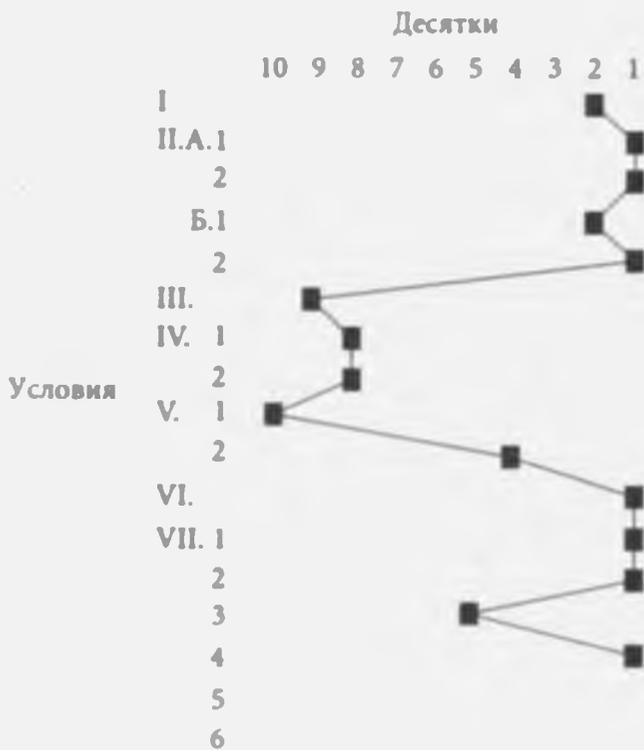

Рис. 10.4

Ситуацию в Дании можно проиллюстрировать с помощью рис. 10.5, и хотя прямой путь от традиционной гегемонии должен сопровождаться трудностями, все прочие факторы имеют высокую степень благоприятствования. В качестве последней иллюстрации приведем Аргентину (рис. 10.6).

Некоторые пояснения

У читателя может возникнуть вопрос: почему данные характеристики допускаются в качестве гипотетического или, точнее, образного обозначения фактов? Действительно, почему я не проверил теорию, на деле выполнив классификацию, которая позволила бы увидеть реальную картину для каждой страны или, по крайней мере, для достаточно большого числа стран, чтобы теория стала более или менее проверенной? Ответ напрямую указывает на одно из жестких ограничений теории: я не сделал этого, потому что уверен, что с теми данными, которыми я располагаю на настоящий момент, результат был бы обманчивым или необъективным. Разумеется, можно найти удовлетворительную информацию, касающуюся некоторых показателей, — особенно относительно уровня социально-экономического развития. Одна из причин такого внимания к взаимосвязи политического режима и уровня социально-экономического развития, без сомнения, кроется всего лишь в том, что нам доступна достаточно приемлемая (если отнюдь не полностью удовлетворительная) «жесткая» информация, на основании которой возможно конструирование признаков. Это прекрасный пример того, как наличие информации может смещать акценты в рамках теории. Например, сведения, касающиеся объективного и субъективного неравенства, крайне бедны, и, как я отметил в главе 8, доступна только очень фрагментарная сравнительная информация, касающаяся убеждений политических активистов в различных странах,

особенно с гегемонистскими режимами. Скудность информации может быть преодолена в ближайшие несколько лет в результате проводимых в настоящее время исследований. Между тем я думаю, что создание профилей большого количества стран придало бы ложную обоснованность теоретическому исследованию, которое в настоящее время неизбежно опирается на гораздо более скромные данные.

Нехватка данных накладывает другие серьезные ограничения на формулировку самой теории: я не пытался определить степень влияния различных объяснительных переменных. Очевидно, что это задача огромной теоретической (и практической) важности, и нельзя отрицать, что недостаток является угрожающим. Повторюсь, можно и совсем не сложно было бы надеть напыщенно-серьезную маску на недоуменное лицо теории. Например, рассматривать теорию как уравнение множественной регрессии. Но в отсутствие удовлетворительных данных, на основании которых возможно построение прогностических переменных, значение констант было бы фиктивным. Искушенный читатель понял бы, что мы так никуда и не продвинулись, а человек несведущий посчитал бы теорию более точной, чем она есть на самом деле.

XI. Заключение: некоторые последствия, касающиеся стратегий изменений

Предыдущая глава закрывает вопрос, поставленный в конце первой главы, — настолько, насколько я был способен сделать это. На этом фактически и заканчивается книга.

Однако, как мне представляется, основная идея данной книги позволяет сделать выводы относительно стратегий изменений. Хотя проблема трансформации гегемонистского режима в полиархию сама по себе является предметом исследования, было бы полезно сделать несколько максимально общих выводов из основного тезиса, которые имели бы более непосредственное отношение к действию.

Размышляя о разнообразных условиях, являющихся причиной различий в политических режимах, мы неизбежно приходим к заключению, что страна, у которой отсутствует или имеется незначительный опыт, касающийся институтов публичного оспаривания или политической состязательности, а также отсутствуют традиции терпимого отношения к оппозиции, в ближайшие годы вряд ли станет стабильной полиархией. Верно и то, что страны, имеющие длительный исторический опыт толерантности, конкурентной политики и широкого доступа к ней населения, редко становятся гегемониями.

Следовательно, предположение о возможности каких-то серьезных изменений в ряде полиархий при жизни одного-двух поколений будет нереальным. Некоторые гегемонистские режимы могут трансформироваться в смешанные, некоторые почти гегемонистские

смешанные режимы могут стать «почти-полиархиями», а ряд «почти-полиархий» — полиархиями. Также не вызывает сомнений, что будет наблюдаться и обратное движение, но за вычетом громадных завоеваний империалистических гегемоний количество полиархий вряд ли сократится. Как и в отношении многих других вещей, можно быть уверенным, что спустя поколение политический режим в стране будет отличаться от того, что мы имеем на сегодняшний день, не на много.

Вероятно, это трезвый взгляд на проблему политических режимов, хотя некоторые читатели могут посчитать его излишне пессимистичным. Безусловно, он сильно отличается от безграничного оптимизма многих демократических теорий, особенно в Америке. Тем не менее важно напомнить, что «эпоха демократической революции», как Палмер назвал последнюю треть XVIII столетия, не произвела ни одной устойчивой «демократии» — или, используя терминологию данной книги, полиархии — за исключением США. Да и в отношении США не будет большим преувеличением утверждение, что так называемая американская революция только легитимировала или в некоторых случаях несколько ускорила процессы демократизации, которые уже имели место в колониях, — процессы, которые никоим образом не были завершены с концом борьбы за независимость. Я не утверждаю, что революционные движения не имели далеко идущих последствий или эти последствия были несущественными или нежелательными. В долгосрочной перспективе революционные движения XVIII столетия способствовали созданию ряда условий полиархии, в частности, в отношении убеждений и ослабления различных форм неравенства. Но они полностью провалились в реализации основной цели, которая состояла в достижении устойчивых представительных республик, основанных на всеобщем избирательном праве, т.е. в достижении полиархий. Революции, прокатившиеся по Европе в мае 1848 г., также имели дале-

ко идущие последствия, но и им не удалось возвести устойчивые режимы полиархии.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИНОСТРАННОГО СОДЕЙСТВИЯ

Отсюда следует, что лица, определяющие политические стратегии в стране наподобие США, желающие сменить политический режим другой страны с гегемонии или смешанного режима на полиархию, столкнутся с огромными и сложными проблемами, не последней из которых будет наше незнание длинной цепи причин, простирающихся от внешней помощи до внутренних условий смены режима.

Наиболее обнадеживающая ситуация сложится в стране, где комплекс семи условий, описанный ранее, образует весьма благоприятный профиль (например, страна типа В на рис. 10.2), но по каким-то причинам в ней будет существовать навязанная непопулярная диктатура. Несмотря на иллюзии некоторых американских политиков и публицистов, страны такого типа являются статистической редкостью. Наименее обнадеживающая ситуация сложится в стране, где комплекс семи условий создал, несомненно, неблагоприятные характеристики. Это, безусловно, касается большинства стран, отчаянно нуждающихся в экономической поддержке.

Несмотря на то что наиболее благоприятная ситуация встречается крайне редко, а наименее благоприятная широко распространена, нет никаких сомнений в том, что некоторые страны имеют смешанный профиль, в одних отношениях более благоприятный для полиархии, в других — менее. В качестве примера можно привести Аргентину, Кубу, Чехословакию, Грецию, Югославию, Испанию и Тайвань — страны, в корне различающиеся между собой по многим вопросам.

Следовательно, важно узнать, как политические деятели, скажем, в США могут способствовать

трансформации подобны стран в полиархии. Здесь возникают три основные стратегии: 1) захватить и оккупировать страну, принудительно сместить правительство, заменить политический режим полиархией и затем защищать новое правительство столько, сколько потребуется; 2) поддерживать демократическое, т.е. революционное движение в стране денежными средствами, оружием или другими ресурсами; 3) поддерживать существующее правительство деньгами, оружием или другими ресурсами, оказывая на него давление с требованием перемен.

На счету первой стратегии мало выдающихся успехов и много неудач. В империалистическом господстве и попечении в течение длительного периода она способствовала созданию полиархии в Индии, на Ямайке и в Пуэрто-Рико. Военное завоевание, за которым следовала оккупация и восстановление полиархии, способствовало созданию такого режима в Италии, Германии, Австрии и Японии. Сравним с этими успехами длинную череду неудач. Революционные правительства, учрежденные при помощи Франции на последних этапах Великой французской революции, потерпели крах. Хотя в последние десятилетия своей независимости многие бывшие колонии экспериментировали с полиархией, сегодня количество диктаторских режимов среди них значительно превышает количество полиархий. Более того, события, последовавшие за Второй мировой войной, превратили первую стратегию в исторический прецедент. Колониализм в своем классическом виде империалистического господства почти исчез, тогда как «неоколониализм» в форме экономического или политического вмешательства в жизнь формально независимых суверенных государств до настоящего времени не способствовал установлению полиархий. Попытки установления полиархии в результате прямого военного вмешательства вроде того, что последовало за поражением «оси диктатур» после Второй мировой войны, могут подтвердить свою историческую

ко идущие последствия, но и им не удалось возвести устойчивые режимы полиархии.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИНОСТРАННОГО СОДЕЙСТВИЯ

Отсюда следует, что лица, определяющие политические стратегии в стране наподобие США, желающие сменить политический режим другой страны с гегемонии или смешанного режима на полиархию, столкнутся с огромными и сложными проблемами, не последней из которых будет наше незнание длинной цепи причин, простирающихся от внешней помощи до внутренних условий смены режима.

Наиболее обнадеживающая ситуация сложится в стране, где комплекс семи условий, описанный ранее, образует весьма благоприятный профиль (например, страна типа В на рис. 10.2), но по каким-то причинам в ней будет существовать навязанная непопулярная диктатура. Несмотря на иллюзии некоторых американских политиков и публицистов, страны такого типа являются статистической редкостью. Наименее обнадеживающая ситуация сложится в стране, где комплекс семи условий создал, несомненно, неблагоприятные характеристики. Это, безусловно, касается большинства стран, отчаянно нуждающихся в экономической поддержке.

Несмотря на то что наиболее благоприятная ситуация встречается крайне редко, а наименее благоприятная широко распространена, нет никаких сомнений в том, что некоторые страны имеют смешанный профиль, в одних отношениях более благоприятный для полиархии, в других — менее. В качестве примера можно привести Аргентину, Кубу, Чехословакию, Грецию, Югославию, Испанию и Тайвань — страны, в корне различающиеся между собой по многим вопросам.

Следовательно, важно узнать, как политические деятели, скажем, в США могут способствовать

трансформации подобных стран в полиархии. Здесь возникают три основные стратегии: 1) захватить и оккупировать страну, принудительно сместить правительство, заменить политический режим полиархией и затем защищать новое правительство столько, сколько потребуется; 2) поддерживать демократическое, т.е. революционное, движение в стране денежными средствами, оружием или другими ресурсами; 3) поддерживать существующее правительство деньгами, оружием или другими ресурсами, оказывая на него давление с требованием перемен.

На счету первой стратегии мало выдающихся успехов и много неудач. В виде колониального господства и попечения в течение длительного периода она способствовала созданию полиархии в Индии, на Ямайке и в Пуэрто-Рико. Военное завоевание, за которым следовала оккупация и восстановление полиархии, способствовало созданию такого режима в Италии, Германии, Австрии и Японии. Сравним с этими успехами длинную череду неудач. Революционные правительства, учрежденные при помощи Франции на последних этапах Великой французской революции, потерпели крах. Хотя в первые десятилетия своей независимости многие бывшие колонии экспериментировали с полиархией, сегодня количество диктаторских режимов среди них значительно превышает количество полиархий. Более того, события, последовавшие за Второй мировой войной, превратили первую стратегию в исторический рудимент. Колониализм в своем классическом виде прямого господства почти исчез, тогда как «неоколониализм» в форме экономического или политического вмешательства в жизнь формально независимых суверенных государств до настоящего времени не способствовал установлению полиархий. Попытки установления полиархии в результате прямого военного вмешательства вроде того, что последовало за поражением «оси диктатур» после Второй мировой войны, могут подтвердить свою историческую

уникальность — и я искренне надеюсь, что так и будет. Трагедия Вьетнама показала, каким обманчивым является убеждение, что США способны по своей воле с помощью силы установить режим полиархии в другом государстве.

По множеству причин вторая стратегия также сталкивается с большим риском провала. Правительство одной страны, пытающееся участвовать в революционном политическом движении другого государства, с большой вероятностью будет неповоротливым, неэффективным, невежественным, политически невосприимчивым и против своей воли попадет в ловушку фракционных споров революционеров. В частности, почти невероятным выглядит предположение, что американское правительство могло бы компетентно управлять таким комплексом взаимоотношений, особенно после провала в Заливе Свиней. К тому же, взаимодействуя с революционерами, диктаторский режим имеет явное превосходство в ресурсах. Не будет преувеличением сказать, что если революционные силы внутри страны имеют общественную основу, необходимую для полиархии, то они не нуждаются в поддержке извне, если же такой базы нет, то никакая внешняя поддержка, за исключением полного военного вторжения и оккупации (возможно, даже эти методы будут неэффективны), не поможет им в построении полиархии. Кроме того, большая часть демократических движений уже не революционны, а революционные движения в наши дни редко являются демократическими. С другой стороны, в большинстве стран мира, условия которых крайне неблагоприятны для создания полиархии, революционеры, ниспровергающие гегемонистский режим, с высокой долей вероятности замещают его на другой, аналогичный. То, что новая гегемония может быть лучше или хуже прежней, имеет большое значение в оценке желательности революционных действий, но это ни имеет никакого отношения к успеху второй стратегии. В конечном счете только новые правительства, желаю-

щие расплатиться с иными политическими режимами ценой неприятельских взаимоотношений, сочтут эту стратегию пригодной. Даже правительства, возникающие в результате революции, пытаются отбросить эту стратегию, чтобы способствовать стабилизации их взаимоотношений с другими странами, независимо от политического режима. Не говоря уже о том, что правительства стабильных полиархий вряд ли будут так рисковать ради революционеров. Ни одна страна не пришла на помощь Венгрии в революционный 1954 г. или Чехии в 1968 г.

Третья стратегия имеет не больше шансов на успех, чем другие. Одно дело — помогать осажденной полиархии выжить — как было в Индии, Израиле или Чили. И совсем другое дело — помогать гегемонистскому или смешанному режиму, предполагая, что эта помощь может быть использована в качестве рычага для трансформации режима. Иностранцам не так-то просто привлечь диктаторов и олигархов к разрушению их собственного политического режима. В этом отношении, каким бы далеко идущим ни было воздействие на условия возникновения полиархии в различных странах, американскую программу иностранной поддержки как стратегию преобразования неполиархий в полиархии неминуемо ждет провал. Насколько я знаю, у нее нет ни единого шанса на успех.

Тогда предположим, что в некоей стране, правящим режимом в которой является полиархия, политические лидеры, активисты или граждане в целом желают способствовать распространению полиархии и в других странах. Что они могут сделать для этого? В частности, какая помощь экономического и технического характера должна быть оказана при взаимодействии с нуждающейся страной?

Важно провести различие, на каких основаниях может быть оказана экономическая и техническая помощь. На первом месте стоит важнейший случай, когда помощь оказывается исключительно на мораль-

ных и гуманистических основаниях. В дополнение к альтруистическим соображениям убедительным поводом в долгосрочной перспективе может послужить личная рациональная заинтересованность богатых в искоренении нищеты, разочарований и страданий бедных: аналогично любая богатая страна должна оказывать помощь менее обеспеченной стране, в которой помощь могла бы быть использована для уменьшения нищеты. Если помощь оказывалась на этих основаниях, природа, идеология и внешняя политика режима будут оставаться нерелевантными. И за исключением международных организаций, доказавших низкую эффективность в распределении и управлении средствами, остаются неясными основания, по которым помощь должна регулироваться скорее международными и многосторонними, а не национальными организациями.

Во-вторых, без сомнения, поводом также может послужить (в конечном счете это может быть особым случаем аргумента о моральных и гуманистических основаниях или личного интереса) содействие полиархии в долгосрочной перспективе в результате социально-экономического развития. Но по причинам, обсуждавшимся в предыдущих главах, уровень социально-экономического развития страны — это лишь одна из многих переменных, влияющих на шансы полиархии, и взаимоотношение одного и другого далеко не так просто, прямолинейно и понятно. Вследствие тонкой, неопределенной и долгосрочной природы этой взаимосвязи любой стране, которая еще не закрыта для полной полиархии, помощь по этим основаниям превращается в азартную игру с неясным исходом. Требование к гражданам самых богатых полиархий принять участие в этой игре было бы вполне разумным. Но вследствие значительной неопределенности, связанной с длинной цепью причин, которая должна привести от помощи к полиархии, фактически невозможно подтвердить, что помощь слаборазвитой

стране X с большей вероятностью приведет к полиархии, чем помощь слаборазвитой стране Y. Повторюсь: помощь должна предоставляться на основании потребности страны в ней и возможности использовать эту помощь без оглядки на природу или идеологию режима. Здесь не существует самоочевидной причины для передачи помощи скорее через национальные агентства, чем через международные организации.

В-третьих, сильнейшим моральным поводом может послужить ситуация, когда к гражданам богатой полиархии обращается с просьбой о помощи правительство нуждающейся страны, которая уже является полиархией или даже «почти-полиархией» и уже близка к достижению относительно высокого уровня либерализации и участия граждан в политике.

Наконец, возникает вопрос оказания экономической, технической или военной поддержки особым гегемонистским или смешанным режимам при условии, что она будет способствовать трансформации политического режима в полиархию или режим сходного типа. Надеюсь, что данная книга убедительно опровергает разумность подобной стратегии, поскольку процесс трансформации режима слишком сложен и труден для понимания, чтобы оправдывать его. За последние 20 лет провал американской программы иностранной помощи, которая должна была способствовать трансформациям подобного типа, дает дополнительные аргументы в поддержку подобного негативного вывода.

Но было бы неверно интерпретировать данный аргумент как неодобрение экономической или технической помощи. Напротив, надеюсь, что это именно та причина, по которой богатые страны должны жертвовать существенную часть своего растущего сказочного богатства на сокращение нищеты и страданий в более бедных странах. Оправданием подобных действий послужат мораль и сострадание, а также собственный рациональный интерес, но никак не надежда на то, что внешняя помощь может быть использована в качестве

рычага для достижения демократизации и либерализации гегемонистского режима.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Предположим далее, что мы смотрим на проблему с точки зрения того, кто живет в конкретной стране. Предположим, что гипотетический Новатор, живущий в стране, управляемой гегемонистским или смешанным режимом, желает помимо прочего снизить препятствия на пути эффективного участия в политике и политического сопротивления, т.е. желает приблизить страну к уровню полной полиархии, если не достичь ее в полной мере. Можем ли мы что-либо предложить нашему Новатору исходя из анализа, содержащегося в предшествующих главах?

Фактически нам нечего ему предложить относительно того, как приобрести власть, необходимую для политических инноваций в контексте специфической личной, национальной и исторической ситуации: идет ли речь о реформах или революции, работе внутри, около, за пределами или против существующего режима, приобретении и использовании власти в качестве члена правящего класса или тайного члена заговорщической оппозиции и т.д. Но за пределами этих важнейших тактических проблем приобретения власти, необходимой для реализации изменений, существуют вопросы стратегических целей и специфических способов использования однажды приобретенной власти для приближения определенной страны к уровню полиархии. Как обычно, тактика и стратегия не существуют отдельно; в принципе, стратегические цели должны управлять процессом выбора тактики, и при этом выбор тактики может иметь решающее значение в достижении целей.

Даже если тезис данной книги бесполезен в отношении тактики, думаю, что он может повлиять на стра-

тегию, которая пригодилась бы Новатору. Позвольте рассказать о ряде таких последствий.

Критическая оценка

Предположим, что Новатор просто начинает с переосмысления. Возможно, самый очевидный вывод, который он мог бы сделать из предшествующих глав, состоит в том, что в любой стране в определенный период времени возможности будут ограничены. В некоторых странах мудрый и даже мужественный гражданин мог бы просто в отчаянии опустить руки в ожидании следующего исторического поворота, пока не наступит более благоприятный момент для реализации его планов.

Полные энтузиазма демократы, без сомнения, скажут, что подобное утверждение чересчур пессимистично. Но я убежден, что больший вред шансам демократии был причинен в результате игнорирования трудностей при столкновении с ними лицом к лицу. Безусловно, политические события этого столетия полностью подтвердили старую точку зрения, согласно которой демократия на определенном историческом этапе, помещенная в рамки текущих условий жизни людей, не обязана непременно побеждать вопреки всем трудностям.

Но ни один тезис, выдвинутый на предшествующих страницах, не подтверждает ни глупый пессимизм, ни, безусловно, предвзятость, столь распространенную среди американцев, которые утверждают, что представительная демократия требует уникального соединения исключительно редких условий и лишь немногим (например, самим американцам) повезло настолько, что они обладают этими условиями. Выделяется же в общемировой перспективе многообразие обстоятельств, в рамках которых полиархии, если позволите снова вернуться к данному термину, действуют сегодня.

Итак, согласно точке зрения, представленной в данной книге и подкрепляемой до некоторой степени доступными мне свидетельствами, границы, в рамках ко-

торых оппоненты правительства имеют возможность оспаривать политику этого правительства, непредсказуемы, но не случайны. И если шансы оппозиции в основном определяются факторами, превышающими их непосредственный контроль, степень свободы оппозиции иногда может изменяться в результате спланированного человеческого выбора.

В предыдущих главах подчеркивалось значение семи факторов, вариации которых приводят к возникновению либо полиархии, либо гегемонии. Повторюсь, если Новатор живет в стране, где все семь элементов способствуют политической состоятельности, шансы полиархии, безусловно, очень высоки, а возможно, и абсолютны. Если же он живет в стране, где все семь элементов благоприятствуют гегемонии, то шансы конкурентного режима, и в частности, открытой полиархии, естественно, крайне малы, тогда как шансы гегемонистского режима высоки.

Выбирая тактику и стратегические цели, Новатор должен, конечно, учитывать профиль своей страны и вытекающие отсюда ограничения и возможности. В стране с очень благоприятным набором профилей и значительным опытом конкурентной политики в условиях смешанного режима было бы разумно работать над изменениями, которые бы привели к полной полиархии. В стране с крайне неблагоприятным профилем немедленное введение полной полиархии объективно было бы утопией. Так, даже если бы существующий гегемонистский режим был свергнут или пришел в упадок, предоставив группе новаторов возможность принять конституцию, предписывающую наличие институтов полиархии, подобная конституция вряд ли была бы эффективной, а установленные ею институты были пустыми или недолговечными. И все же даже в такой гнетущей для демократа ситуации Новатор мог бы реализовать определенные изменения, которые привели к большему участию и оспариванию политики и таким образом спустя достаточно длительный период времени увеличили бы шансы полиархии.

Взаимные гарантии

Мы не можем ожидать от оппонентов терпимого отношения друг к другу, если одна из сторон конфликта убеждена, что терпимое отношение к оппоненту уничтожит ее саму или приведет к серьезным неприятностям. Терпимость с большей вероятностью распространяется и существует только в группах, которые вряд ли способны причинить существенный вред другой. Таким образом, издержки терпимого отношения могут быть снижены в результате эффективных взаимных гарантий, направленных против уничтожения, крайнего насилия или причинения жесткого вреда. Следовательно, стратегия либерализации требует поиска подобных гарантий.

Необходимо сосредоточить внимание скорее на поиске, чем на специфике, поскольку проблемы каждой страны настолько различны, что было бы глупо предлагать их общее решение. Первый шаг в сторону либерализации в условиях крайне гегемонистского режима неизбежно должен отличаться от следующих шагов в условиях квазигегемонии. В полной гегемонии первым шагом будет ни больше ни меньше как осознание того, что в конфликте правящих групп проигравший не будет наказан смертью или тюремным заключением, ссылкой или полной нищетой. В этом отношении изменения, произошедшие в СССР от сталинской гегемонии к постсталинской системе, были важнейшим шагом в сторону либерализации.

Как мы уже убедились, природа и очевидность гарантий для потенциальных антагонистов в полиархиях существенно различаются. В крайне гегемонистских странах очевидные меры менее важны, чем в странах с глубоким субкультурным расколом, где для обеспечения необходимой безопасности этим субкультурам могут потребоваться конституционные и институциональные структуры. Более того, расколы и общественные институты, управляющие ими, редко явля-

ются статичными: в Индии государственные границы менялись с 1956 г. для приведения их в соответствие с основными языковыми границами; в Нидерландах *verzuiling* — сегментация — вовсе не была неизменным фактом, и с тех пор как она была впервые выделена исследователями, степень ее плавно снижалась. То, что сохраняется в Нидерландах или совершенно иной политической системе Швейцарии, то, что составляет краеугольный камень развивающейся системы региональных (государственных) правительств в Индии, то, что развивают валлоны и фламандцы в Бельгии, то, чего все больше и больше требует франкоговорящая часть Канады, — это и есть система взаимных гарантий, которая обеспечивает безопасность основных субкультур.

В стране с субкультурным расколом и гегемонистским режимом Новатор, пытающийся проводить либерализацию системы, также сталкивается с проблемой взаимных гарантий. В 1968 г. в своем стремлении к либерализации лидеры однопартийного гегемонистского режима в Чехословакии до вторжения и оккупации Советским Союзом одобрили идею федеративной системы, которая позволила бы двум территориальным и языковым группам — чешской и словацкой — иметь свою собственную территорию в рамках государства. Более того, новый вариант конституции правящей коммунистической партии подходил к проблеме субкультурного плюрализма не только посредством реорганизации партии по федеральной линии, но также с помощью взаимного вето на определенные решения, принимаемые центральным комитетом. Хотя решения центрального комитета должны были приниматься большинством голосов, решения, касающиеся «жизни, суверенитета или высших национальных или территориальных интересов», требовали одобрения по крайней мере половины представителей каждой субкультуры в центральном комитете, причем каждая группа голосовала отдельно. Поскольку словаки со-

ставляли только 18% членов партии, оппозиция, составлявшая немногим более 9% среди членов партии, в принципе, могла блокировать решения подобного типа¹. Таким образом, чехи и словаки, по-видимому, двигались в направлении «консолидированного» решения проблемы защиты субкультурного меньшинства в политической системе, которая пыталась стать менее гегемонистской и более восприимчивой к давлению со стороны общества.

Как в полиархиях, чем ближе страна подходит к системе взаимных запретов, тем выше риск *статичности*. Этот риск — цена, которую страна с потенциально враждебными субкультурами платит за терпимое отношение к политическому выражению этого раскола. Очевидно, что во многих странах те, кто выступает за или против либерализации, не готовы платить такую цену. Однако в длительной перспективе она может быть гораздо ниже, чем кажется на первый взгляд. Так, опыт ряда «консоциативных» стран показывает, что система взаимных гарантий может постепенно ослаблять страхи и враждебность субгрупп, способствовать созданию более обширной и глубокой поддержки институтов политического участия и публичного оспаривания, укреплять чувство государственности и — со временем — перенаправлять политическую активность, задействованную в субкультурном конфликте, на другие проблемы общества.

Исполнительная власть

Когда препятствия к публичному оспариванию и участию в политике снижаются, возникают интересы и требования, которые правительство прежде игнорировало. Для эффективного осуществления публичного оспаривания и участия в политике необходимо увеличение полномочий политических

¹ См.: Le monde. Sélection Hebdomadaire. 1968. August. No. 8-14. P. 1, 4.

институтов, отвечающих на эти интересы и требования. Но для снижения вероятности застоя исполнительная власть должна аккумулировать значительную долю своих ресурсов на быстрые и решительные действия, особенно в непредвиденных ситуациях. Так, исполнительная власть должна обладать полномочиями, которые в практическом смысле не позволят временному большинству в парламенте блокировать ее работу и при этом не будут выходить за рамки сферы влияния основных стабильных коалиций, созданы они меньшинствами или большинствами.

Эта рекомендация, неизбежно неопределенная, направляет внимание Новатора на одну из вечных проблем создателей конституции, пытающихся выстроить конкурентную политическую систему. Приведенная выше формулировка является крайне общим утверждением проблемы и ее решения, или скорее направлением поиска этого решения. Самый распространенный особый случай этой проблемы в представительных правительствах — это, конечно, классический вопрос отношений между законодательной и исполнительной ветвями власти. Пользуясь теорией представительной демократии, которая придает особое значение исключительной законности выборного собрания как представительного органа, выражающего волю граждан, создатели конституций XIX столетия отказались сделать исполнительную ветвь независимым источником властных полномочий. Однако в XX в. большинство полиархий отбросило как неработоспособную модель ассамблейного правительства со слабой, подчиненной исполнительной властью. На практике правительства в полиархиях и особенно исполнительная власть вооружены огромными полномочиями для сильных, решительных действий. Сегодня слишком очевидно, что любая попытка воссоздания ассамблейного правительства с большой вероятностью приведет к бед-

ствиям и со временем — к требованиям скорейшего установления гегемонистского контроля.

В общих чертах в полиархиях происходило движение от подчиненной исполнительной власти к тому, что де-факто, если не де-юре, является независимой ветвью власти. Проблема, стоящая перед нашим Новатором, прямо противоположна. Слишком независимые политические лидеры должны быть обязаны своей властью политическим институтам, отвечающим за многообразие интересов и требований. Старый и часто повторяющийся урок гегемонистских режимов состоит в том, что слишком большая независимость оборачивается деспотией. Урок полиархий говорит, что слишком маленькая независимость может привести к таким неэффективным правительствам, что эта ситуация стимулирует поддержку гегемонистских норм.

Стратегическую цель вряд ли можно ли сформулировать точнее, чем в этих кратких ремарках. Страны настолько различаются между собой, что более детализированная стратегия, очевидно, должна быть сформулирована в соответствии с ситуацией в конкретной стране².

Предупреждение дробления

Поскольку издержки терпимого отношения растут вследствие чрезмерного дробления на конкурирующие политические партии, стратегия либерализации требует поиска такой партийной системы, которая избегает чрезмерного умножения партий.

² Попытка сделать это в Аргентине содержится в статье «Del gobierno revolucionario al orden constitucional» (Criterio. 1958. No. 61. Buenos Aires. June 13. P. 371-375). Хотя я не видел статью с рекомендуемыми стратегиями, когда первый раз писал эту главу, достаточные сходства убеждают меня в том, что рекомендованные здесь стратегии важны, по крайней мере для некоторых стран.

Новатору необходимо крайне внимательно продумать возможные типы расколов, которые могли бы возникнуть в условиях многообразных видов и уровней либерализации. В стране с высокой степенью гомогенности можно всерьез размышлять об особых институциональных и структурных изменениях, которые могли бы в конечном счете привести к созданию политической системы, приблизительно соответствующей модели классической двухпартийной парламентской системы, — некая идеализированная версия британской системы. Но, по всей вероятности, страна, в которой проживает Новатор, недостаточно гомогенна, чтобы двухпартийная парламентская модель смогла в ней работать. Поскольку высокий уровень гомогенности — это, как мы видели, крайне редкий феномен, а культурный раскол — явление типичное, то скорее всего страна Новатора содержит несколько совершенно отличных и потенциально антагонистических субкультур — региональных, языковых, религиозных, расовых, этнических. И везде, где возникают обширные субкультурные расколы, классическая двухпартийная парламентская модель просто недостижима: доказательством тому служат Канада, Южная Африка, Индия, Бельгия, Нидерланды, Швейцария и Ливан.

Следовательно, существует вероятность того, что наш гражданин будет держать в поле зрения различные модели. Прискорбный и при этом крайне злоеущий факт: и модель ассамблейного правительства, и классическая двухпартийная парламентская модель считались идеальными формами представительной демократии, любые отклонения от которых трактовались как изъяны. При этом как модель ассамблеи признана непригодной практически всеми полиархиями в XX столетии, так и классическая двухпартийная парламентская модель не может быть успешно принята в странах, где существует субкультурный раскол, т.е. в большинстве стран. Тем не менее авторитет этих мо-

делей высок, а альтернативные системы, которые были разработаны для разрешения проблемы жесткого субкультурного раскола, плохо изучены: о них с пренебрежением отзываются в исследованиях по представительной демократии, их считают второсортной заменой. Но для большинства стран движение в сторону либерализации и, конечно, в сторону повышения уровня либерализации, существующего в полиархии, невозможно без использования одной из этих второсортных моделей, которые в ряде стран заложили основы исключительного уровня терпимости несходных и часто конфликтующих субкультур.

Способ эволюционирования партийных систем в теории и практике представительной демократии способствует тому, что часто они мыслятся как «естественные» институты, ставшие спонтанным и точным отражением «естественного» раскола в обществе. Согласно этой точке зрения целенаправленные попытки установления связи между природой и количеством партий в полиархии и контролем над ними либо обречены на провал, либо должны нарушать демократические правила игры. Ни одно из этих допущений не кажется мне верным. В первом вызывают большие сомнения отношения между различными механизмами выборов и тщательно исследованными партийными системами. Точная природа этой взаимосвязи все еще является предметом споров, но наиболее систематический анализ среди прочих высказываний утверждает следующие.

1. Все избирательные системы предоставляют более крупным партиям большую долю мест в законодательных органах власти, чем доля полученных ими голосов. Соответственно меньшим партиям достается меньшая доля мест, чем доля полученных голосов.

2. Уровень несоответствия является функцией выборной формулы и размера избирательного округа.

3. Максимальное расхождение вытекает из выборов в одномандатных округах, а максимальная пропорциональность — из пропорционального представитель-

ства с большим числом мест в каждом округе, распределяемых по формуле «наибольшего остатка»³.

Следовательно, партийная система не является естественным, спонтанным или неизбежным отражением раскола общества. В некоторой степени она зависит от избирательных механизмов, которые могут умышленно регулироваться в целях увеличения или уменьшения дробления. Манипулирование избирательной процедурой, безусловно, было дискредитировано, поскольку правительства иногда пользовались этим методом с выгодой для своей партии или коалиции за счет оппозиции. Но поскольку избирательные процедуры являются одним из немногих аспектов политической системы, подверженным более-менее обдуманному изменению, отказ от этой возможности общественного конструирования представляется мне подобным отказу медика пользоваться антибиотиками из-за того, что ими часто злоупотребляют⁴.

Если оставить в стороне чисто партийные манипуляции, трудно понять, почему целенаправленные попытки снижения возможной фрагментации при помощи избирательных процедур, по сути, являются «недемократичными» или нежелательными для гегемонистского режима, вставшего на путь либерализации. На протяжении целого столетия споров никому не удалось удовлетворительно показать, является ли пропорциональное представительство более «демократичным», чем выборы относительным большинством голосов в одномандатном округе. Трудность доказательства этого, очевидно, кроется в том, что для всех демократических схем достижения большинства голосов требуются сложнейшие формальные или не-

³ Rae D. *The Political Consequences of Electoral Laws*. New Haven: Yale University Press, 1967. P. 134–140.

⁴ С этим вопросом я познакомился у Giovanni Sartori (*European Political Parties: The Case of Polarized Pluralism* // LaPalombara J., Weiner M. (eds) *Political Parties and Political Development*. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 165–166).

формальные процессы. Они нужны для планирования альтернатив, сбора предпочтений и, таким образом, конечного достижения решения относительно двух альтернатив, остающихся у тех, кто руководит политикой. Институты планирования и сбора предпочтений значительно варьируются в полиархиях. Во всякой отдельной стране двухпартийная система с партиями, обладающими высокой степенью однородности, потребовала бы большего агрегирования и примирения различных интересов и предпочтений в рамках каждой партии, чем в случае двухпартийной системы с неоднородными партиями и непостоянными законодательными коалициями. Возможно, двухпартийная система с неоднородными партиями потребовала бы большего агрегирования в рамках каждой партии, чем многопартийная система, где высокий уровень сплоченности имел бы место в законодательных и министерских коалициях. В конечном счете, если в стране есть три-четыре крупные партии, каждая из них будет обеспечивать более высокую степень агрегирования и — в законодательных и министерских коалициях — меньшую, чем в случае, если бы в стране было пять-шесть значительных партий. Трудно понять, почему одна из этих систем будет более «демократичной», чем другая, если только она не гарантирует более равный учет индивидуальных предпочтений в окончательном выборе (в том числе предпочтений в достаточном, но не необходимом наиболее благоприятном исходе). А это доказано не было.

В любом случае для решения проблемы либерализации гегемонистского режима, в сущности, не важно, является ли та или иная электоральная и партийная система более демократичной. Было бы нелепо настаивать на стратегии либерализации, требующей избирательных механизмов и партийной системы, которые считаются в полной мере демократическими, если это неизбежно приведет к высокому уровню политического дробления, скорому крушению иллюзий относительно игры партийной политики и возрождению

идеи ужесточения гегемонистского контроля в целях устранения политической фрагментации.

Гегемонистскому режиму, делающему первый шаг в направлении многопартийной системы, желательно напрямую регулировать количество партий, усложняя процесс формирования более чем двух партий (а в крайнем случае делая этот процесс невозможным) — партии правительства и партии оппозиции.

Какое количество партий было бы оптимальным в конкретной стране для выражения и агрегирования предпочтений: две, три, четыре или больше — нельзя ответить даже приблизительно, не изучив системы расколов в данной конкретной стране. Таким образом, стратегия либерализации могла бы установить препятствия на пути образования партий, а также стимулировать состоятельность, которая бы действительно ограничивала количество партий двумя, тремя, четырьмя, а возможно, и большим числом. Однако важно отметить, что разумная стратегия либерализации предполагает, что количество партий может и должно регулироваться. В принципе, при условии существования как минимум двух партий процесс регулирования количества партий становится независимым от регламентации инакомыслия, критики и оппозиции на выборах и в законодательной деятельности. Правительство может предоставить полную свободу выражения несогласия, критики и оппозиции на выборах и в законодательной деятельности и при этом ограничить количество конкурирующих партий двумя, каждая из которых была бы наделена равными возможностями для того, чтобы отстаивать свои убеждения, выдвигать кандидатов, бороться за голоса избирателей и побеждать на выборах.

Местные власти

Поскольку до некоторой степени автономные представительные институты более низких уровней,

нежели национальный, могут обеспечить оппозиции доступ к политическим ресурсам, способствовать возникновению пересекающихся расколов, облегчить процесс обучения искусству разрешения конфликтов и управлению представительными правительствами, стратегия терпимости требует поиска способов развития субнациональных представительных органов власти.

В гегемонистском режиме — в частности, возможно, в сплоченной гегемонии — было бы разумно активнее двигаться в сторону либерализации на более низком уровне, прежде чем внедрять эти процессы на более высоких уровнях, в частности национальном. Например, предоставление оппозиции возможности расширить участие в муниципальных выборах помогает наладить диалог между ею и правительством. Небольшие представительные единицы дают опыт решения конкретных, понятных проблем, к которым неприменимы абстрактные идеологические решения. Перед лицом этих проблем группы, антагонистичные в национальной политической жизни, могут объединиться. Более того, расширение прав и привилегий оппозиции на более низких уровнях, вероятно, будет менее опасным для национального руководства, поскольку оно может рассматриваться как своего рода опыт. Если этот опыт «не удастся», дальнейшие шаги могут быть приостановлены.

Возможно, самый показательный пример субнациональных представительных правительств дает Югославия, где значительная независимость была предоставлена не только местным властям, но и — более известный случай — рабочему контролю. И в то время как организованная политическая оппозиция остается скорее ограниченной на предприятиях и в муниципалитетах, эти объединения действительно формируют огромный многообразный опыт участия в представительных институтах, дискуссиях, дебатах,

Полиархия: участие и оппозиция

примирениях, компромиссах, конкретном анализе, ответственности. В Мексике возможный переход от крайне плюралистической гегемонии может быть постепенным и не слишком болезненным, если оппозиция будет одерживать все большее число побед на местном уровне и трезво возьмется за дело управления с неизменной ответственностью.

Если не брать в расчет тех, кто не считает, что опыт полиархий может быть полезен для либерализации гегемоний, остальных не сильно удивит утверждение, которое уже очевидно внимательному читателю: основные предложенные мной элементы стратегии либерализации, а именно взаимная безопасность конфликтующих групп, сильная и решительная исполнительная власть, зависящая от институтов и реагирующая на множество различных интересов и запросов общества, интегрированная, а не фрагментарная партийная система, а также представительная власть на субнациональном уровне, составляют знакомые черты наиболее стабильных представительных демократий.

Приложение А

КЛАССИФИКАЦИЯ 114 СТРАН В СООТВЕТСТВИИ С ПРАВОМ ГРАЖДАН ПРИНИМАТЬ УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ И СТЕПЕНЬЮ ВОЗМОЖНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ОППОЗИЦИИ

В табл. А-1 представлена классификация 114 стран по такому критерию, как возможность совершеннолетних граждан голосовать на выборах. Ранжирование производится согласно возможностям политической оппозиции состязаться за поддержку граждан и государственные должности.

Эти два «измерения» примерно соответствуют двум аспектам полиархии, описанным в первой главе. Классификация 114 стран в соответствии с правом граждан принимать участие в выборах была предложена Ричардом Норлингом в 1969 г., однако она не отражала изменений, имевших место с конца 1968 г. Классификация стран согласно уровню возможностей для публичного оспаривания была разработана Мэри Фрейз Уильямс и Ричардом Норлингом. Было бы полезным описать использованную ими методику.

Переменные

Подобная инициатива исходит из предположения, что в основу классификации может быть положен гипотетический континуум, простирающийся от самых широких до самых ограниченных возможностей для оппозиционных выступлений, как описано в главе 1, и что различные страны могут занять свое положение в этом континууме.

Это допущение проиллюстрировано на примере вымышленных стран на рис. А-1. Соответственно изначальная проблема состоит в том, чтобы убедиться в разумности предположения, согласно которому такой континуум действительно существует, а имеющаяся в распоряжении информация действительно позволяет нам выстроить вдоль

Полиархия: участие и оппозиция

него страны. Фактически для анализа шкалограммы такого типа, который использовался при создании табл. А-1, необходимо, чтобы одновременно выполнялись оба условия.

Таблица А-1

114 стран, ранжированных в соответствии с возможностью граждан принимать участие в национальных выборах и выступать в качестве оппонента правительству, по состоянию на 1969 г.

Возможности политической оппозиции: типы градации	Выборы не проводятся	Доля совершеннолетних граждан, имеющих право голоса, %			Невыясненные, неопределенные или промежуточные ^a	N
		менее 20	20-90	свыше 90		
Максимальные возможности	1		Швейцария	Бельгия Дания Финляндия Люксембург Нидерланды Норвегия Швеция		8
	3 ^b		Чили	Исландия		4
	4		США	Израиль	Кипр	5
				Ирландия	Доминиканская Республика	
	5			Австралия Австрия Канада ФРГ Япония Новая Зеландия Филиппины		8
	6			Уругвай Франция	Турция	3

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Продолжение табл. А-1

Возможности политической оппозиции: типы градации	Выборы не проводятся	Доля совершеннолетних граждан, имеющих право голоса, %			Невыясненные, неопределенные или промежуточные ^а	N
		менее 20	20-90	свыше 90		
7				Ливан Индия Ямайка Тринидад и Тобаго		3
8				Коста-Рика	Малайзия	2
9			Эквадор	Колумбия	Гватемала	5
10				Венесуэла	Гондурас	
11				(Боливия) ^а (Франция) ^а	Уганда	1
12					(Ливия) ^а	1
13					Марокко	1
14		Южно-Африканская Республика			Цейлон Мадагаскар Мексика	4 1
15				Сальвадор		1
16				Никарагуа		
17					(Сомалийская Демократическая Республика) ^а	1
18				Мавритания		1
19				Руанда		2
20	Перу		Бразилия Иордания	Парагвай	Иран Южная Корея Лаос Пакистан	7
22 ^а	Аргентина Бирма			Либерия	Кот-д'Ивуар	4

Продолжение табл. А-1

Возможности политической оппозиции: типы градации	Выборы не проводятся	Доля совершеннолетних граждан, имеющих право голоса, %			Невыясненные, неопределенные или промежуточные ^а	N
		менее 20	20-90	свыше 90		
23	Индонезия			Алжир Тунис		3
24				Бурунди Камерун Чад Габон		4
25	Дагомей		Судан	Конго-Браззавиль Мали Нигер Танзания	Афганистан	7
26	Центральноафриканская Республика Гана Греция Непал Панама Сьерра-Леоне Тайвань Таиланд Объединенная Арабская Республика		Южный Вьетнам	Эфиопия Гвинея Гаити Польша	Камбоджа	15
27	Сирия			Сенегал СССР Испания Югославия	Португалия	6

Возможности политической оппозиции: типы градации	Выборы не проводятся	Доля совершеннолетних граждан, имеющих право голоса, %			Невыясненные, неопределенные или промежуточные ^а	N
		менее 20	20-90	свыше 90		
28	Верхняя Вольта			Чехословакия		3
29				Венгрия	Китай	8
				Албания	Северная Корея	
				Болгария		
				ГДР		
				Монголия		
				Румыния		
				Северный Вьетнам		
30	Куба					4
Минимальные возможности	31	Нигерия				
		Саудовская Аравия				
		Того				
		Йемен				
Итого		21	1	8	61	23 (114)

^а Включая страны, где с 1960 г. конституционное правительство или выборы хотя бы раз были смещены или аннулированы, действие конституции приостановлено, объявлено осадное положение или имело место масштабное насилие по отношению к гражданам.

^б Не обнаружено ни одной страны, соответствующей шкале деления 2 и 21.

^в В странах, заключенных в круглые скобки, после проведения классификации произошел государственный переворот, завершившийся по военным правилам.

^г Относительно Франции см. основной текст.

Рис. А-1. Гипотетический континуум возможностей оппозиции

Во-первых, нужно определить переменные, которые выполняли бы данные условия, т.е. служили действительными индикаторами лежащего в основе классификации континуума — в данном случае «уровня возможностей для публичного оспаривания» или политической оппозиции. Также мы должны иметь в распоряжении соответствующую информацию, касающуюся переменных.

В отношении данной классификации было принято решение использовать в качестве индикаторов семь необходимых условий, описанных в первой главе, определенные переменные из опроса, проведенного Артуром Бэнксом и Робертом Текстором. Целью опроса была классификация 115 стран по 57 параметрам в 1960–1962 гг.¹

<i>Необходимые условия</i>	<i>Индикаторами служат переменные</i>
1. Свобода создания и вступления в организации	Свобода формирования оппозиции [№ 30] ² . Выражение интересов ассоциированными группами [№ 33]
2. Свобода самовыражения	Свобода прессы [№ 13]
3. Право голоса	Представительный характер действующего политического режима [№ 28] ³ . Действующая избирательная система [№ 29]
4. Право политических лидеров соперничать за поддержку избирателей	Выражение интересов политическими партиями [№ 37]. Партийная система: количественный аспект [№ 41]. Свобода организованной оппозиции [№ 30]. Действующая избирательная система [№ 29]
5. Наличие альтернативных источников информации	Свобода организованной оппозиции. Свобода прессы. Представительный характер действующего политического режима. Партийная система: количественный аспект
6. Свободные и честные выборы	Свобода организованной оппозиции. Свобода прессы. Представительный характер действующего политического режима ³ . Партийная система: количественный аспект

¹ Banks A.S., Textor R.B. A Cross-Polity Survey. Cambridge: MIT Press, 1963.

² Цифра в квадратных скобках соответствует номеру переменной в работе Бэнкса и Текстора.

³ Позднее от этой характеристики отказались по причинам, описанным ниже.

7 Институты, вырабатывающие политику правительства, зависят от голосов избирателей и других способов выражения предпочтений граждан	Конституционный статус действующего политического режима [№ 26]. Агрегирование интересов законодательным собранием [№ 40]. Горизонтальное распределение власти [№ 48]. Действующий статус законодательной власти [№ 50]
---	--

Миссис Уильямс обнаружила, что эти 11 переменных позволяют построить удовлетворительную шкалу и расположить 102 страны по 27 уровням градации. Но поскольку данные для опроса собирались в 1960–1962 гг. и, очевидно, частично привели к неверной классификации относительно 1969 г., Ричард Норлинг, используя программу сбора политических данных Йельского университета и ряд стандартных источников⁴, попытался адаптировать информацию к современным реалиям. Также он обнаружил сведения для новой переменной — возможности участвовать в национальных выборах, которые были положены в основу четырехчастной классификации стран, показанной в табл. А-1. Затем было решено отбросить как избыточную одну из 11 переменных (№ 28 — представительный характер действующего политического режима). Таким образом, шкала возможностей для политической оппозиции в табл. А-1 основывается только на 10 из 11 приведенных выше переменных. Переменные показаны в табл. А-2 с указанием номера и процентного отношения стран в каждой категории.

Оценка

Поскольку не было никаких априорных или теоретических оснований для неравной оценки переменных или придания одной категории большего значения по сравнению с остальными, все переменные оценивались на равных. Так как базовой характеристикой, подлежащей исследованию,

⁴ *Smith T.E. Elections in Developing Countries. N.Y.: St. Martin's Press, 1960; Canada Yearbook, Statesman's Yearbook, The New York Times, Christian Science Monitor; Colwell C.K. Foreign Affairs Division, Legislative Reference Service, Library of Congress. «The Independent Nations of Africa: Leaders-Elections-Parties-Population-Electorates», August 8, 1968.*

Полиархия: участие и оппозиция

являются доступные оппозиции возможности, варианты в пределах каждой из 10 переменных располагались от наибольших возможностей к минимальным. Альтернативе, обеспечивающей самые большие возможности, соответствует значение 1, следующей — 2 и т.д.⁵ Общая сумма для каждой страны получалась в результате сложения значений отдельных критериев для данной страны.

Таблица А-2

Переменные, использованные в качестве индикаторов возможностей для оппозиции

%	N	Номер переменной ^а , ее описание и категории
<i>13. Степень свободы прессы</i>		
38	40	1. Полная (отсутствует цензура или контроль со стороны правительства за местной прессой или иностранными корреспондентами)
18	19	2. Нестабильная (редкая или избирательная цензура местной прессы или иностранных корреспондентов)
26	27	3. Внутри страны отсутствует (жесткая внутренняя цензура, нет ограничений на работу иностранных корреспондентов по сбору информации или избирательная исходящая цензура)
18	19	4. Отсутствует как внешняя, так и внутренняя свобода прессы (жесткая прямая или непрямая цензура или контроль, внутренний и иностранный)
100	105	
	2	7. Не поддается установлению
	7	9. Не установлено
<i>26. Конституционный статус действующего политического режима</i>		
48	53	1 Конституционный (политика правительства определяется исходя из общепризнанных конституционных норм)

^а По каждому вопросу количество стран кодировалось как не-установленное, неподдающееся установлению, неопределенное, неоднозначное и нерелевантное. Эти ответы и каждая страна, получившая такие ответы по более пяти переменным, были исключены из анализа.

%	N	Номер переменной*, ее описание и категории
34	37	2. Авторитарный (отсутствуют действенные конституционные ограничения или отмечается достаточно систематический регресс к внеконституционной власти, произвольное использование власти существенно ограничивается политическим сектором)
18	20	3. Тоталитарный (отсутствуют действенные конституционные ограничения, политический режим широко использует свою власть как в политической, так и социальной сферах)
100	110	<p>1 7. Не поддается установлению</p> <p>3 9. Не установлено</p> <p>29. Действующая избирательная система</p>
44	47	1. Конкурентная (запрет на партии отсутствует или распространяется только на экстремистские или внеконституционные партии)
4	4	2. Частично конкурентная (одна партия получает 85% или более мест в законодательном органе власти)
33	35	3. Неконкурентная (голосование по одному списку или отсутствие выборной оппозиции)
19	20	4. Выборы не проводятся (выборы обычно не проводятся или приостанавливаются правящим режимом)
100	106	<p>2 7. Не поддается установлению</p> <p>6 8. Сомнительно</p> <p>30. Степень свободы организованной оппозиции</p>
40	41	1. Независимые группы, свободные для вступления в политику и имеющие возможность выступать оппозицией правительству (за исключением экстремистских групп, на которые наложен запрет)
19	19	2. Независимые группы, свободные для вступления в политику, но ограниченные в возможности выступать оппозицией правительству (включая присоединение действующего или потенциального руководства оппозиции к правительству)

%	N	Номер переменной*, ее описание и категории
31	32	3. Независимые группы, существование которых допускается неофициально за пределами политической жизни
10	10	4. Независимые группы запрещены
100	102	
	10	7. Не поддается установлению
	2	8. Неоднозначно
		<i>33. Выражение интересов различными сообществами</i>
17	19	1. Значительное
12	13	2. Умеренное
26	29	3. Ограниченное
45	49	4. Можно пренебречь
100	110	
	1	7. Не поддается установлению
	3	8. Сомнительно
		<i>37. Выражение интересов политическими партиями</i>
17	17	1. Значительное
22	22	2. Умеренное
13	13	3. Ограниченное
48	47	4. Можно пренебречь
100	99	
	10	7. Не поддается установлению
	5	8. Сомнительно
		<i>40. Агрегирование интересов законодательным собранием</i>
12	12	1. Значительное
16	16	2. Умеренное
13	13	3. Ограниченное
59	59	4. Можно пренебречь
100	100	

%	N	Номер переменной*, ее описание и категории
	8	7 Не поддается установлению
	6	8. Сомнительно
		<i>41. Партийная система: количественный аспект</i>
25	25	1. Многопартийная (парламент, включающий коалиции или партии меньшинства, в случае парламентской системы обычно мандатный)
12	12	2. Двухпартийная или фактически двухпартийная (обоснованное ожидание партийной ротации)
6	6	3. Полупартийная (оппозиция существенна, но не способна одержать победу над большинством)
14	14	4. Одна господствующая партия (оппозиция численно неэффективна на национальном уровне, меньше участвует в правительстве, однако сохраняет партийную идентичность в избирательных целях)
35	35	5. Единственная партия (другие партии не существуют, находятся под запретом, не допущены к выборам или являются «спойлером» доминирующей партии в ходе избирательной деятельности, включая «Национальный фронт» и однопартийные избирательные системы)
10	10	6. Партии отсутствуют или все они находятся на нелегальном положении и недействительны
100	102	
	8	7 Не поддается установлению
	4	8. Сомнительно
		<i>48. Горизонтальное распределение власти</i>
29	32	1. Значительное (эффективное распределение власти среди функционально независимых органов законодательной, исполнительной и судебной власти)
20	23	2. Ограниченное (одна из ветвей власти не обладает подлинной функциональной независимостью или две ветви власти наделены ограниченной функциональной независимостью)
51	57	3. Незначительное (абсолютное господство в парламенте одной из ветвей власти или внеправительственной организации)
100	112	

%	N	Номер переменной*, ее описание и категории
	1	7. Не поддается установлению
	1	9. Не установлено <i>50. Действующий статус законодательной власти</i>
26	28	1. Полностью эффективна (осуществляет стандартные законодательные функции как достаточно «равная» ветвь национального правительства)
15	16	2. Частично эффективна (тенденция к доминированию исполнительной власти либо частичное ограничение законодательной власти в эффективном осуществлении ее функций)
22	24	3. Значительно неэффективна (фактически полное доминирование исполнительной власти либо одной партии или доминирующей партийной организации)
36	39	4. Полностью неэффективна (ограничена в совещательных функциях и безоговорочно подчиняется или законодательная ветвь власти отсутствует полностью)
100	107	
	7	7. Не поддается установлению

* Номера, соответствующие переменным Бэнкса и Текстора.

Источник: Banks A.S., Textor R.B. A Cross-Polity Survey. Cambridge: MIT Press, 1963. Данные обновлены до 1968 г.

Определение типов градации

Для каждой переменной была установлена плотность распределения (см. табл. А-2). Можно заметить, что число стран, которые могли быть включены в классификацию, несколько варьировалось в зависимости от переменной, следовательно, процентные показатели основаны на различных числах.

Главное допущение заключается в том, что каждая из 10 переменных охватывает весь основополагающий континуум, который может быть разделен на различные сегменты, соответствующие категориям. На основе доступной информации невозможно определить, как именно различные

категории делят гипотетический континуум на сегменты. Однако мы можем воспользоваться другой информацией, которая будет служить тем же целям. Поступая таким образом, мы предполагаем, что каждая страна занимает какое-то положение в континууме, каждый критерий делит континуум на сегменты, а страны — на подгруппы и, наконец, что плотность распределения отражает способ подразделения стран исходя из поставленной проблемы.

Количество переменных (n), соотнесенное с общим количеством категорий, равным m , стандартно разделит лежащий в основе континуум на $(m - n + 1)$ сегментов; 10 переменных, подразделенных на 40 категорий, предположительно дают нам $(40 - 10 + 1) = 31$ тип градации. В конечном счете их количество было сокращено до 29, поскольку ни одна из стран не соответствовала типам 2 и 21.

Классификация моделей, не вошедших в шкалу

Следующим шагом после создания идеальной шкалы будет соотнесение соответствующего предмета с делением шкалы прежде, чем мы сможем оценить, насколько информация соответствует гипотетической шкале. Для этого нужна методика, позволяющая соотнести страны с моделями, репрезентирующими типы градации, не попавшие на шкалу. Существуют две возможности. Одна из них состоит в том, чтобы определить для каждой страны идеальный тип градации, имеющий соответствующее суммарное число. Можно воспользоваться другой возможностью и сопоставить каждый несоответствующий шкале тип наиболее близкому типу на шкале, т.е. образцу, который минимизирует количество ошибок⁶. К сожалению, второй подход не дает точных результатов, поскольку возможна более чем одна точная модель градации, которая приведет к такому же (и минимальному) количеству ошибок. Поэтому в качестве дополнительного критерия можно соотнести предмет с одним из этих типов.

Продумать эту процедуру, избежав неоднозначных результатов, проще на основе общего множества, но этого не-

⁶ Ошибка возникает, когда страна попадает в категорию одной из переменных, к которым по прогнозам она не должна была бы относиться исходя из класса или градационного типа субъекта.

достаточно для наших данных, поскольку для многих стран мы не располагаем данными по крайней мере по одному из рассматриваемых вопросов. Из этого следует, что исходное общее множество не может быть использовано для соотнесения предмета и модели шкалы. Вместо этого данное множество следует некоторым образом стандартизировать в целях подсчета количества критериев, на основе которых оно формируется. Однако подобное решение — стандартизированный общий результат — доказало свою несостоятельность по двум причинам: 1) оно жестко зависело от содержания недостающего вопроса(-ов); 2) приводило к огромному количеству ошибок по сравнению с методом минимизирования ошибок. Поэтому типы, отсутствующие на шкале, устанавливались согласно критерию минимального количества ошибок.

Точность соответствия

Коэффициент воспроизводимости (Rep) является критерием, широко используемым для определения того, соответствует ли информация идеальной шкале настолько, чтобы обрабатывать эту информацию так, как будто она является совершенной шкалой:

$$\text{Rep} = \frac{\text{Общее количество ответов} - \text{Количество ошибок}}{\text{Общее количество откликов}}.$$

Таким образом, Rep — это процент ответов, совпадающих с моделями шкалы, с которыми был соотнесен предмет.

При использовании метода минимизации ошибок их общее количество достигло 180. Таким образом, значение этого показателя можно установить на отметке 0,829 в сравнении с ожидаемым значением 0,443. И хотя этот результат несколько ниже того, на который можно было рассчитывать, он означает, что 10 переменных образуют достаточно удовлетворительную шкалу⁷.

⁷ Когда миссис Уильямс использовала все 11 характеристик применительно к 102 странам, коэффициент воспроизводимости равнялся 0,881.

Предостережение Роберта Алана Даля

Рассматривая ранжирование, следует помнить, что многие переменные, на которых оно основывается, неизбежно требуют решений, основывающихся скорее на суждениях, нежели на «твердых» фактах. Это верно в отношении как исходных данных Бэнкса и Текстора, так и пересмотра этих данных и новой классификации, сделанной Ричардом Норлингом. Искажения могут возникать по многим причинам, включая тот простой факт, что некоторая информация доступна в большем объеме в отношении одних стран и недоступна в отношении других. Есть несколько способов решения проблемы нехватки информации, но ни одно из решений не будет полностью удовлетворительным.

По этим ли причинам или вследствие неадекватности выбранных мной переменных шкалограмма приводит к ряду отклонений. Самым очевидным из них стало место, которое должна была занять на этой шкале Франция. Краткое рассмотрение данного случая послужит полезным примером и предостережением относительно использования таблиц. В обоих вариантах шкалограммы миссис Уильямс, как в том, что был предложен Бэнксом и Текстором, так и в том, что был предложен Ричардом Норлингом, Франция занимала то же место, что и Боливия. Не нужно испытывать особенную симпатию в отношении Франции, чтобы понять, что ей здесь явно не место. Так, даже до государственного переворота 1969 г. Боливия вряд ли являлась полиархией, тогда как французская оппозиция обладала достаточно широкими возможностями для противостояния правительству. Вглядываясь в детали, мы обнаруживаем, что Франция не получила высоких баллов в классификации Бэнкса и Текстора в отношении достаточно большого количества индикаторов: № 13, свобода прессы (нестабильная); № 37, выражение интересов политическими партиями (умеренное); № 41, политическая система: количественный аспект (доминирует одна партия); № 48, горизонтальное распределение власти (ограниченное); № 50, действующий статус законодательной власти (частично эффективна). Для меня очевидно, что в отношении Франции применялись гораздо более жесткие стандарты, чем в отношении Боливии и других стран.

Полезно обратить внимание на некоторые из этих классификаций с учетом знаний по состоянию на 1970 г. В 1962 г.

Бэнкс и Текстор классифицировали Францию как страну с нестабильной свободой прессы (№ 13) наряду с такими странами, как Боливия, Бразилия, Бирма, Конго, Лаос, Южная Африка, Сирия и Турция. Более высокая категория, где свобода прессы была «значительной», включала 43 страны, среди которых Доминиканская Республика, Панама и ряд африканских стран, где сегодня правит единственная партия. Нас удивит, что свобода прессы во Франции не многим более «значительна» и «стабильна», чем в этих странах.

Аналогично Франция была классифицирована как страна, «ограниченная» по критерию «агрегирование интересов законодательным собранием» (№ 40), наряду с Боливией, Бразилией, Гватемалой, Гондурасом, Ливией, Никарагуа и т.д. Наконец, в 1962 г. французская партийная система была определена как система с одной доминирующей партией, наряду с Боливией, Мексикой, Парагваем, Вьетнамом и другими странами. И хотя в 1962 г. тенденция к однопартийности, без сомнения, была очевидна, к 1969 г. стало ясно, что Франция больше не соответствует определению «одной доминирующей партии», предложенному Бэнксом и Текстором: «оппозиция не эффективна на национальном уровне». Хотя Франция не может в точности соответствовать оставшимся категориям, ее партийную систему правильнее называть «полупартийной», при которой «оппозиция значительна, но не способна одержать победу над большинством».

Рассмотрим, к каким последствиям приведут эти изменения в классификации. Если теперь Франция классифицируется на основании новой общей суммы, она оказывается в одной категории с Индией, Ямайкой и Тринидадом и Тобаго. Метод минимизации ошибок, применявшийся в табл. А-1, относит ее к типу 6 вместе с Ливаном и Турцией.

И хотя миссис Уильямс и мистер Норлинг не готовы отказать от своих суждений о Франции в пользу тех, что были высказаны Бэнксом и Текстором, я не столь категоричен в этом вопросе. Очевидно, что, единожды начав процесс повторного построения классификации (если только она не основывается на действительных изменениях в политической системе или новых фактах), нам трудно будет остановиться. «Подогнав» все несоответствующие случаи, мы тем самым подорвали бы уверенность в обоснованности процесса в целом. Как бы то ни было, поскольку случай класси-

фикации Франции представляется мне более ошибочным, чем случай какой-либо другой страны из табл. А-1, она появляется дважды: сначала в типе 6, а затем (в квадратных скобках) — в типе 11. Такое двойное отнесение, возможно, послужит очевидным предостережением против того, чтобы видеть в классификации в табл. А-1 непререкаемую истину, высеченную в камне. Несомненно, это не единственная ошибка. Как бы то ни было, я убежден в пользе классификации. Пройдет немного времени, и критерии, подобные тем, что использовались здесь, или более совершенные, позволят получить более точную классификацию, которая станет обычной частью современной информационной базы. Ее аналоги, например, касающиеся данных о валовых национальных продуктах, уже доступны ученым, работающим в сфере наук об обществе, хотя и к этим данным следует относиться с осторожностью. Как только станут доступны профили страны, обсуждавшиеся в главе 10, нам будет проще проверить обобщения, сделанные относительно условий полиархии.

Приложение Б

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИАРХИИ ПО СОСТОЯНИЮ НА 1969 г.

Используя данные табл. А-1, мы можем построить список полиархий по состоянию на 1969 г. В качестве точки отсечения я выбрал тип градации В. Таким образом, включены все страны из колонки 4, соответствующие типам 1-8 включительно, — всего 25 стран. Есть три особых случая.

1. В Чили вплоть до 1960-х гг. значительная часть населения была неграмотной. Решение этой проблемы и, возможно, некоторое смягчение требований по этому критерию привели к такому быстрому сокращению доли населения, не имеющей избирательного права, что с 1970 г. Чили можно классифицировать как полную полиархию включенности.
2. В Швейцарии на национальных выборах женщины лишены права голоса.
3. Чернокожее население США было лишено права принимать участие в выборах в большинстве южных штатов вплоть до выхода в 1964 г. законов «О гражданских правах». (Сведения о процентном соотношении белого и черного населения, принимавшего в 1968 г. участие в выборах, см.: гл. 2, прим. 3.) Хотя доля населения, не имеющего права участвовать в выборах, никогда не превышала 10% (с 1950 г. — менее 7%), тот факт, что это было особое и крайне обездоленное меньшинство, существенно усиливал дискриминационную природу его невключенности в избирательный процесс. Ценз оседлости еще больше ограничивал число избирателей.

Список современных полиархий в табл. Б-1 практически совпадает со списком 31 «современной демократической системы», предложенным Растоу (табл. Б-2). Она включала все страны, политические режимы которых к началу 1967 г. основывались на трех и более последовательных общедоступных состязательных выборах. Четыре расхождения вы-

делены курсивом. Это Греция, где, как отмечает Растоу, конституционное правительство было свергнуто военной диктатурой в апреле 1967 г.; Мексика и Цейлон, которые из-за ограничения возможности оппозиционных выступлений в 1967 г. попали в категорию 14 в табл. А-1; а также Колумбия, которую я отнес к «почти-полиархиям». Более того, мой список (см. табл. Б-1) включает две страны, пропущенные Растоу (Ямайка и Тринидад и Тобаго), поскольку всеобщие выборы не проводились там до обретения независимости в 1962 г. В обоих списках проигнорировано несколько микрогосударств, которые, несомненно, можно было бы отнести к полиархиям.

Список «почти-полиархий» включает четыре страны, соответствующие типам 1-8. Они приведены в столбце 5 табл. А-1, поскольку на протяжении 1960-х гг. процесс перехода к режиму полиархии был резко прерван в результате гражданского насилия, репрессий или военной интервенции. Список также включает Колумбию и Венесуэлу, где, несмотря на эпизодические проявления насилия, институты полиархии в 1960-х гг. все же продолжали развиваться. В этот период Колумбия работала над конституционными поправками (процесс должен был завершиться к 1975 г.), которые накладывали ограничения на партийное соперничество на выборах. Во всех странах, отнесенных к «почти-полиархиям», зарождающиеся институты полиархии были настолько хрупкими, что было неясно, как долго они смогут выносить внутренние противоречия.

Таблица Б-1

Полиархии и «почти-полиархии» по состоянию на 1969 г.

Полные и открытые полиархии

1. Австралия
 2. Австрия
 3. Бельгия
 4. Канада
 5. Коста-Рика
 6. Дания
 7. ФРГ
 8. Финляндия
 9. Франция
 10. Исландия
 11. Индия
-

Полные и открытые полиархии

12. Ирландия
13. Израиль
14. Италия
15. Ямайка
16. Япония
17. Ливан
18. Люксембург
19. Нидерланды
20. Новая Зеландия
21. Норвегия
22. Филиппины
23. Швеция
24. Тринидад и Тобаго
25. Великобритания
26. Уругвай

Особые случаи: ограничения права голоса

27. Чили
28. Швейцария
29. США

«Почти-полиархии»

- 1 Колумбия
- 2 Кипр
- 3 Доминиканская Республика
- 4 Малайзия
- 5 Турция
- 6 Венесуэла

Таблица Б-2

Современные демократические системы

Страна	Год, с которого проводятся постоянные всеобщие выборы
1. США	1788
2. Норвегия	1814
3. Бельгия	1831

Страна	Год, с которого проводятся постоянные всеобщие выборы
4 Великобритания	1832
5 Нидерланды	1848
6 Швейцария	1848
7 Новая Зеландия	1852
8 Дания	1855
9 Швеция	1866
10 Канада	1867
11. Исландия	1874
12 Люксембург	1868
13 Австралия	1900
14 Финляндия	1906
15 Мексика	1920
16 Ирландия	1921
17 Ливан	1926
18 Цейлон	1931
19 Чили	1932
20 Уругвай	1942
21 Австрия	1945
22 Франция	1946
23 Греция	1946
24 Италия	1946
25 Япония	1946
26 Филиппины	1946
27 Израиль	1949
28 Западная Германия	1949
29 Коста-Рика	1949
30 Индия	1952
31 Колумбия	1958

Примечание. Список взят из: *Rustow D.A. A World of Nations: Problems of Political Modernization. Washington, D.C.: Brookings, 1967. Tab. 5. P. 290-291.* Я включил только один из 14 столбцов таблицы. Другие столбцы содержат информацию, касающуюся участия, партийных изменений, конституционной преемственности. Страны, выделенные курсивом, не включены в список полиархий табл. Б-1.

Научное издание

Серия «Политическая теория»

РОБЕРТ АЛЛАН ДАЛЬ

**ПОЛИАРХИЯ:
УЧАСТИЕ И ОППОЗИЦИЯ**

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка

НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор

ТАТЬЯНА БЕЛЯЕВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ —
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3

Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать **03.12.2009**. Формат **84x108/32**

Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 12,3

Печать офсетная. Тираж 600 экз.

ISBN 978-5-7598-0759-9

Изд. № 12и. Заказ № 829

Отпечатано в ГУИ ППП

«Типография „Наука“»

121099, Москва,

Шубинский пер., 6

911785759Ив07599Н